

Словесница Искусств

Посвящается 70-летию Хабаровского края

СКВОЗЬ ВРЕМЕНА И СУДЬБЫ

Петр КОМАРОВ

На краю России

Азиатской волной Амура,
Криком зверя во мгле ночной,
Потайною тропой маньчжура
Ты пугал меня, край лесной.

Ни церквей на холмах зеленых,
Ни плакучих берез в полях –
Только кедры на горных склонах,
Где за соболем шел гиляк.

Но сейчас, кого ни спроси я,
Все ответят наперебой:
Ты и здесь обжилась, Россия,
С неподкупной своей судьбой!

Дни летят косяком гусиным...
Сопки. Мари. Тайга. Вода.
С Ерофеем – крестьянским сыном –
Ты из Вологды шла сюда.

На чукотский всходила берег,
Где туманы плывут с утра,
Где над скалами поднял Беринг
Государственный флаг Петра.

Землеходцы пришли босые,
Топором прорубая путь.
Не забудь их, моя Россия,
Добрим именем помянуть!

Не найдешь той минуты краше,
Когда люди сказать смогли:
Все здесь русское, все здесь наше –
От Москвы до конца земли...

Где-то есть, под Рязанью, что ли,
Не такие, как здесь, места:
За селом – с васильками поле,
Неба звонкая высота.

Что же, пусть небеса другие
Опускаются надо мной –
Ты и здесь мне мила, Россия, –
Край суровый мой, край родной!

1943

Словеница Искусств

№ 21–22
2008

Культурно-просветительский журнал
Издаётся в Хабаровске с 1998 года
Выходит 2 раза в год

Лауреат конкурса среди провинциальных изданий, пишущих о культуре, проводимого АНО «Единство культуры и журналистики» совместно с Фондом Форда (1999)
Лауреат Всероссийского конкурса журналистов «Золотой Гонг-2001»
Лауреат Всероссийского конкурса журналистов «Лица российской провинции» (2004)

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор Елена ГЛЕБОВА
Художественно-технический редактор Галина ПЕРШИНА
Корреспондент Светлана ФУРЦОВА
Выпускающий редактор Наталия РОДИНА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Федосов Александр Вячеславович
председатель (Министерство культуры Хабаровского края)

Акишкин Николай Сергеевич
(Хабаровское краевое отделение всероссийского творческого объединения «Союз художников России»)

Бутрина Галина Александровна
(Дальневосточная государственная научная библиотека)

Вараксина Лидия Александровна
(Государственный архив Хабаровского края)

Гонтмахер Петр Яковлевич
(Дальневосточный государственный гуманитарный университет)

Дубинина Нина Ивановна
(Дальневосточный государственный гуманитарный университет)

Мельникова Татьяна Владимировна
(Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н.И. Гродекова)

Черепанова Светлана Юрьевна
(Хабаровский краевой благотворительный общественный фонд культуры)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ №ФС 15-0488 от 10 апреля 2007 г.

Выдано Управлением Россохранкультуры
по Дальневосточному федеральному округу

Учредитель: Хабаровский краевой благотворительный общественный фонд культуры (680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 17).

Государственное учреждение культуры «Краевое научно-образовательное творческое объединение культуры» министерства культуры Хабаровского края (680000, г. Хабаровск, ул. Запарина, 88).

Издатель: Государственное учреждение культуры «Краевое научно-образовательное творческое объединение культуры» министерства культуры Хабаровского края

Адрес редакции:

680000, Хабаровск, ул. Фрунзе, 71

Тел. (4212) 32-73-42. E-mail: elena.glebova@mail.ru

Отпечатано в ООО «Омега-Пресс»

Тираж 2 000 экз.

На первой странице обложки:

В.П. Степанов. Весна. 1974. Х., м. 196х176. Из собрания картинной галереи им. А.М. Федотова

Перепечатка без разрешения редакции запрещена.
При использовании материалов ссылка обязательна

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВНАЯ ТЕМА: СКВОЗЬ ВРЕМЕНА И СУДЬБЫ

3 **Культура для России не может быть просто проектом. Она – ее национальная идея.**
Интервью с губернатором Хабаровского края В.И. Ишаевым

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

- 9 **Непростой вопрос о счастье**
10 Мария БУРИЛОВА. **Графский титул «Амурский», или Пять веков русской фамилии Муравьевых**
13 Елена ГЛЕБОВА. **Несколько штрихов к историческому полотну «Айгунский договор»**
14 Василий РОМАНОВ. **Поиски и находки**
17 Андрей БЕРЕЖНОВ. **Путь к океану**
22 Нина КОЛЕСНИКОВА. **Дуновение жизни**
30 Юлия ШЕСТАКОВА. **Он посвятил жизнь и все свои труды Дальнему Востоку**
36 Нина ДУБИНИНА. **«Квартиру в Хабаровске найти так же трудно, как апельсин в Якутске»**
39 Наталья СТАРУН. **От военного собрания до храма искусства**
41 Наталья СТАРУН. **Святые заступники Руси и ее дальневосточных рубежей**

ЛИТЕРАТУРА

- 47 Николай НАВОЛОЧКИН. **Любимый край, отцовский кров...**
50 Наталья ГРЕБЕНЮКОВА. **«Поэты, смерти мы не служим...»**
53 Валентина КАТЕРИНИЧ. **Лепестки памяти в колодезной воде**
56 Клара ЗИЛОВА. **Морской старик**
60 Людмила КЛИПЕЛЬ. **На шафоте чужой беды**
62 Екатерина РУДИК. **Боевая подруга писателя**
64 **Быстрые птицы Времени.**
Поэтические зарисовки Владимира Клипеля
66 **«Здесь начинается Россия»**

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

СОБЫТИЕ

- 68 Анна ШАВГАРОВА.
Наша «Золотая Маска», или Материал для посвященных
72 Елена ГЛЕБОВА. **Город на театральной карте**

ФЕСТИВАЛЬ

- 75 Анна МОРОЗОВА. **«Новые грани» в театральном пространстве Хабаровска**

СВЕТЛАЯ ПАМЯТЬ

- 78 **Александр Пышнёв**

КИНО

- 80 Светлана ФУРЦОВА. **Опровержение Соломона**

СОДРУЖЕСТВО КУЛЬТУР

- 82 Елена ВЕБЕР. **Шалом! Здравствуйте!**
85 Елена СОЛНЦЕВА. **Стать самим собой**
87 Анастасия БЕРКОВСКАЯ. **Тина Штольт. Игра света и тени**

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ РЯДОМ

- 89 Светлана ФУРЦОВА. **Портрет в музейном интерьере**

ВЫСТАВКИ

- 91 Светлана ФУРЦОВА. **«Фигуры» из Санкт-Петербурга**
92 Татьяна ДАВЫДОВА. **Мироощущение двух художников**

ВСПОМНИМ ИМЯ

- 100 Елена ГЛЕБОВА. **Солнечный художник с детскими глазами**
106 Виктория ШИШКИНА. **Она говорила на языке цветов**
110 Анна ПЕТРОВА. **Светлая пристань Валерия Шаверина**
113 Елена ГЛЕБОВА. **Встреча с Кимой Дрерман**
118 Ирина ПОЛНИКОВА. **Жил-был Маэстро...**

ВСТРЕЧИ

- 121 Марина ДУБИНИНА. **Маленькая домра в руках большого артиста**

МУЗЕЙНЫЕ РЕДКОСТИ

- 122 Татьяна МЕЛЬНИКОВА. **Простая шкатулка из узорчатой меди**

ПЕРСОНА

- 124 Анна МОРОЗОВА. **Хранитель истории**

ПУБЛИКАЦИЯ

- 126 Леонид ВОСТРИКОВ, Зосима ВОСТОКОВ. **С миру по нитке**

ЛЕТОПИСЬ

- 131 Ольга РАКОВА. **Театральные традиции Нижнего Амура**

КОПИЛКА ПАМЯТИ

- 133 Вячеслав СОБОЛЕВСКИЙ. **Листая прошлого страницы**

СЮЖЕТЫ ПУТЕШЕСТВИЙ

- 139 Елена ГЛЕБОВА. **Острова в акварельных красках**
143 **Хроника событий-2008**

Дорогие земляки, уважаемые читатели!

Вы держите в своих руках уникальный номер журнала «Словесница Искусств», посвященный знаменательной дате в истории Хабаровского края – 70-летию со дня его образования.

Мы по праву гордимся своей историей, накопленными культурными традициями и нашими земляками – государственными и общественными деятелями, талантливыми представителями культуры и искусства, известными не только в крае, но и далеко за его пределами.

Примите искренние поздравления с 70-летием образования Хабаровского края и пожелания крепкого здоровья, благополучия, новых творческих успехов во благо процветания родного Хабаровского края и нашей великой родины России.

***Заместитель председателя правительства
Хабаровского края по социальным вопросам
О.И. ЛЕХОВИЦЕР***

Дорогие друзья, уважаемые жители Хабаровского края!

На страницах этого выпуска журнала «Словесница Искусств» представлен Хабаровский край через призму судеб выдающихся людей – исторических деятелей, краеведов, писателей, поэтов, художников, актеров, музыкантов, внесших бесценный вклад в его развитие и процветание; отражены не только события прошлого, но и значимые события современной культурной жизни края.

От всей души желаю обширной читательской аудитории журнала, в числе которой школьники, студенты, преподаватели школ и вузов, творческая интеллигенция и все, кому дорого культурное и духовное наследие Хабаровского края, увлекательного и познавательного путешествия по страницам журнала.

20 октября Хабаровскому краю исполняется 70 лет. Искренне поздравляю с этой датой всех, кому близка и дорога судьба родного края, кто по-настоящему любит этот уголок приамурской земли и немало делает для того, чтобы наш регион становился сильнее, благополучнее, чтобы живущие здесь люди с уверенностью смотрели в будущее.

Желаю счастья, благополучия, оптимизма, осуществления всех добрых начинаний.

С праздником, дорогие земляки!

С днем рождения, любимый Хабаровский край!

***Министр культуры Хабаровского края
А.В. ФЕДОСОВ***

Культура для России не может быть просто проектом. Она – ее национальная идея

Интервью с губернатором Хабаровского края Виктором Ивановичем Ишаевым

– За последние годы в Хабаровском крае предприняты серьезные усилия по укреплению культурной базы, что говорит о существовании рабочей концепция духовного развития жителей края. Виктор Иванович, расскажите поподробнее, в чем заключается ее стратегия?

– Концепция духовного развития жителей нашего края не просто существует, но и реализуется в полном объеме. Утвержденный постановлением правительства края комплекс мер определил систему принципов, приоритетов и основных параметров развития культуры Хабаровского края до 2008 года. Их цель не только сохранить, но и преумножить культурный потенциал, способствующий духовному обогащению человека. Поэтому мы вопреки негативному мнению тогдашнего премьер-министра Касьянова построили в 2001 году замечательный цирковой комплекс, состоящий из арены на 1,4 тысячи зрительских мест, гостиницы для артистов, специальных помещений для зверей и другого технического назначения. В 2002 году отреставрировали историческое здание, где разместился концертный зал краевой филармонии. Приобрели и установили в нем единственный на Дальнем Востоке орган. Сегодня хабаровчане имеют возможность слушать органную музыку в исполнении ведущих музыкантов России и зарубежья. Здесь же, в концертном зале, проводит свои выступления практически единственный на территории от Тихого океана до Урала Дальневосточный симфонический оркестр. Отремонтированы здания всех четырех краевых и двух муниципальных театров. Примечательно, что и Хабаровский краевой театр драмы, и Комсомольский-на-Амуре муниципальный драматический театр, и театры юного зрителя и кукол, и Хабаровский муниципальный театр пантомимы «Триада» имеют своего преданного зрителя.

Не могу не сказать о старейшем в России краевом театре музыкальной комедии, недавно переименованном в музыкальный театр. Это не просто смена имени, а фактически создание нового театра, способного на своей сцене наряду с опереттой ставить балетные и оперные постановки.

В сентябре 2008 года в дни работы Третьего Дальневосточного международного экономического форума открылась для посетителей так называемая пристройка к крае-

вому краеведческому музею им. Н.И. Гродекова, по своей площади равная площади уже существующего здания этого музея. В ближайшей перспективе строительство современного здания для Дальневосточного художественного музея, обладающего сегодня ценнейшей коллекцией. Ввод в эксплуатацию этого объекта позволит увеличить выставочные площади, организовать постоянно действующие и обновляющиеся экспозиции произведений искусства из ведущих музеев России.

Каждый, кто приезжает в Хабаровск, отмечает изменившийся архитектурный облик, особенно его центральной исторической части. Украшением города стал третий по величине в России Спасо-Преображенский кафедральный собор. Всего же мы построили два десятка церквей и даже

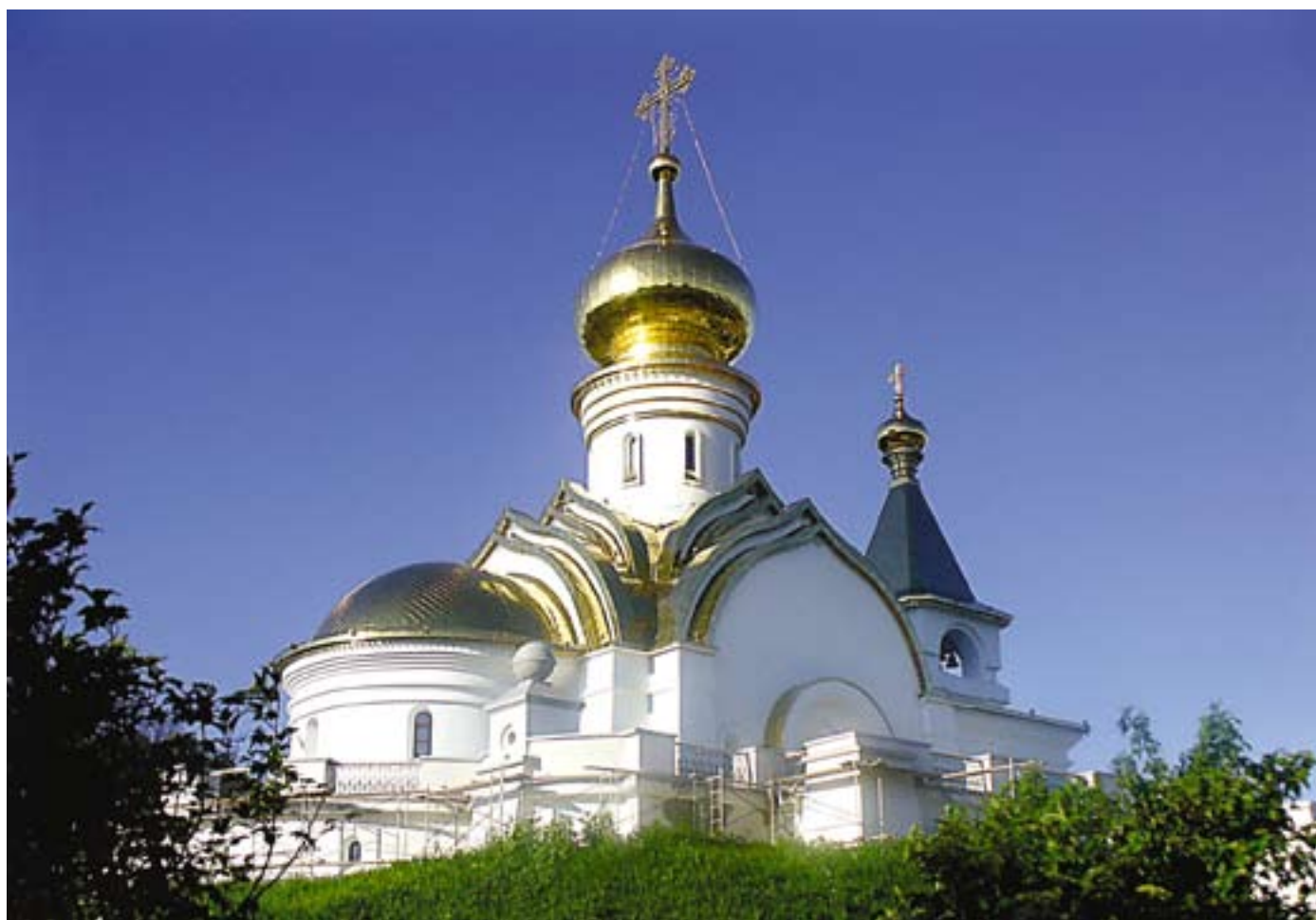

Фото Сергея Ащеулова

духовную семинарию, к слову, единственную на Дальнем Востоке.

Вообще, мы не скрываем масштабов и амбиций в отношении своих планов на будущее. Это открытие школы для одаренных детей, филиала консерватории, повышение статуса Дальневосточного симфонического оркестра до академического, создание в 2009 году на базе филармонии оркестра народных инструментов, а в 2010 году – хорового коллектива. Дальнейшее развитие получат библиотечное обслуживание, народное творчество, будут организованы и поддержаны значительные фестивальные проекты в области кино, а также театрального, музыкального, изобразительного и танцевального искусства.

Все это, на мой взгляд, и должно создать особую социокультурную среду, способствующую улучшению качества жизни. Оно должно быть не ниже, а может быть, и выше, чем в европейской части и в сопредельных регионах и странах. В совокупности с хорошим заработком и хорошей квартирой эта обновленная социокультурная среда станет необходимой гарантией закрепления человека на рубежах дальней России. А если учесть, что мы живем в условиях приграничья, то обеспечение за Хабаровским краем регионального лидерства в развитии искусства и культуры, а за краевым его центром – статуса культурной столицы Дальнего Востока становится еще и стратегией национальной безопасности.

– Хабаровский край по масштабу территории и количеству жителей сравним со средней европейской или азиатской страной. Какие, на ваш взгляд, существуют в крае проблемы регулирования культурной политики?

– Проблем предостаточно. Как я говорил, мы планируем достаточно серьезные инвестиции в культуру края. Но встает вопрос: кто будет работать в обновляемых учреждениях культуры? По краю средняя заработная плата работников культуры сегодня составляет 7,2 тыс. рублей. А библиотечных, музейных и особенно сельских клубных работников и того меньше. Для сравнения, средняя заработная плата по краю – 15,7 тыс. рублей, а прожиточный минимум – 5,8 тыс. рублей. Понятно, почему мало кто из молодежи выбирает эти профессии. Непрестижно! Замечу, к слову, что такое отношение к профессии работника культуры характерно и для других регионов страны.

В то же время мы в крае постоянно поддерживаем работников культуры и искусства: ежегодно выплачивается материальная помощь, в зависимости от стажа работы установлены ежемесячные надбавки к должностным окладам в размере до 30 %, работникам культуры, проживающим в сельской местности, компенсируются расходы по оплате жилья и коммунальных услуг, а также выплачивается 25 % надбавки к должностному окладу. На эти цели только в 2007 году израсходовано из бюджета около 88 млн рублей. С 1994 года установлены премии губернатора края в области литературы и искусства, театральной деятельности, стипендии ветеранам культуры и талантливой молодежи, работникам краевых театров, музеев и других учреждений, выдающимся деятелям искусства края. Мы также находим возможность давать работникам культуры квартиры.

Для поддержки муниципальных учреждений культуры мы ежегодно проводим краевые конкурсы на лучшие музей, библиотеку, клубное учреждение, кинотеатр, отмечаем луч-

Фото Тамары Гармашевой

шие проекты по развитию культуры села, лучших библиотечек, киномехаников, клубных работников. На организацию этих конкурсов из краевого бюджета выделяется более 1 млн рублей. Одними из первых в стране мы стали торжественно отмечать у себя краевой День работников культуры. Теперь он стал всероссийским.

Между тем этих мер крайне недостаточно. Скажу еще, что планируемый в стране переход на отраслевую систему оплаты труда в том варианте, который предлагается, надежды на достойную жизнь работников культуры в регионах, к сожалению, не оправдает.

Общей для всех отдаленных от центра регионов России является проблема целевой подготовки специалистов в вузах страны и закрепление их на рабочих местах. Как правило, не все целевики возвращаются домой, особенно в северные и сельские районы края. Их не останавливает ни наличие жилья, ни оплата труда по контракту. Находя всевозможные лазейки в нашем законодательстве, они остаются в городах. Мне до сих пор непонятно, для чего у нас существуют бюджетные места в вузах, оплачиваемые государством, а вернее налогоплательщиками. Неужели мы так богаты, что можем позволить себе такое неэффективное использование средств?! Разумно бы было, человеку, обучающемуся на бюджете, поработать на общее государственное дело. А не захотел – заплати за свое обучение и работай там, где тебе хочется. В этом и заключается социальная справедливость, о которой так много говорится.

В связи с подготовкой кадров хотелось бы затронуть и проблему одаренных детей. У нас реализуется краевая про-

грамма их поддержки. В перспективе строительство для них краевой школы – целого комплекса, включающего помещения для общеобразовательных и специальных учебных дисциплин. Но в отдельно взятом регионе успешно решить задачи развития детской одаренности невозможно. Если мы думаем о будущем страны, о ее лидерстве в культуре, науке, технологии и бизнесе, то уже сегодня должны обратить внимание на тех, кому природой дарован талант. Ими будет гордиться Россия. Они национальное ее богатство. Поэтому нужна межведомственная федеральная программа развития и поддержки одаренных детей и талантливой молодежи.

Я как губернатор края получаю достаточно много просьб от государственных органов и различных общественных организаций: оказать содействие в проведении тех или иных всероссийских фестивальных проектов, помочь направить художественные коллективы и исполнителей на престижные конкурсы и т. п. Дело хорошее, и по возможности мы помогаем. Не так давно негосударственный театр «КНАМ» г. Комсомольска-на-Амуре стал победителем международного театрального фестиваля в Сингапуре. Студентка второго курса краевого колледжа искусств Дарья Рудник заняла первое место на VIII Международном музыкальном конкурсе в Италии по классу скрипки. Сейчас готовится к поездке в г. Новосибирск на Дельфийские игры России делегация края в составе 68 человек. Но, когда читаю эти просьбы, всегда задаюсь вопросом: почему учредители и организаторы подобных мероприятий в нашей стране не могут предложить отдаленным от центра России дотационным регионам льгот-

ГЛАВНАЯ ТЕМА

ные условия для участия: оплатить проезд, проживание, питание? Ведь когда мы у себя проводим краевые праздники и приглашаем на них художественные коллективы, мы берем расходы на себя. Считаю, что федеральным органам управления культуры как учредителям конкурсных проектов необходимо предусмотреть льготные условия участия в них представителей отдаленных территорий.

Одним из важных направлений культурной политики является организация кинопроката. Особенностью его в крае является то, что мы в отличие от ряда других регионов сохранили государственное регулирование этой деятельностью там, где частный капитал не изъявил желание работать. За счет средств муниципального и частично краевого бюджетов проведены капитальный ремонт и переоснащение новой звуковой системой 17 кинотеатров и кинозалов в Хабаровске, Комсомольске-на-Амуре и в районных центрах края. На восстановление кинопоказа в отдаленных северных и сельских районах края передано муниципальным образованиям 58 комплектов видеопаратуры на сумму более 12 млн рублей. Эти меры позволили улучшить качество кинообслуживания жителей края. Мы и впредь намерены продолжать регулирование кинопрокатной деятельности, осуществлять модернизацию киносети: технологическое ее обновление, перевод сельских киноустановок на видеоносители.

Говоря о проблемах государственного регулирования отрасли культуры, нельзя не коснуться и вопроса разработки ее нормативной базы. До сих пор здесь больше разговоров, чем конкретных результатов. Это усложняет ситуацию в регионах, особенно в муниципальных образованиях. Хотелось бы, чтобы авторы нормативного регулирования культурной деятельности учли очень важное обстоятельство – у всех регионов условия разные. Приведу пример. В этом году было сделано важное дело: выделены федеральные субсидии на комплектование книжного фонда библиотек. Но только после нашего вмешательства был изменен порядок предоставления субсидии – не по количеству жителей, как изначально предполагалось, а по количеству библиотек в муниципальных районах.

Несомненно, культура как никакая другая отрасль нуждается в государственном регулировании. Сегодня в среде творческой интеллигенции, деятелей искусства, работников культуры все чаще раздаются голоса о невнимании к ее проблемам. При наличии положительно зарекомендовавших себя национальных проектов по здравоохранению и образованию культура, к моему глубокому сожалению, не причисляется к политическим приоритетам на федеральном уровне. Закон об основе законодательства Российской Федерации о культуре, принятый в 1992 году, уже не соответствует в полной мере реальным потребностям российского общества и в наши дни нуждается в концептуальном обновлении. Я согласен с теми, кто считает, что культура для России не может быть просто проектом, она – ее национальная идея. И поэтому так необходима единая федеральная программа по ее реализации, определяющая стратегию и механизмы государственной политики в области культуры.

– В свое время вы занимались вопросами разграничения полномочий между органами исполнительной власти. Сейчас это разграничение уже реальность. Как, на ваш взгляд, это осуществляется и идет ли на пользу объектам культуры Хабаровского края?

– 131-й федеральный закон стал серьезным экзаменом

Фото Тамары Гармашевой

Фото Тамары Гармашевой

Фото Тамары Гармашевой

Фото Тамары Гармашевой

для муниципальной, особенно сельской культуры. Она, не имея фактически никакой правовой защиты, в условиях значительного дефицита местного бюджета оказалась наименее защищенной. Главной задачей для нас было сохранить учреждения культуры и тот кадровый потенциал, который складывался годами.

Конечно, в ходе реализации возникало много спорных вопросов. Основной из них заключался в том, что передача полномочий должна подкрепляться финансовыми и материальными ресурсами. А этого как раз и не произошло. Но, как бы то ни было, основные мероприятия по разграничению полномочий проведены.

Теперь глава каждого муниципального образования, от округа и района до поселения, участвует в реализации политики в сфере культуры, определяя и создавая условия для развития ее учреждений. Вместе с ответственностью пришла и заинтересованность в результатах культурной деятельности. В целом по краю стало больше выделяться денежных средств из местных бюджетов на текущий и капитальный ремонт, реставрацию и материально-техническое оснащение учреждений культуры.

– Виктор Иванович, каково ваше мнение о жизнеспособности учреждений культуры? Должны ли они сами на себя зарабатывать или содержание их – все же прерогатива государства, а также конкретных региональных властей?

– В России исторически меценатство или государственная поддержка были главными источниками жизнедеятельности учреждений культуры и искусства. В рыночных условиях учреждения культуры обязаны научиться зарабатывать. Притом что мы дотируем из бюджета муниципальный кинопрокат, созданное нами государственное краевое унитарное предприятие «Хабаровское краевое киноцирковое объединение», включающее два кинотеатра и цирк, работает на самоокупаемости. С каждым годом возрастает доходность краевых учреждений культуры. Так, если в 2001 году они зарабатывали 18 млн рублей, то в 2007 году уже 90 млн рублей, то есть в пять раз больше. И это не предел их возможностей. В 2008–2009 годах мы планируем реорганизовать ряд краевых и муниципальных учреждений в автономные, что повысит эффективность их работы.

С другой стороны, мы реалисты и понимаем, что не все виды культурной деятельности можно коммерциализировать. Прерогативой государства, а также краевых и муниципальных властей остается реализация принципа доступности для жителей края услуг учреждений культуры и искусства. Он проявляется в бесплатном библиотечном обслуживании, а также в ценовой политике, учитывающей покупательскую способность различных слоев населения и многое другое. Поэтому следует в вопросах экономической эффективности учреждений культуры найти оптимальное соотношение государственной поддержки и коммерческой инициативы самих учреждений.

Записала Н. ГРИГОРЬЕВА

Непростой вопрос о счастье

Мой пятнадцатилетний сын рассказал недавно одну древнюю притчу. Во времена сотворения мира Бог слепил из глины человека и вдохнул в него жизнь. Но остался неиспользованный кусок, и Бог спросил: «Что еще сделать для тебя?» «Слепи мне счастье», – попросил человек. Творец задумался, а потом молча вложил ему в ладонь оставшийся кусочек глины...

Уже минуло три с половиной столетия, как русские люди стали разведывать, а потом и осваивать далекие и дикие приамурские земли, чтобы присоединить их к государству Российскому. Пришлось пролить немало пота и крови, прежде чем был подписан Айгунский договор, а военные посты начали приобретать черты первых городов. Приамурье стало тем самым кусочком глины, из которого нужно было попытаться вылепить счастье. Удалось ли? Ответ на этот вопрос вряд ли будет однозначным. Непростая история у нашей земли, как, впрочем, и у всей России.

Хабаровский край и его столица не могут похвастаться многовековой летописью. Но в этом небольшом отрезке времени уместается столько событий, что возникает ощущение туго сжатой пружины. Трудные дороги первых землепроходцев, истинное служение офицеров и солдат, укреплявших восточные рубежи Российской империи, щедрость первых горожан, которые строили Хабаровск (и другие приамурские города), украшая его храмами, неистовость и одержимость представителей новой революционной власти, которые эти храмы рушили «до основания» в надежде построить новую и светлую жизнь...

Пришло время, мы оглянулись назад, и стало ясно, что пора возвращать утраченное, исправлять ошибки. По сути, последние десятилетия стали «работой над ошибками». Теперь дальневосточная столица все больше становится похожей на европейский город, в ее портрете великолепные памятники архитектуры двух прошлых столетий и замечательные творения современных архитекторов. А золотые купола православных храмов, которые возводятся всем миром, создают защитное поле для городов и селений Хабаровского края.

Поддержка и развитие культуры, значимые события последних лет в области театра, музыки, литературы, истории – то, из чего формируется статус Хабаровска как культурной столицы большого Дальневосточного региона. Но произош-

ло это не сразу, не вдруг. Основа всего – труд многих дальневосточников, серьезный и кропотливый. Не требуя наград и регалий, они многие годы, шаг за шагом наполняли и продолжают наполнять культурное и духовное пространство Приамурья.

Этот номер «Словесницы Искусств» – юбилейный. В 2008 году нашему изданию исполнилось 10 лет: за достаточно солидный для средства массовой информации отрезок времени мы прошли путь от тоненького альманаха до журнала, получившего признание не только в нашем крае, но и в России и за рубежом. Но главной темой номера стало посвящение 70-летию Хабаровского края. Мы решили провести Вас, уважаемый читатель, сквозь времена и судьбы, еще раз посмотреть на давно минувшие события и разглядеть в них новые детали, рассказать о людях хорошо известных и вспомнить о тех, кто по каким-то причинам оказался забыт, нарисовать картину сегодняшнего дня, в которой, к счастью, много ярких и светлых красок. И когда все это сложилось воедино на журнальных страницах, стало абсолютно ясно: жителям нашего края все же удалось слепить свое счастье из кусочка глины.

Елена ГЛЕБОВА

Портрет Н.Н. Муравьева-Амурского кисти К. Маковского. Собственность Иркутского художественного музея. Репродукция В. Токарского

Графский титул «Амурский», или Пять веков русской фамилии Муравьевых

Мария БУРИЛОВА

*В Сибири Муравьев более
могущественен, чем Господь Бог.
Граф В.А. Бобринский*

К личности графа Н.Н. Муравьева-Амурского (1809–1881) – генерал-губернатора Восточной Сибири с 1847 по 1861 год, так много сделавшего для присоединения приамурских земель к России, у жителей Хабаровского края отношение особое. Он был редким исключением среди сибирских губернаторов. Талантливый, очень энергичный, прекрасный организатор, решительный и смелый в действиях, умеющий быть демократичным и внимательным в обращении, он пользовался любовью и уважением представителей самых разных кругов.

Сибирское общество оценило государственное значение Айгунского договора, подписанного в 1858 году, как основного этапа в разрешении амурского вопроса. К слову, нынешний, 2008 год ознаменован еще одной важной исторической датой – 150-летием со дня подписания этого важнейшего для судьбы России документа.

Присоединение к России Приамурья и Приморья было подготовлено деятельностью экспедиции капитана Невельского, которая, обследовав в 1849 году устье Амура, опровергла представление о том, что оно недоступно для морских судов и что Сахалин соединен с материком перешейком. Летом 1850 года Г.И. Невельской на свой страх и риск вопреки инструкции правительства поднял русский флаг в устье Амура и объявил территорию Нижнего Амура русской. Царские министры возражали против этих действий, не доверяя сообщению Невельского о судоходности низовьев Амура и опасаясь обострения отношений с Китаем. Смелая и энергичная политика, проводившаяся Невельским, во многом облегчила последующую деятельность по закреплению Дальнего Востока за Россией.

Причиной, подтолкнувшей правительство на более решительные меры, была опасность нападения англо-французской эскадры на Петропавловск-Камчатский (что и произошло в 1854 году) и занятия устья Амура союзниками, выступавшими против России в Крымской войне. С 1854 года начинаются сплавы по Амуру: к берегам Тихого океана на плотках доставляются значительные военные силы, в районе Нижнего Амура основываются новые русские посты, появляются первые партии крестьян-переселенцев. Вскоре Китай признал эти территориальные приобретения России: в 1858 году Н.Н. Муравьевым, возглавлявшим деятельность по присоединению Амура, был заключен Айгунский трактат, по которому Китай признавал Приамурье русским. В 1860 году новый трактат с Китаем (Пекинский) закрепил за Россией и Приморье.

Выражая мнение демократических кругов Сибири об Айгунском договоре, М.В. Петрашевский писал: «Такой другой факт, такой другой трактат международный, подобный ему, вызываю вас, господа дипломаты, найти хоть еще один во всей истории международных договоров». Эти слова являются признанием заслуг Муравьева, лучшей оценкой его деятельности. Важно отметить, что оценка эта дана человеком, не особенно склонным расточать похвалу лицам, стоящим у власти.

О графе Н.Н. Муравьеве-Амурском довольно много написано. В последнее время о нем вспоминали в связи с перенесением во Владивосток в 1991 году его праха из Парижа (Монмартрское кладбище), а также в связи с восстановлением ему памятника в 1992 году в Хабаровске. Открылись также неизвестные прежде страницы судьбы этого неординарного человека и его родственников.

Летом 2000 года во Владивостоке мне довелось познакомиться с потомком графа и наследником фамилии – Василием Сергеевичем Муравьевым-Амурским. Живет он в Санкт-Петербурге, тогда заведовал кафедрой графического дизайна в художественно-промышленной академии. Я задала ему несколько вопросов, чтобы прояснить ситуацию: ведь нам известно, что у Николая Николаевича Муравьева-Амурского не было прямых потомков.

В России род Муравьевых насчитывает более пяти веков и ведет свое начало от сына боярского Василия Алаповского (Олуповского) и его сыновей Ивана Муравья и Осипа Пуща. Датой основания рода Муравьевых считается 1488 год, хотя это понятие условно. Существуют два основных источника информации: генеалогическая традиция, т. е. сведения, передававшиеся из поколения в поколение, и архивные документы. Всего за более 500 лет сменилось 14 поколений. В настоящее время здравствуют 15-е и 16-е поколения, родилось семнадцать представителей 17-го и двое 18-го колена. Всего же прямых потомков Ивана Васильевича Муравья, внесенных в родословную запись (мужчин и женщин по мужской линии, а также тех потомков по женской линии, кто сохранил фами-

Хабаровск. Памятник Муравьеву-Амурскому.
Изд. Н. В. Гутмань. С фот. Пальман

Казак – сподвижник Н.Н. Муравьева-Амурского. Фото А. Бодиско. Хабаровск. 1908

лию), известно поименно более пятисот. Василий Сергеевич Муравьев-Амурский значится в ней 462-м.

Источником для настоящей статьи послужил и труд Сергея Никитовича Муравьева. Автор, по его же словам, «живет одной ногой в Париже, другой – в Москве». Он написал историю рода и довел родословную вплоть до наших дней. В свое время Сергей Никитович передал свой труд «Муравьевы (краткая история рода)» Антонине Константиновне Дмитриевой, почетной гражданке города, с которой он переписывался.

В частности, С.Н. Муравьев пишет: «...представителем одиннадцатого поколения был внук мореплавателя Степана Воиновича – Николай Назарьевич Муравьев (1775–1845) – писатель и начальник канцелярии императора Николая I. Он отец пятнадцати, а по некоторым сведениям семнадцати детей. Выжили только девять, в том числе трое мальчиков. Старшему из них – Николаю Николаевичу – суждено было стать губернатором Восточной Сибири и удостоиться титула графа».

Благодарного упоминания заслуживает помещик Тульской губернии Василий Иванович Муравьев (1804–1858), двоюродный брат будущего графа. В 1844 году с группой помещиков он подал на высочайшее имя проект освобождения крестьян в России. Через два с половиной года из-под его пера вышли еще два аналогичных прошения, одно из которых было одобрено новым тульским губернатором, кузеном главного просителя, за что Н.Н. Муравьева и перевели в срочном порядке в Восточную Сибирь (эти сведения установил и сообщил О.П. Могила из Нижнего Новгорода).

С генеалогической точки зрения интересна судьба дарованного ему за заслуги наследственного графского титула. Именным указом императора Александра II Н.Н. Муравьев был возведен в графское достоинство с присоединением к его имени слова «Амурский» в августе 1858 года, спустя три месяца после подписания российско-китайского Айгунского договора.

Поскольку у Николая Николаевича не было детей, то в 1863 году, когда он решил уехать на родину жены в Париж, чтобы фамилия не исчезла, ему было разрешено передать свой титул брату Валериану Николаевичу (1811–1869), с которым он регулярно, довольно откровенно и содержательно переписывался и был дружен всю жизнь. Многие из этих писем опубликованы историком И.П. Барсуковым («Граф

Н.Н. Муравьев-Амурский», М., Т.1, 1891). Однако Валериан Николаевич умер спустя шесть лет. По закону фамилия должна была перейти его первенцу Николаю, но тот уже был женат, и, как гласит семейное предание, император, побоявшись, что «ему нарожают» много Муравьевых-Амурских, распорядился передать графское достоинство и право носить двойную фамилию холостяку из рода, брату Николая – Валериану Валериановичу (1861–?), который с мая 1882 года становится Муравьевым-Амурским.

Н.Н. Муравьев-Амурский умер в ноябре 1881 года. Именно он, Валериан Валерианович, капитан генерального штаба, единственный представитель родственников покойного генерал-губернатора и наследник титула присутствовал на торжестве открытия памятника в 1891 году в Хабаровске своему замечательному дяде.

От Валериана Валериановича титул графа Амурского перешел к его сыну Михаилу Валериановичу (1898–1930) (не путать с дядей-генеалогом!). Михаил Валерианович Муравьев-Амурский закончил Суворовский кадетский корпус. В феврале 1916 года был направлен в лейб-гвардии казачий полк, произведен в сотники. Награжден всеми орденами до Анны с мечами II степени (а ведь ему в то время было всего 18 лет).

Но произошла революция. Михаил Валерианович в Гражданскую войну служил в северной Добровольческой армии. Долгое время родственники о нем ничего не знали. Сейчас известно, что он эмигрировал в Италию, приобрел небольшое имение во Флоренции, женился на швейцарской аристократке, развелся с ней. Умер в 32-летнем возрасте от неудачной операции аппендицита, не оставив потомков. Так прервался род графов Муравьевых-Амурских...

Когда Белая армия отступала на юг, Михаил Валерианович передал двоюродному брату Сергею Александровичу часть семейных реликвий – трость из розового дерева, украшенную набалдашником из слоновой кости (подарок китайского чиновника Н.Н. Муравьеву-Амурскому после подписания Айгунского договора), сургучную родовую печать, а также «кирпичик» угля, который, если верить семейному преданию, в 1879 году был передан в Париж Н.Н. Муравьеву-Амурскому с угольных сахалинских копей в Дуэ.

Эти семейные ценности хранятся теперь у Василия Сергеевича в Санкт-Петербурге. Его отец Сергей Александрович (1896–1968) так же, как и брат Назарий, после революции перешел на сторону советской власти и служил в штабе ВМФ до Кронштадтского мятежа. В 1923 году ему предъявили обвинение в сочувствии мятежникам. Сергей Александрович знал их всех по службе на броненосце «Петропавловск». Около года ему пришлось провести в тюрьме. Потом перевели в Севастополь, в школу летчиков-наблюдателей. С 1925 по 1930 год служил на Черном море. В 1930-м тучи снова сгустились: его лишили права работать в европейской части СССР. Так он оказался за Уралом и в течение 16 лет принимал участие в качестве гидрографа во многих экспедициях: в 1933 году – на Камчатке, в 1936 году – в Тикси, в 1937–38 годах дрейфовал на ледовом пароходе «Малыгин» вместе с Седовым. После войны ему предложили вернуться в Ленинград, что он с радостью и сделал. Сергей Александрович преподавал в Нахимовском училище ровно 10 лет, заслужил военную пенсию и ушел в полную отставку с мундиром в звании капитана 2 ранга. Умер он в 1968 году в поезде, когда ехал к своему брату Назарию в Казань. Ему было 72 года.

На могиле знаменитого предка Василий Сергеевич Муравьев-Амурский побывал дважды, а вот памятник в Хабаровске только планирует увидеть.

Несколько штрихов к историческому полотну «Айгунский договор»

Когда мы говорим о Приамурье, в памяти возникают главные символы нашей земли. Один из них – большое историческое полотно «Айгунский договор», созданное заслуженным художником России, одним из старейших дальневосточных живописцев Василием Евтроповичем Романовым.

Выпускник Всероссийской академии художеств в Ленинграде (мастерская Бобышова) был принят в Союз художников СССР сразу после защиты диплома и получил распределение в русский драматический театр Марийской АССР в качестве главного художника. В 1946 году Романов приехал на Дальний Восток. Сначала в его жизни был Благовещенск, затем – Хабаровск, где Василий Евтропович первые пять лет работал главным художником краевого театра драмы. С этим городом в итоге оказалась связана вся жизнь.

Основные темы творчества В.Е. Романова – российская история, Дальний Восток, коренные малочисленные народы Севера, охрана восточных рубежей России. Отдельные циклы работ посвящены Чукотке и Сахалину.

Особое место занимает большая серия графических и живописных работ «Ленинград в блокаде», созданная Василием Евтроповичем в 1941–1942 годах. По сути, это дневник художника, который сам был участником тех трагических событий. Несмотря на тяжелейшие условия, В.Е. Романов, в то время еще студент Академии художеств, с документальной точностью запечатлел все, что происходило вокруг, и в этом уникальность рисунков.

Ряд произведений художника, в том числе из серии «Ленинград в блокаде», находятся в собраниях Дальневосточного художественного музея, Комсомольского-на-Амуре музея изобразительных искусств, Биробиджанского художественного музея, Картинной галереи Управления по делам искусств при Совете министров Марийской АССР, Шушенской народной картинной галереи (Красноярский край), Дирекции выставок и панорам (Москва), Картинной галереи Гэкко (Токио, Япония). Работы В.Е. Романова участвовали во всесоюзных, всероссийских, региональных, краевых и международных выставках.

В 2005 году при поддержке правительства Хабаровского края в свет вышел художественный альбом В.Е. Романова «Память сердца», в который вошли работы из блокадного дневника художника.

В 2008 году Василию Евтроповичу Романову исполнилось 95 лет, историческому полотну «Айгунский договор» – 61 год. Обе эти даты, без сомнения, важные вехи в художественной летописи Дальнего Востока.

Картина «Айгунский договор» рождалась в Благовещенске, куда художник приехал в 1946 году, однако тема освоения

Фото Валерия Токарского

далекого края России заинтересовала его еще в студенческие годы. В Ленинграде Василий Евтропович познакомился с архивными документами о строительстве Транссиба. В них часто упоминалось имя генерал-губернатора Восточной Сибири, которому принадлежала идея создания «Великого Сибирского железнодорожного пути» к Тихому океану. Можно сказать, что именно личность графа Муравьева-Амурского во многом повлияла на решение В.Е. Романова побывать на Дальнем Востоке.

Художник изучал архивные материалы того времени, труды по философии и культуре Маньчжурии XVII–XIX столетий, по крупицам извлекал необходимые сведения, чтобы сделать свое произведение максимально достоверным, передать атмосферу важнейшего для Российской империи политического и исторического события. В сентябре 1947 года работа над картиной завершилась. Широкому зрителю «Айгунский договор» был представлен в Хабаровске на краевой выставке, посвященной 30-летию Октябрьской революции и 25-летию со дня освобождения Дальнего Востока от интервентов и белогвардейцев. Сегодня историческое полотно является собс-

Картина «Айгунский договор» окончена. Благовещенск. 1947

твенностью Хабаровского краевого краеведческого музея им. Н.И. Гродекова. Печатное изображение картины вошло во многие книги и альбомы, в том числе и зарубежные, посвященные освоению российского Дальнего Востока.

Самым первым рецензентом этого живописного произведения стал известный исследователь Приамурья, краевед Григорий Степанович Новиков-Даурский, именем которого сегодня назван Амурский краеведческий музей: «Подобного я не ожидал. Это серьезный труд, выразительный и достоверный. Надеюсь, что картина будет пробуждать в сердцах людей дремлющее чувство благодарности к нашим далеким, смелым предкам...»

Сегодня многие ученые и исследователи обращаются к картине В.Е. Романова «Айгунский договор» как к историчес-

кому документу, и это, без сомнения, высокая оценка. Говоря о значимости картины, Нина Ивановна Дубинина, доктор исторических наук, профессор ДВГГУ, отмечает прежде всего тот факт, что художник впервые за достаточно длительный период времени, от первых лет революции до середины XX века, создает живописный образ генерал-губернатора Н.Н. Муравьева-Амурского и отводит ему в своей картине центральную роль. На долгие годы «приобретатель для России Амура», как называл Муравьева-Амурского его сподвижник Богданов, по понятным причинам находился «в зоне молчания», память о нем сознательно уничтожалась. Так, в январе 1925-го с лица Хабаровска исчез памятник генерал-губернатору Восточной Сибири графу Муравьеву-Амурскому работы известного российского скульптора А.М. Опекушина, воздвигнутый на пожертвования горожан в 1891 году. Представители новой власти сбросили с пьедестала возвышавшегося над Амурским утесом бронзового графа и разбили на куски.

Нетрудно себе представить, насколько идеологически напряженной была ситуация, в которой В.Е. Романову приходилось работать над своим историческим полотном. Но это не повлияло на позицию художника. Н.Н. Муравьев-Амурский в картине «Айгунский договор» предстает перед нами не только как мощная историческая личность. Мы видим человека, наделенного умом и чувством собственного достоинства, верного сына Отечества. И это в то время, говорит Нина Ивановна Дубинина, когда царские генералы изображались советскими художниками исключительно как сатрапы. Без сомнения, полотном «Айгунский договор» было настоящим прорывом, так же как и уникальная книга М. Штейна «Н.Н. Муравьев-Амурский. Историко-биографический очерк», вышедшая в Хабаровске в 1946 году. Однако профессор Дубинина подчеркивает: это могло произойти только на Дальнем Востоке. Россия к тому времени уже забыла о генерал-губернаторе Восточной Сибири и о том, что он сделал для государства. Но художник Романов проник в историю сложнейших отношений между двумя державами, не обошел вниманием другие знаковые для Дальнего Востока личности, среди которых, например, святитель Иннокентий (Вениаминов), и сумел запечатлеть это на века.

Елена ГЛЕБОВА

Поиски и находки

Отрывок из воспоминаний Василия Евтроповича Романова о работе над исторической картиной «Айгунский договор»

При размышлении над композицией будущей картины мне виделось, что российская и китайская дипломатические стороны разместились за столом, перед ними карта реки Амур – главного предмета Айгунского договора. Я предполагал, что слева лучше посадить генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева с гусиным пером в руке. За ним поместить российских чиновников разных ведомств. Перед графом Муравьевым положить документ – договор о границе с Дайцинским государством. По правую руку от генерал-губернатора – архиепископ Иннокентий (Вениаминов), за спиной – статский советник министерства иностранных дел, который впоследствии был представителем России в Пекине, за ним – его ближайший помощник и друг П.Н. Перовский. Слева направо разместятся подполковник Генерального штаба К.Ф. Будогосский, управляющий путевой канцелярией В.Д. Карпов, подполковник В.Е. Язов и др.

По левую руку от Н.Н. Муравьева, в центре картины, будет стоять переводчик Я.П. Шишмарев, рядом – управляющий дипломатической канцелярией Б.Г. Бютцев. Справа за столом должен восседать Амурский главнокомандующий князь И Шань в желтом парадном халате, как этого требовал этикет. У него холеные руки, в правой – кисть для письма, перед глазами – текст договора. Рядом с князем И Шанем маньчжурские чиновники.

Создавая образ И Шаня – престарелого тестя богдыхана (сына Неба), хотелось уделить особое внимание кистям его рук – бесспорному свидетельству его высокого, благородного происхождения. Руки надлежало изобразить по-женски ухоженными, с тонкими пальцами и длинными ногтями. Этим рукам незнаком какой-либо труд.

Надо сказать, немало времени потребовалось на поиски натурщика с подобными руками. Обладательница изящных

В.Е. Романов. **Айгунский договор**. Х., м. 1947. Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н.И. Гродекова. Репродукция Валерия Токарского

рук оказалась совсем рядом – это была актриса Благовещенского драматического театра Нина Павловна Ландина, друг нашей семьи. Пришлось в моей картине «подарить» князю И Шаню руки Нины Павловны.

Продолжались поиски портретов в архивных документах, а типажей – в городской толпе. Я по-прежнему находился в окружении вельмож и сановников – персонажей картины, которые еще не получили нужного воплощения, индивидуальных характеров. Они смотрели на меня с холста, как бы с укором вопрошая: «Когда же мы обретем необходимые черты, достойные наших оригиналов?»

В книгах прошлых лет случалось обнаруживать уникальные портреты Н.Н. Муравьева, созданные художниками в ранние годы его жизни. Портреты, охватывающие 1840–1860 годы, встречались в литографическом исполнении. Его изображали и в штатском, и в казацкой сибирской форме. Наиболее известен портрет Муравьева-Амурского кисти живописца Маковского.

Но на всех портретах генерал-губернатора – печать напряженной официальной парадности. В них я не смог обнаружить того внутреннего содержания характера, каким он обладал и который проявлял в своей повседневной и многогранной государственной деятельности на Дальнем Востоке России. К моему глубокому сожалению, виденные мною портреты могли лишь послужить исходным, вспомога-

тельным материалом для создания желаемого образа Муравьева, каким я его «видел». Необходим был натурщик.

Перебирая в памяти литературные портреты графа Муравьева, я предпочел краткие, но очень точные характеристики тех, кто служил под его началом. Например, такие: «...малого роста, юркий, живой, с глазами, в которых было много ума. С чертами лица не красивыми, но оригинальными. Имел бойкие умственные способности, хорошо владел пером и был хорошо светски образован...»

Писатель И.А. Гончаров, возвращаясь в 1854 году из путешествия на фрегате «Паллада», беседовал с Муравьевым и был покорен этой яркой личностью. Вот его краткие впечатления: «...нервный, подвижный. Ни усталого взгляда, ни вялого движения я ни разу не увидел у него. Это отважный боец, полный внутреннего огня и кипучести в речи, в движениях...»

После продолжительных поисков в толпе на рынке мое внимание привлек человек, в какой-то степени схожий внешне с Муравьевым. Он оказался жителем Благовещенска, работал грузчиком на железной дороге. Мое предложение позировать для портрета генерал-губернатора Восточной Сибири вначале он воспринял как шутку, потом – как оскорбление. Мыслимо ли, с него, рабочего человека, рисовать портрет царского генерала, из тех, что в семнадцатом году ставили к стенке?! Ни за что!!!

Шел 1947 год, и у меня не оставалось надежды найти натурщика. Пришлось обратиться за помощью к историку Новикову-Даурскому, который в популярной форме разъяснил сомневающемуся рабочему, что Муравьев не просто генерал, а крупная историческая личность, принесшая своей деятельностью большую пользу российскому государству. В конце концов совместными усилиями нам удалось убедить «натуру», что позировать будет безопасно, без последствий, но денежно. Получив согласие рабочего, я приступил к рисункам и этюдам для портрета.

Одновременно продолжал искать хотя бы скудные литературные сведения о людях из окружения генерал-губернатора, но ни в трудах Барсукова, ни у Венюкова, ни в периодической печати того времени ничего нужного не находил.

Когда актеры Благовещенского театра узнали, что я работаю над многофигурной исторической картиной, они предложили свою дружескую помощь – позировать для портретов, сколько бы на это ни потребовалось времени. Другим моим активным помощником стал заслуженный артист Марийской АССР Николай Васильевич Орлов – инициатор нашей поездки из Йошкар-Олы в Благовещенск.

В то трудное послевоенное время друзья помогали искать подлинные костюмы и аксессуары китайского происхождения. На противоположном берегу Амура был Китай, и это позволяло встретить вещи максимальной достоверности.

Помощь моих друзей-актеров в позировании была для меня очень важной. Только они, в силу своего творческого дарования, могли наполнить образы героев картины необходимой правдой характеров.

Итак, для портрета графа Н.Н. Муравьева натурщик найден, работа с ним продолжается. Архимандрит Иннокентий (Вениаминов) пишется с режиссера Благовещенского театра Георгия Георгиевича Эпимахова.

Скудность сведений для создания образов из окружения Муравьева определяла свободный выбор натуры. Внешний облик и внутренний настрой актера Каплина-Дарского, по моим представлениям, способствовал воссозданию портрета П.Н. Перовского. По моему разумению, в картине переводчик Я.П. Шишмарев – основная фигура в композиции и ее действии. В ней сходятся все нити диалога представителей двух держав. В этой ситуации он – Шишмарев – олицетворение высокого ума, профессионализма, дипломата и эрудита. После Муравьева определяю Шишмареву особо важное место в Айгунских переговорах. Для создания такого емкого образа согласился позировать талантливый артист нашего театра И.Я. Андросов. Портрет Е.Г. Бютцева – того, что стоит рядом с переводчиком, писался с заслуженного артиста РСФСР Николая Васильевича Орлова.

Все, что связано с портретами дайцинской стороны на переговорах, обстояло сложнее. Не имелось никаких сведений, ни литературных, ни изобразительных, для создания портретов персонажей из окружения князя И Шаня. Пришлось воспроизводить облики сановников и мандаринов по индивидуальному принципу, используя сведения из старой прессы, а также искать выразительные типы среди живущих в Благовещенске китайцев.

К началу сентября 1947 года полотно было практически завершено. Оставалось слегка пройтись кистью – уточнить детали портретных характеристик. Картина «Айгунский договор» стала осуществлением моей мечты создать произведение о наших дальневосточных предках, освоивших земли Приамурья, верных сынов России.

Казак-первопроходец. Вторая половина XVII в.

Путь к океану

Андрей БЕРЕЖНОВ,
историк, старший преподаватель ДВГМУ
Рисунки Натальи РЕБИКОВОЙ

В 1850 году капитан-лейтенант Геннадий Невельской основал в устье Амура Николаевский пост, подняв там русский флаг. Спустя четыре года на Амур из Нерчинска сплавом двинулись русские поселенцы из иркутских и забайкальских крестьян. В мае 1858 года генерал-губернатор Восточной Сибири Николай Муравьев подписал в Айгуне договор, по которому Китай признавал левый берег Амура владением России. Через три недели после этого события капитан 13-го линейного батальона Яков Дьяченко основал на Амуре пост Хабаровка. Россия возвращалась на Дальний Восток спустя полтора столетия после Нерчинского мира с Цинской империей.

*Русским первопроходцам
Дальнего Востока XVII века
посвящается*

*Несет облака ветер в пыльных горах,
Вращает небес колесо,
Поет валунами степных Черепах
И дышит нам солью в лицо.*

*Мелькая в ветвях, по замшелым стволам
И в беге рождая восход,
Нас Солнечный Соболь к ламутским морям
Звериной тропой ведет.*

*Острог частоколом вцепился в холмы,
Лохматые колья – стеной.
В маньчжурских колоннах упорство волны
И в грохоте залпов – прибой.*

*Бураны заносят след нарт на снегу,
Как штормы – следы корабля.
Отроги Джугджура ложатся в тайгу,
Как лапы утесов – в моря.*

*На земли восхода творец-океан
Печати свои наложил,
И имя свое на пергаменте стран
Он Черным Драконом скрепил.*

Андрей Бережнов. 2007

В начале XVII века Россия начинает стремительное движение на восток. В поисках свободы от крепостной зависимости и драгоценной пушнины русские люди менее чем за полвека прошли от Мангазейского острога в низовьях Енисея до Охотского моря. «Мягкое золото», пушнина имела тогда огромное значение для русской экономики. К концу столетия доходы от ее продажи на Запад давали России больше 300 тысяч рублей в год (30 % государственного дохода), причем из каждой пяти соболиных шкурок три-четыре поступало из далекой Восточной Сибири – Приамурья, Забайкалья и Якутского воеводства. Своим подвигом землепроходцы Дальнего Востока дали Петру I ценнейшую финансовую базу для его будущего преобразования России, заложили победу над Швецией в Северной войне.

Стремление регулярно собирать пушной «ясак» с таежных охотников приводило к необходимости размещать на их землях постоянные казачьи гарнизоны, которые нужно было кормить и вооружать. Со временем вокруг казачьих «острожков» селились крестьяне, искавшие в Сибири свободу и землю. Они обеспечивали «служилых людей» всем необходимым, а при случае подкрепляли их своим ополчением.

В 1639 году вышедший из Якутска казак Иван Москвитин (1) услышал от эвенкского шамана о могучей реке далеко на

Монгольский воин

юге, по берегам которой живут многочисленные и независимые народы. В долгом плавании на юг по Охотскому морю Москвитин получил множество подтверждений этому известию, и, скорее всего, именно он открыл устье Амура. Следующая казачья экспедиция под началом «письменного головы» Василия Пояркова (2) прошла уже весь Амур от верховьев до устья и составила его первую карту. Сообщения Пояркова о том, что амурские земли «и хлебны, и людны и собольны», заставили уже третьего землепроходца, атамана Ерофея Хабарова (3), начать строительство первых русских поселений-острогов в Приамурье. Самым знаменитым из них стал основанный в амурских верховьях Албазинский острог, вокруг которого в 1683 году царским указом было основано особое Албазинское воеводство. К тому времени Албазин уже стал главной житницей не только русского Приамурья, но и Забайкалья.

Именно отряду Хабарова было суждено впервые столкнуться с войсками могущественного государства, которое тоже было весьма равнодушно к амурским землям, – цинского Китая.

Почти одновременно с походом Пояркова, в 1644 году, воинственные и тогда еще независимые племена Маньчжурии (современный Северо-Восточный Китай) вторглись за Великую стену, захватили Пекин и свергли правившую там династию Мин («светлая»). На китайский престол взошла маньчжурская династия Цин («чистая»), просидевшая на нем вплоть до революции 1911 года. Сообщения о неких высоких и бородастых «олосах», неожиданно появившихся на северных границах империи, весьма встревожили маньчжурских властителей. Хотя течение Амура никогда не входило в состав китайской державы, в Пекине сочли, что есть, по крайней мере, две

причины, по которым русских надо заставить уйти с Амура, если не дипломатией, то силой.

Первая заключалась в том, что цинские императоры как раз тогда подавляли многочисленные очаги сопротивления в завоеванном Китае. Еще не вполне уверенные в исходе этой борьбы, они желали сохранить родную Маньчжурию как базу для возможного отступления. Специальными указами здесь задерживалась часть маньчжуров, создавались военные поселения, а на укрепление этой почти дикой местности из китайской казны тратились огромные средства. Появление русских на границе заповедного края было расценено в Пекине как угроза ему.

Второй причиной была особенность тогдашнего китайского подхода к внешней политике вообще. Она была быстро воспринята и новыми хозяевами Китая – маньчжурами.

На протяжении почти двух тысяч лет, со времени объединения Китая императором Цинь Шихуанди (4) до появления в Приамурье русских, у Китая не было ни одного соседа, равного ему по уровню социального и культурного развития. Грозные кочевники Центральной Азии, даже разгромив китайские войска на поле боя и сев на престол Поднебесной, оказывались атакованы врагом сильнее копий и стрел – совершенно чуждым им образом жизни с множеством диковинных занятий и соблазнов. Лишь стройность китайского государственного аппарата и рассудительность конфуцианства (5) могли сохранить для завоевателей этот новый для них мир, и они принимали мудрость вчерашнего врага, не будучи в состоянии предложить что-либо взамен. Так древнейшая из ныне существующих цивилизаций или уничтожала своих врагов, будь то гунны, чжурчжэни, монголы или маньчжуры, или превращала их в свое подобие.

Такие неизменные победы над «сы и» («варварами четырех сторон света») за три тысячи лет существования китайской державы породили у ее сынов представление о мире как о Тянься («Поднебесной»), центром которого является Китай – Чжунго («Срединное государство»). Неизбежный удел прочих обитателей Тянься – рано или поздно признать над собой власть императора Чжунго – Сына Неба. Всякий иноземный монарх рассматривался в Пекине как вассал, в той или иной степени «осознавший» этот свой статус. Подчеркнуть это на аудиенции его посла у императора часто считалось важнее заключения выгодного торгового договора, ибо приближало «варварского князька» к принятию китайского подданства. Так, ритуал принятия иноземных послов «коутоу» предполагал трехкратное коленопреклонение и девятикратный земной поклон даже не перед императором, а перед табличкой с его именем при въезде в Пекин. Русский посол в Китае Федор Байков не смог в 1656 году выполнить свою миссию, ибо наотрез отказался пройти эту унижительную процедуру.

Поэтому маньчжурское вторжение на территорию русского Приамурья расценивалось не как агрессия, а «наведение порядка», по сути, внутри цинского государства.

В стремительном продвижении русских границ к Тихому океану вслед за первопроходцами не успевало не только население, но даже воинские гарнизоны. И для противостояния ополчениям враждебных туземцев, армии маньчжуров и их монгольских союзников, например, нерчинский воевода Власов располагал 1000–1500 служилых людей на пространстве от Байкала до теперешнего Благовещенска. Наместники русского государя на Дальнем Востоке могли рассчитывать лишь на свою дипломатию, храбрость казаков, умение сибирских мастеров создать оружейную мануфактуру почти на пустом месте и способность крестьян возделывать поля с серпом в одной руке и мушкетом в другой.

Маньчжурский солдат

Малочисленность резко поднимала значение отдельного человека, и, по традициям первопроходцев, каждый должен был уметь все.

Кстати, проблема продовольствия стояла перед русскими на Дальнем Востоке гораздо острее, чем почти в тот же период перед европейскими поселенцами в Северной Америке. Малочисленность и крайняя растянутость крестьянского населения, скудость почв и резкий континентальный климат делали голод и цингу врагами страшнее монгольских отрядов и маньчжурских «восьмизнаменных» полков. Часто случалось, что стрельцы, казаки и крестьяне, сообща отбив нападение очередного «тайши» или «цзяньцзюня» тут же брались за плуг и быстро засеивали поля вокруг острога, чтобы запастись провизией на случай повторного нападения и, возможно, осады.

Вскоре снова подступал враг, и те же люди выходили на стены острога, прикладываясь к пищалям и ждали приближения пестрых шеренг атакующих. Численность и оснащение этих шеренг всегда как минимум вызывали уважение. Так, например, осада маньчжурскими войсками знаменитого Албазинского острога с июля по ноябрь 1686 года велась силами корпуса в 7 500 человек при численности защитников чуть меньше тысячи. У знаменитой маньчжурской конницы в свое время учился сам Чингисхан, и потомки создателей Золотой империи не обращались в бегство от одного вида кавалерийской атаки, подобно американским индейцам времен конкиссты. При строительстве батарей вокруг Албазина с маньчжурской стороны действовали голландские инженеры, артиллеристы и картографы. Против 11 легких русских орудий осаждавшие обладали 45 пушками типа «хуньпао» – голландски-

ми осадными орудиями. Их залпы в мелкую щепу разносили русские частоколы, после чего в проломы бросалась бронированная «восьмизнаменная» пехота. Но даже ее прославленное искусство ближнего боя не помогало ей прорваться сквозь горстку защитников к развалинам и пожарам острога. Три провалившихся штурма, пять вылазок гарнизона в лагерь осаждавших, гибель трети экспедиционного корпуса и отступление уцелевших. К этому моменту в остроге из тысячи защитников уцелели лишь 150 человек, из них только 45 не были больны цингой или ранены.

В июне 1685 года десяти тысячный корпус союзных Цинам монголов нанес внезапный удар по Тункинскому острогу, прикрывавшему с юга Иркутск. Здесь имел место совершенно вопиющий случай – гарнизон из 43 казаков в течение месяца отбивал все попытки монголов ворваться в острог, выдержал трехдневный штурм и даже ходил на вылазку (!). Монгольский военачальник Цецен-нойон снял осаду, узнав о приближении на помощь осажденным русского отряда в 120 человек.

Столкнувшись со столь серьезным сопротивлением русских на поле боя, цинский двор решил нанести дипломатический удар в их, по его мнению, самое уязвимое место – отношения с местным населением. Первые вторжения цинских войск в Приамурье показали им истинную численность там русских служилых людей – настоящую каплю в море таежных охотников и скотоводов. Если бы удалось восстановить их против русских, последним пришлось бы уйти обратно за Байкал без всяких сражений. Такой успех был бы достоин самого Сунь-цзы (б) – известного китайского военного теоретика, учившего, что истинная победа достигается без битвы.

Однако и здесь Пекин просчитался. Хотя казачьи отряды вовсе не были «культуртрегерами» и грабежи того же Пояркова не забыты народами Приамурья до сих пор, методы цинских войск были ничуть не лучше. Более того, если русские воеводы в конце концов поняли всю уязвимость своей позиции и жестко преследовали обидчиков «инородцев», то Цины в 1654–1655 годах насильно угнали народы «пашенных» дауров и дючеров (их земли находились по Верхнему и Среднему Амуру соответственно) в Маньчжурию только для того, чтобы лишить казаков Хабарова поставщиков продовольствия. Буряты и тунгусы часто предпочитали платить относительно небольшую пушную дань далекому русскому царю, нежели подвергаться контролю со стороны Цинской империи, близкому, эффективному и чреватому «сюрпризами» вроде описанного. Да и успехи казаков в боях с маньчжурами убеждали их, что о русской помощи в обмен на ясак не стоит судить по численности русских отрядов. Именно этим во многом объясняется, почему при кажущейся слабости русских позиций на Дальнем Востоке просьбы туземного населения о принятии русского подданства были во второй половине XVII века частым явлением. Так, например, русская дипломатия вела в 70-х годах спор с монгольским союзником Цинов Очирой-Саин-ханом об ушедших от него к русским многочисленных бурятских родах. Самой же яркой страницей русской борьбы «за умы и сердца» дальневосточных народов является история князя Гантимура.

Гантимур был князем «Даурской земли» и правил амурскими и селенгинскими эвенками, а также частью дауров. Он был вполне независим и «ясаку никому не плачивал». В 1651 году сразу после появления там русских казаков Гантимур принял русское подданство и стал платить ясак. Однако, узнав о грабежах его подданных Хабаровым, возмущенный Гантимур во главе своих воинов сжег поставленный на его землях острог. Но через четыре года, как уже говорилось, цинские войска насильно угнали его подданных в Китай,

ГЛАВНАЯ ТЕМА

чтобы лишить казаков продовольственной базы. Гантимур был вынужден последовать за ними. Но, несмотря на пожалование ему маньчжурами чина и денег, подкупить Гантимура им не удалось. Он наотрез отказался исполнить их приказ о разорении со своими людьми русского Комарского острога, и вскоре после этого, в 1667 году, бежал обратно на русскую территорию. Спустя три года в Нерчинск прибыл посланник императора и потребовал выдачи Гантимура, угрожая в случае отказа войной. Однако воевода, отлично понимая намерения Пекина подорвать этой выдачей доверие местного населения к русским, отказался это сделать. Когда в 1676 году в Пекин прибыл русский посол Спафарий, он имел четкие инструкции «Гантимура не выдавать», что и сделал, несмотря на новые угрозы маньчжуров. Гантимур принял православное крещение под именем Петра, а его сын Катан – под именем Павла. Именно от них в Сибири пошли известные теперь фамилии Гантимуровых и Катанавых. Гантимур умер в 1686 году по дороге в Москву, но его сын был принят русским царем и получил от него княжеский титул. Подданные Гантимура оставались верными союзниками России. Когда 16 августа 1689 года 15-тысячное маньчжурское войско подступило к Нерчинску, несколько сотен тунгусских воинов из рода Гантимура подкрепили двухтысячный русский гарнизон.

Военные действия между Россией и Китаем закончились через две недели после этого, в день подписания так называемого Нерчинского мира. Подготовка обеими сторонами этого договора больше относится к военной истории, нежели к политической. Сами переговоры шли три полных года. Ничего удивительного в этих сроках нет. Дальний Восток был тогда миром огромных расстояний, огромных не только самим пространством, но и сложностью его преодоления. Вплоть до строительства Великой Сибирской железной дороги в конце XIX столетия курьерам из Москвы требовалось до полутора лет, чтобы пересечь таежную пустыню на оленях, собаках, просто пешком, и все это сквозь голод, цингу, тучи гнуса и стрелы «немирных» туземцев. Доставка «полетучки» из Охотска в Петропавловск по суше, то есть простой объезд побережья Охотского моря, могла занять три месяца в начале XX века! Поэтому, хотя официально военные действия должны были закончиться еще к ноябрю 1686 года, фактически они длились до 1689-го.

На первой встрече в Нерчинске 12 августа маньчжуры потребовали передать им не только Приамурье, но и почти все Забайкалье. Чтобы «убедить» русского посла Федора Головина принять эти условия, к Нерчинску под видом охраны маньчжурского посла был подтянут 15-тысячный корпус с осадной артиллерией вместо оговоренных 500 солдат. На Амуре господствовал маньчжурский речной флот, готовый прервать любое сообщение между Нерчинском и Албазином. В ответ на малейшее упорство русской стороны в переговорах маньчжуры начинали демонстративное строительство батарей вокруг Нерчинска. В один из таких дней, 16 августа, Головин провел ответную демонстрацию, выведя свой двухтысячный отряд вместе с тунгусскими союзниками в поле и построив в боевой порядок. Через некоторое время маньчжуры предложили возобновить переговоры.

В Москве Головин получил инструкцию Посольского приказа провести границу по Амуру. И, хотя положение русских в Нерчинске было отчаянным, русский посол занял твердую позицию благодаря трем все-таки имевшимся у него слабым «козырям».

Первый состоял в том, что в тылу маньчжурских войск отряд воеводы Афанасия Бейтона (7) на последнем издыхании

продолжал удерживать Албазин, угрожая пути снабжения цинских отрядов по Амуру.

Второй заключался в том, что как раз в данный период Цинская империя столкнулась с могущественным Джунгарским, или Ойратским, ханством, коренные земли которого располагались в современной Западной Монголии. Его правитель Галдан-Бошоку-хан, выдающийся политик и полководец, претендовал на новое объединение всей Монголии, угрожая свергнуть власть Цин над южномонгольскими племенами чахаров и вообще создавая под боком имперских властей опаснейший вооруженный «кулак». Джунгарские мушкетеры, вооруженные русскими пищалями и поддержанные прославленной степной конницей, навели ужас на разношерстные ополчения верных Цинам монгольских феодалов. Отлично осведомленный о русско-маньчжурских противоречиях в Приамурье, Галдан не раз предлагал России военный союз против Китая. В конце концов он предложил России потребовать от ее имени у Китая возвращения Приамурья и восстановления разрушенного по договору Албазина. Но к тому времени Нерчинский мир был уже подписан, и в Москве не пошли на его нарушение, да и отношения России с самим Галданом были отнюдь не безоблачными. Сам Галдан во время переговоров еще не вступил в прямой конфликт с Китаем. Тем не менее в ходе нерчинских переговоров возможность русско-джунгарского союза сильно тревожила маньчжуров, чем не замедлил воспользоваться Головин.

И, наконец, третья возможность заключалась для русских в позиции местного населения. Хотя военные демонстрации Цинов под Нерчинском и привлекли к ним около двух тысяч ясачных бурят, в целом туземное население было настроено благожелательно к России, а многие буряты, по примеру Гантимура, даже присоединились к русским, несмотря на вопиющее превосходство маньчжуров в силах.

29 августа 1689 года под дулами орудий Нерчинского острога с одной стороны и маньчжурской флотилии с другой был подписан мирный договор. Цинская империя отказывалась от захвата Забайкалья, разграничению подвергся только район Верхнего Амура по рекам Аргунь и Горбица. Русские должны уничтожить все свои укрепления и поселения в Приамурье, однако от права создавать их там отказывались и маньчжуры. Территория Приамурья фактически не считалась после соглашения китайской – в официальных документах Цинской империи выезд за Ивовый палисад (8) рассматривался как выезд за границу, а территория к северу от него называлась «внешние земли». Разграничение же Верхнего Амура было крайне несовершенным. Три текста договора (латинский, русский и маньчжурский) не совпадали друг с другом, не было произведено обмена картами, значительный участок границы был тогда попросту не исследован. Однако эти недостатки договора отнюдь не тревожили императора Сюань Е, ибо маньчжуры стремились не столько к приобретению новых земель для хозяйственного освоения, сколько к созданию обширной «буферной» зоны между своими и русскими владениями.

Поэтому сплавы Муравьева и его пересмотр Нерчинского договора нельзя считать агрессией в отношении Китая, как иногда пытаются представить современные китайские историки. Айгунский и Пекинский договоры предполагали разграничение территории с неопределенным статусом. Заключение подобного договора было неизбежно для того, чтобы Россия вернула отторгнутые по Нерчинскому договору дальневосточные земли и установила с китайской цивилизацией добрососедские отношения на столетия вперед.

КОММЕНТАРИИ

1. Москвитин Иван Юрьевич

Русский казачий «пятидесятник», возглавивший первую экспедицию к устью Амура. Выступив в 1638 году из Бутальского зимовья, прошел по рекам Мая и Уля, достигнув Охотского моря. Весной 1639 года на двух судах достиг Шантарских островов, и, вероятно, Сахалина. Получил от местных жителей (нивхов) первое описание Амура. В 1641 году вернулся в Якутск, привезя богатую пушную дань (440 соболиных шкур).

2. Поярков Василий Данилович

Русский казак, «письменный голова» (начальник воеводской канцелярии в Якутске). В 1643 году с отрядом в 130 человек прошел по рекам Учур, Гонам и Зея, выйдя к Амуру с запада, со стороны истоков. В 1644–1646 годах прошел течение Амура от верховьев до устья, составив описание его природных богатств и первую карту. Отличался жестокостью как к местному населению, так и к собственным подчиненным (по вине Пояркова и в стычках с туземцами погибло две трети его отряда).

3. Хабаров-Святыцкий Ерофей Павлович

Казак из-под Великого Устюга, предпринявший две экспедиции на Амур в 1649 и 1651 годах. Им были созданы первые постоянные русские поселения на Амуре как центры сбора пушной дани и снабжения казачьих отрядов. В 1651 году был основан Албазинский острог, будущий аграрный центр русского Приамурья. Отряды Хабарова первыми столкнулись с маньчжурскими войсками. В марте 1652 года Хабаров с 200 казаками полностью разгромил двухтысячный маньчжурский отряд в сражении под Ачанским городком, захватив обоз и артиллерию противника.

4. Император Цинь Шихуанди («Желтый император Цинь»)

Правитель китайского царства Цинь (настоящее имя Ин Чжен) во второй половине III века до н. э. Своими завоеваниями Ин Чжен объединил Китай в так называемую империю Цинь, став ее первым и предпоследним правителем (259–210 годы до н. э.). При нем на северных границах империи была возведена Великая Китайская стена для защиты от кочевников-гуннов. Преследовал конфуцианских ученых с позиций легизма (учения о благе деспотического правления), казня их и сжигая гуманитарную литературу. Вел почти непрерывные войны в Южном Китае, сопровождавшиеся резким ростом налогов и обнищанием народа. Хотя из-за жестокости Ин Чжена империя Цинь распалась сразу после его смерти, она завершила так называемый период Чжаньго (Сражающихся Царств). Вскоре после падения династии Цинь ее сменила династия Хань, вновь объединившая Китай уже на основе конфуцианской идеологии.

В 1974 году неподалеку от города Чанъань (совр. Сиань) была обнаружена гигантская подземная гробница Цинь Шихуанди, «охраняемая» 7 тысячами терракотовых воинов.

5. Конфуцианство (кит. «жу-цзяо», или «религия ученых»)

Социально-политическое и религиозное учение китайского философа и педагога Кун-цзы (лат. имя Конфуций), жившего в 551–479 годах до н. э. Основной источник для изучения наследия Конфуция – «Лунъюй» («Беседы и суждения»), сборник высказываний философа, созданный уже после его смерти.

Представлял государство как своеобразный аналог семьи, поэтому важнейшим условием его стабильности считал сохранение древнекитайского культа предков. Как в семье, так и в государстве младшие подчиняются старшим и одновременно являются объектом их заботы. Однако поскольку государь не может прямо заботиться о каждом из подданных, ему необходимы помощники – «благородные мужи», или «цзюнь цзы». «Цзюнь цзы» – этический идеал конфуцианства, следующий истинному пути «Дао», наделенный стремлением к самосовершенствованию, гуманностью, а также знанием долга, справедливости и древних ритуалов.

На протяжении многих веков конфуцианство являлось в Китае официальной государственной доктриной, регламентировавшей все стороны жизни китайского общества (в том числе и в период Цинской империи XVII–XX вв.).

6. Сунь-цзы

Крупнейший китайский военный теоретик и полководец, живший в VI–V веках до н. э., в так называемую эпоху Чжаньго (Сражающихся Царств). Служил правителю царства У, способствовал его усилению. По просьбе этого князя Сунь-цзы написал свой трактат «Искусство войны», доживший до наших дней и до сих пор не потерявший своего значения. Сунь-цзы первым теоретически обосновал концентрацию сил («кто хочет быть сильным везде, не будет сильным нигде»), фактически предвосхитил военную теорию XIX столетия, учившую, что «война есть продолжение политики иными средствами».

7. Бейтон Афанасий Иванович (ум. в 1702 году)

Прусский (по некоторым источникам – британский) наемный офицер, участник Тридцатилетней войны. Перешел на русскую службу в 1654 году, участвовал в русско-польских войнах 1654–1667 годов. Затем направлен в Томск для создания полков «нового строя» против набегов джунгар и енисейских киргизов. Там же перешел в православие, приняв имя Афанасий (настоящее его имя неизвестно). Уже как «енисейский сын боярский» был в 1685 году послан с отрядом в 600 человек в Приамурье на помощь к албазинскому воеводе А.Л. Толбузину. После гибели последнего во время второй осады Албазина маньчжурами (июль – ноябрь 1686 года) успешно руководил героической обороной крепости.

8. Ивовый палисад («Палисад из ивовых тычин»)

Укрепленная линия на севере Китая, возведенная по приказу императора Фулиня в середине XVII века при первых известиях о появлении в Приамурье русских поселенцев. Протянулась почти на 900 километров: от Муكدена (совр. Шэньян) до устья правого притока Сунгари реки Муданцзян. Укрепления, возведенные из камня, кирпича и бревен, охранялись многочисленными гарнизонами.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Александров, В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.) / В. А. Александров. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1984. – 270 с. : ил.
2. Беспрозванных, Е. Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений : XVII – сер. XIX в. / Е. Л. Беспрозванных ; отв. ред. В. С. Мясников. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1986. – 336 с. – (Дальневосточная историческая б-ка).
3. История Китая : учеб. для студентов вузов по ист. специальностям / Л. С. Васильев, З. Г. Лапина, А. В. Меликсетов и др. ; под ред. А. В. Меликсетова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Изд-во Моск. ун-та ; Высш. шк., 2002. – 736 с.
4. Сунь-цзы. Искусство войны. Антология военной мысли / сост., предисл., коммент. Р. С. Светлова. – СПб. : Амфора, 2004. – 542 с. – (Александрийская б-ка).
5. Ципоруха, М. И. Покорение Сибири: от Ермака до Беринга / М. И. Ципоруха. – М. : Вече, 2004. – 400 с. – (Тайны земли русской).
6. Родионов, А. Все начиналось с Албазина / А. Родионов // Сиб. огни. – 2004. – № 3.

При подготовке статьи использованы также публикации с сайтов «Сибирская заимка» (zaimka.ru) и «Города и остроги земли Сибирской» (ostrog.ru).

Дуновение жизни

*Воспоминания Нины Дмитриевны Колесниковой,
урожденной Нагишкиной, старшей сестры писателя
Дмитрия Дмитриевича Нагишкина*

Отец Дмитрий Прокопьевич Нагишкин

Нина Дмитриевна Нагишкина (сестра), Елена Александровна Нагишкина (мать), Дмитрий Дмитриевич Нагишкин

Жена Д.Д. Нагишкина
Галина Иустиновна Черная

Д.Д. Нагишкин с сыном Игорем

С двумя старшими братьями Александром и Василием я рассталась на девятом году рождения, когда они ушли на фронт в германскую войну в 1914-м, и увидела их только в 1921-м, чтобы вновь расстаться. Потом, в разные годы, мы лишь изредка встречались. В 1951 году – у постели умирающей мамы.

С Димой мы были вместе до 1920 года. Кадетский корпус нас разлучил, встречались изредка (я в это время служила у окружного лесничего гувернанткой). В 1923 году Дима находился в Коппи у старшего брата Александра Дмитриевича. С 1922 по 1923 год я была в Коппи, а Дима во Владивостоке. С 1924-го по 1926-й мы жили вместе, а в 1927 году я выехала в Благовещенск к отцу, после чего с

Димой мы встретились только в 1933 году в Хабаровске. В 1934 году выехала в Иркутск к мужу и встретила с Димой в 1936-м. Позднее, в 1955 году, ездила гостить к нему в Ригу во время отпуска, потом в 1958 и 1960 годах тоже во время отпусков и поездок по путевкам с заездом в Москву. Из этого можно сделать вывод, что многим мы не успевали поделить, а с Димой и тем более. Он всегда был перегружен работой, и если выдавалась свободная минута, он уделял ее семье.

Встреча с Димой в 1951 году поразила меня. Годы разлуки резко изменили его, это был совершенно новый человек, и я не могла найти общее с тем Димой, которого знала. Я не знала, как с ним держаться, и лишь позднее, когда сла-

бая улыбка появилась на его губах и ласковые, теплые глаза внимательно остановились на мне, только тогда я признала, что это действительно он.

* * *

Итак, начну со старшего брата Александра Дмитриевича (1896 г. р.). Саня, как мы звали его в детстве, рос живым, любознательным и смышленным мальчиком. С детства увлекался рыболовством, охотой, коньками, позднее боксом и лыжами. Он был исключительно аккуратен. Никогда на нем не увидишь ни пылинки, ни соринки. Никогда я не видела, чтобы у него было что-либо помятое даже тогда, когда он впал в бедность.

Я помню его темноволосым, с тонкими чертами лица, прямым, с небольшой горбинкой, носом, красиво очерченными губами, смуглой кожей, постоянно улыбающимся. Даже когда сердился, едва заметная улыбка не сходила с его губ, а веселый огонек еще ярче разгорался в глазах. Учился он хорошо и успешно закончил реальное училище.

В 1915 году ушел на фронт. Через год возвратился с фронта тяжело больным, харкающим кровью. Врачи признали чахотку и нашли его безнадежным. Мама круглыми сутками находилась возле него. Ночами стояла на коленях со свечой в руках, освещая его истощенное лицо, всматриваясь внимательно и прислушиваясь к его дыханию. Но врачи, к счастью, ошиблись. Саня поднялся и больше никогда не болел туберкулезом. Что его подняло – мамин ли уход, усиленное питание или деготь с молоком, который он пил до 29 лет?

Саню всегда тянуло куда-то в новые места, к новым людям. Его очень увлекала Америка как передовая страна того времени. Захотелось ему посмотреть ее заводы, технику. Накопив деньжат из своего скромного заработка, он решил туда поехать. Добравшись до Камчатки, он застрял там, так как навигация закрылась, и он не знал, как быть. Но, говорят, на ловца и зверь бежит. Подвернулся ему один из прожигателей жизни. Саня по молодости и неопытности не разглядел, что это за человек. Короче говоря, по совету нового знакомого он закупил продуктов на зиму и охотничьих припасов, чтобы набить зверя, обогатиться пушниной, а весной сбывать ее и получить таким образом возможность продолжить свое путешествие.

Поселился он в таежной избушке у нового знакомого и его жены. Прошло месяца два, и Саня увидел, что большей частью остается голодным: пока он охотится, его друзья плотненько ели, а Саня приходит к пустому и холодному чугунку. Он решил сам кулинаруить, ему запретили под страхом оружия. Когда Саня возмутился, под оружием у него отняли последние деньги и вышвырнули на улицу. Брел он по тайге двое суток и на свое счастье повстречал геологическую партию, в которую устроился рабочим, и кое-как выбрался с Камчатки. Последние километры до дома ехал на паровозе помощником кочегара. После этого у него, видимо, отпал интерес к Америке. К тому же он решил жениться.

Еще в школьные годы Саня был неравнодушен к Сонечке Бухтияровой – гимназистке 4-го класса, а я была связной между ними. Любовь их продолжалась и после училища. Соня замуж ни за кого не шла. Родителям невесты тоже хотелось породниться с нашей семьей, да и наши тоже ничего против этого брака не имели. И вот Саня, принарядившись, отправился к невесте. Приняли его очень хорошо, но Саня решил оформить брак по советскому законодательству и в свое оправдание сослался на Америку. Соня была согласна на любой брак, но ее родители посчитали это оскорблением. В общем, брак не состоялся.

В 1922 году Александр Дмитриевич приехал во Владивосток и устроился на работу в Коппи в качестве лесообъездчика. Позднее туда же перебрался и средний брат Василий Дмитриевич.

Прибыв в Коппи, Саня увидел глушь и малонаселенное место. С жильем было плохо, поселок застраивался медленно. Здесь брату пришлось столкнуться с японскими концессионерами, с их хищничеством и порчей наших строевых лесов. Не раз концессия старалась подкупить его, но он на это не шел, и они его опасались. По долгу своей службы обходя лесные объекты, он встречался с орочами. Постепенно у них завязались дружественные отношения. Орочи, частенько приезжая в поселок, заходили к нам, пили чай, беседовали с братом и моим отцом (он к тому времени тоже переехал в Коппи). Орочи показывали свои меха, отец или брат приблизительно оценивали их стоимость. Делали они это, видимо, из добрых побуждений к орочам, чтобы те не продешевили. Но не всем это нравилось.

В Коппи Александр Дмитриевич жил до 1926 года, а потом женился и уехал к отцу в Благовещенск, где к этому времени тот работал инспектором в переселенческом управлении. Отец его подготовил по дорожному делу, и Саня стал работать дорожным техником в дорожном управлении. Одновременно он учился заочно в институте и получил профессию инженера.

В 1932 году его с женой арестовали по 58-й статье. Саню выслали на три года на остров Аскольд. После отбытия срока его жена вышла замуж за другого и переименовала свою фамилию на Чиркову. После заключения брат не имел права проживать в городах областного значения. В 1939 году он женился вторично на Клавдии Федоровне Афиногеновой. Его дочь от первого брака умерла во время нахождения родителей в лагерях. Пятно «врага народа» вынуждало Александра Дмитриевича занимать низкооплачиваемые должности. Часто он сам увольнялся в поисках лучшего или его увольняли, опасаясь лагерного прошлого. Семья Сани росла и все больше нищала. Иногда я им помогала чем могла, изредка – Дима. После смерти моего мужа в 1948 году я сама оказалась в затруднительном положении, но продолжала делиться с Саней и его семьей всем, что имела, из-за чего оказывалась в долгах. В 1953 году я проводила его с семьей в село Нюрба Вилюйского района, где он умер в 1954 году. От второй жены у брата было четверо детей, все они здоровы.

В 1958 году дело по обвинению Александра Нагишкина и его жены было пересмотрено Военным трибуналом Дальневосточного военного округа. Постановление отменено за отсутствием состава преступления. Александр Дмитриевич посмертно реабилитирован, так же как и его жена Глафира Константиновна.

* * *

Средний брат Василий Дмитриевич (1897 г. р.) в детстве перенес детский паралич от испуга и рахит, который отразился на конечностях (искривление рук и ног). Вася рос тихим безответным мальчиком. Был слабохарактерным, в силу чего его все обижали. Учеба ему не давалась, но с малолетства он пристрастился к карандашу и краскам, был настоящим мастером в изготовлении игрушек. Вася постоянно что-то рубил, пилил, выпиливал, клеил. По окончании четырех классов реального училища он запросился в художественную школу, но отец воспротивился этому, говоря: «Не хватало мне в семье богомазов!» К этому времени Вася уже писал на холстах пейзажи, очень искусно копировал картины известных

ГЛАВНАЯ ТЕМА

художников. В 1915 году по настоянию отца ушел добровольцем на фронт, где получил серьезное ранение в ногу и тяжелую контузию и долго болел. В 1918 году Василий поступил в Чите в земский отдел делопроизводителем, а в 1920 году женился на Наталии Ксутковской.

Забегая вперед, скажу, что в 1937 году Василий Дмитриевич спас от ареста своего младшего брата Дмитрия. Галина Иустиновна Черная, жена Дмитрия Дмитриевича Нагишкина, рассказывала об этом так: «Дима работал в Хабаровске заведующим иллюстративным отделом газеты, а я в отделе писем. Начались аресты «врагов народа». Утром на доске объявлений вывешивался приказ об увольнении какого-нибудь работника газеты, издательства или типографии «за невозможностью использовать», а вечером или ночью его забирали. Наш дом на улице Фрунзе, где жили работники издательства, опустел. Дважды полностью сменился состав редакции. Дима по утрам из-за ночной работы над рукописью поднимался с трудом, я его сама поднимала и доставляла вовремя на работу. Но в то утро я отчаялась его разбудить и с мстительной мыслью «Опоздаешь, тогда и научишься просыпаться!», оставила его дома и одна ушла в редакцию. Первое, что бросилось мне в глаза на доске объявлений, было увольнение мужа. Я кинулась домой, подняла его с постели и срочно отправила к брату Василию, где он и переждал все страхи. Позже ему удалось устроиться в другую редакцию, а потом восстановиться в нашей».

Жена Василия Дмитриевича Наталия Александровна Ксутковская была из семьи потомственных дворян. (Об этом рассказывал Борис Васильевич Нагишкин, сын Василия Дмитриевича Нагишкина и Наталии Александровны Ксутковской.) Ее отец Александр Николаевич Ксутковский был кадровым офицером русской армии. В 1902 году, когда родилась Наталия, находился в звании штабс-капитана. В годы Гражданской войны, уже в звании полковника, А.Н. Ксутковский, со всем своим штабом, был зверски убит семеновцами в Забайкалье.

С 1922 по 1926 год брат Василий работал и жил в поселке Коппи Приморского края. Сначала лесообъездчиком, лесным десятником, потом техническим секретарем и заместителем председателя Коппинского сельсовета. Одновременно с этим – заведующим и режиссером рабочего клуба и художником-декоратором. В молодости Вася был активным участником и организатором самодеятельных драматических кружков. Там же, в Коппи, организовал молодежный струнный оркестр. Сам он владел балалайкой, гитарой, мандолиной и скрипкой.

С 1934 по 1938 год Василий Дмитриевич жил в Хабаровске, с 1941 по 1942 год – в Комсомольске-на-Амуре. К этому времени его семья состояла из девяти человек. Всего же у него было десять детей, из них осталось в живых семеро. Война, низкий заработок, многосемейность ввели их в бедственное положение. В 1943 году Вася ушел на фронт добровольцем, получил ранение и был награжден медалью «За победу над Германией». Вернувшись с фронта, Василий работал на рыбзаводе в селе Вознесенском Приморского края. В сентябре 1945-го устроился стрелочником на КВЖД. Большая семья, трудные послевоенные годы, недостаток питания привели его с женой в больницу. Наталия Александровна умерла, Вася остался жить. Силы надломилась: на руках четверо несовершеннолетних детей, раздеты, разуты. И он решает последнего сына Бориса отдать в детдом.

Из детского дома Борис перевелся в Суворовское училище, где закончил школу военных музыкантов, отслужил трубачом в армии, поступил в Благовещенский пединститут, по-

том с квалификацией немецкого переводчика получил направление в Школу КГБ в Москве. Он долго работал в ГДР, потом курировал военно-научное производство в Ленинграде.

В 1951 году, когда поднялись последние дети, Василий Дмитриевич женился вторично. Со второй женой он прожил 12 лет, но семейная жизнь не задалась. Здоровье его было окончательно подорвано, подошла старость. Брат попросил ко мне жить, и в 1963 году я его привезла из Райчихинска в Новосибирск, а через год похоронила.

Младший брат Дмитрий Дмитриевич (1909 г. р.), Митя, как мы его звали в детстве, был любимцем родителей. Ему многое прощалось, чего не прощалось нам. Он рано научился читать и писать и буквально все схватывал на лету. Развивался очень быстро и вскоре перегнал меня, несмотря на то, что я была старше его на три года. Отец каждый месяц покупал нам детские книжки, в большинстве случаев это были сказки, оформленные красочными иллюстрациями. Но книги воспринимались нами по-разному. Митя не просто читал, он впитывал прочитанное. Если что ему было непонятно, он обращался к отцу, и тот старался прояснить все возникшие вопросы. Митя никогда не успокаивался, пока не уяснял смысл непонятого. Ни одна иллюстрация не проходила мимо Мити: он долго и внимательно их разглядывал, и ни одна деталь не ускользала от его внимания.

Примерно лет шести-семи Митя стал постоянным читателем папиной домашней библиотеки. Только он один был допущен в «святая святых» отца. Библиотекой своей отец очень дорожил. Он не разрешал мусолить пальцы, загибать углы страниц, запрещал нарушать хронологический порядок книг в шкафах, учил беречь книги. Благодаря этому наши школьные учебники, а также тетради и дневники были всегда как новые.

Митя очень рано ознакомился с произведениями Пушкина, Лермонтова, Грибоедова, Гоголя, Гюго, Джека Лондона и других известных писателей.

В Николаевске-на-Амуре он учился в городской школе во втором классе. С приходом к власти Тряпицына город забурлил. Начались аресты, народные самосуды. Просыпаясь утром, мы не обнаруживали то одних соседей, то других. Домохозяин, у которого мы квартировали, скрылся, и мы остались в доме одни. Город постепенно умирал. Весной были расклеены объявления о порядке получения пропусков на выезд из города в связи с эвакуацией населения и наступлением японских частей. Город планировали взорвать, чтобы он не достался японцам. И потянулся народ за пропусками, выставляя чуть не сутками в очередях, а потом партиями отправлялся на пароходах и баржах вверх по Амгуни.

Наша мама также с утра и до ночи проводила в очередях, но в выдаче пропуска ей отказывали. Наш отец был «чиновником» – инженером-интеллигентом, а интеллигенция была осуждена на уничтожение. Тряпицын вошел в город с черными флагами, гласящими: «Смерть государству!», «Смерть интеллигенции!», «Смерть буржуазии!».

Улицы опустели, замерли, вокруг нас уже никого не было. Лишь мы с Митей маячили на крыльце пустого дома, высматривая маму. Небольшие группы тряпицынских партизан развлекались на опустевших улицах, стреляя в беспризорный и голодный скот.

Мы разучились говорить громко, забыли, что такое смех. Пропуск мама получила в последний день перед взрывом города через знакомого, с которым судьба свела нас по дороге

в Николаевск, когда он еще и не предполагал, что будет состоять в партизанах при отряде Тряпицына.

Последняя баржа отчалила от пристани, на ней по воле Божией была и наша семья. Мы плыли в неизвестное будущее. Не слышалось ни веселых разговоров, ни смеха, все было погружено в безмолвие, и только изредка его нарушал крик ребенка. Николаевск оставил тяжелый след на наших душах. Мы оледенели и нескоро после этого оттаяли...

Пропуск у нас был до села Керби, но, по совету помощника капитана парохода, тянущего нашу баржу, мы высадились, не доезжая до Керби, в поселке Гуга, который состоял из трех домиков. В одном из них поселился эмиссар со своей семьей, в двух других расселили беженцев, прибывших с нами. В «нашем» домике поселилось пять семейств. Спать ложились все подряд на пол, и ночью не было свободного места, чтобы шагнуть. Здесь, в Гуге, Митя впервые познакомился с тайгой, увидел тунгусов, оленей, правда, на короткий миг: тунгусы откочевывали на север.

Все дни и часы были заполнены ожиданием чего-то. Недостаток питания заставил меня заняться рыбной ловлей, сбором ягод и грибов. На лов рыбы приходилось вставать на ранней заре. Митю я не будила, он очень осунулся, похудел, побледнел. Не бывало слышно ни детского смеха, ни веселых игр. Дети молча и сосредоточенно наблюдали за взрослыми.

В августе 1920 года мы прибыли во Владивосток на правах беженцев. Здесь нас расселили в казармах в районе Второй Речки. Мы оказались в кругу нищих, алкоголиков, мелких ворюшек и простого рабочего люда; среди проституток и хулиганов, и хороших людей, среди мордвы, поляков, евреев, цыган и др. Народ был разношерстный. Больше года пришлось жить в общей казарме. Кто имел лишние одеяла, простыни, дерюги или просто куски материала – устраивали пологи, отгораживаясь от соседей разноцветным тряпьем. У кого этого не было, жили на виду у всех. Вечерами и в праздничные дни в казармах было шумно, каждый занимался своими делами. Кто пел, кто играл в карты, кто читал, дети плакали и смеялись, матери напевали, убаюкивая их. Потом одна из изолированных комнат (их было в казарме шесть) освободилась, и нашей семье удалось ее занять. Постепенно жители казарм начали разъезжаться. Кто ушел на заводы и фабрики, кто приобрел свои домики, некоторые вернулись в Николаевск. Нас разыскал старший брат Александр Дмитриевич, помог арендовать маленький домик, и мы тоже покинули казарму.

В это «казарменное» время мама каким-то образом сумела втолкнуть Диму в кадетский корпус (1920 или 1921 год, не помню), где за «мужичкое» происхождение он расплачивался своими боками, а за жалобу получал «темную». Он научился молчать и переносить побои стиснув зубы. Мне брат жаловался на маму: зачем отдала его туда?! И грозился сбежать. Что заставило маму сделать это – до сих пор не понимаю. Но Дима до самой своей смерти не мог простить ей этого. Однажды он сказал: «Мама своим кадетским корпусом испортила мне всю жизнь».

В 1922 году Дима уехал со мною в Коппи и пробыл там до августа 1923-го, когда он вернулся к маме во Владивосток, чтобы учиться в советской семилетней школе на Второй Речке. Я осталась жить в Коппи до 1925 года, а когда вернулась обратно, Диму уже не узнала. Он вытянулся, повзрослел, возмужал, физически и умственно развился, в нем чувствовался взрослый человек.

В это время отец выехал из Коппи в Благовещенск. Осенью старший брат Александр женился и уволился с работы в Коппи. Наше с мамой материальное положение пошатну-

лось. Дима стал подрабатывать на жизнь лозунгами и плакатами, стал помогать в качестве ученика декоратора в клубах. Все это не мешало ему учиться в школе на отлично, быть активным участником драмкружка и школьной стенгазеты.

В 1927 году я была вынуждена поехать к отцу в Благовещенск, и с этого времени не виделась с Димой до 1933 года. Через шесть лет я встретила с ним в Хабаровске и увидела, как он ночи напролет работает над тем или другим рисунком для газеты «Тихоокеанская звезда», в которой работал в качестве заведующего отделом иллюстрации. Дима был очень требователен к себе и своим рисункам и, мне казалось, всегда оставался недоволен ими. Делал несколько вариантов набросков, вглядывался, прибрассывал, обдумывал и наконец выбирал один и работал над ним, но ему все казалось, что и тот не совсем удачен... Рвал, переделывал, иногда тратил на это подряд две ночи. Подчас измученный, усталый, с осунувшимся лицом и синевой под глазами валился на постель и сжимал голову руками. Но если рисунок соответствовал его замыслам и он находил его удачным, – добрая улыбка появлялась на его губах, а глаза загорались.

Когда в 1935 году я приезжала в Хабаровск в отпуск, увидела у Димы в комнате мольберт с холстом. Брат сказал, что задумал писать картину.

В 1948 году меня ошеломила его первая книга «Тихая бухта». Это было совершенной неожиданностью, так как я еще не верила в него как в писателя.

Если не считать двухчасовой встречи у постели умирающей матери, мы расстались с Димой надолго – до 1954 года. В 1961 году, после его смерти и похорон, я узнала, что вступить на путь писателя Дмитрию помог один из дальневосточников (кажется, его фамилия Лебедев). Дима называл его своим вторым отцом.

Вот, пожалуй, и все, что я могу рассказать о своем младшем брате Дмитрие Дмитриевиче Нагишкине.

* * *

Мама, Елена Александровна Нагишкина, в девичестве Скоморохова, 1876 г. р. (Борис Васильевич Нагишкин, со слов своей сестры Марии, вместо Скоморохова называет фамилию Каширина).

Она родилась в Нижнем Новгороде и долго не выходила замуж. Мама была приучена к торговле, так как ее отец и наш дед Александр Григорьевич Скоморохов (Каширин?), владелец двух домов в два этажа (в одном из которых жила его семья), держал буфеты на волжских пароходах и часто брал Леночку в поездки.

Красавица Леночка была влюблена в сына миллионера, он платил ей тем же, но страдал наследственным алкоголизмом, и отец Александр Григорьевич препятствовал этому браку. Тогда она сговорила с любимым бежать, но ее перехватили у калитки с узелком одежды и метриками. Отец очень рассердился, бросил в нее горящую лампу и крикнул, что отдаст за первого, кто посватается. В этот момент он упал, и кровь хлынула у него горлом. Он остался жить, но начал тяжело болеть, материальное положение их пошатнулось.

Когда маме минул 21 год, к ней посватался мой отец Дмитрий Нагишкин, но она и смотреть на него не хотела. Однако Александр Григорьевич был непреклонен и выдал дочь замуж насильно.

До 1917 года мама не имела своего паспорта и числилась в паспорте моего отца. После революции ей выдали собственный паспорт. Мама была прекрасной портнихой и полностью обшивала свою семью. Нас, детей, она никогда не

ГЛАВНАЯ ТЕМА

ласкала, но и не повышала голоса, не унижала оскорбительным словом. В своем слове была непреклонна.

Я всегда любовалась мамой. Она была красивой, всегда выглядела значительно моложе своих лет. Мама знала множество преданий и сказок седой старины. В долгие зимние вечера, когда отец отсутствовал, она собирала нас вокруг стола, где обычно что-нибудь готовила к ужину. Мы делали уроки, а после занимались своими любимыми делами: один рисовал, другой читал книгу, третий играл в игрушки, четвертый пилил, резал, стучал молотком, изготавливал детали к будущему морскому судну или игрушечной пушке. Мама вникала во все наши затеи, умелой рукой или словом вносила поправки. Каждый из нас обращался к ней за советом. Она учила нас правильно читать, говорить. Заглядывала в тетради,правляла, помогала решать задачи, показывала, как нужно рисовать, и каждый из нас старался похвалиться своими умениями, чтобы заслужить мамину похвалу.

Старшие братья, советуясь с ней, делились сердечными делами, обсуждали предстоящие вечера в училищах, вместе с ней готовились к новогодним маскарадам. Она помогала делать маски, шить костюмы, а с малышами мастерила игрушки на елку, рисовала. Мама была для нас первым другом. Все сердечные дела мы поверяли ей. Она советовала, отговаривала и вместе с нами смеялась. Очень часто она что-нибудь напевала. Голос у нее был красивый, с мягким тембром, с хорошей дикцией и выразительный. Мы, затаив дыхание, слушали, а временами пели вместе с ней.

* * *

Мой отец Дмитрий Прокопьевич Нагишкин (1876 г. р.) – человек с незаурядными способностями, любознательный, с большим тяготением к знанию, постоянно повышающий свой образовательный ценз, свои знания, стремящийся всегда вперед, был выходцем из крестьянской семьи. Он родился в селе Павлово Ярославской области. Своим упорством отец получил специальность инженера-топографа, но общественный строй, чиновничья среда, чванство и подхалимство шли вразрез с понятиями русского мужика. Эти противоречия путали его планы на жизнь.

Для благополучия семьи и своего роста было необходимо подчиниться всем правилам и этике высшего круга, но мужицкая душа не всегда мирилась с этим, и душевные стремления, не терпящие лжи, подхалимства и несправедливости, находили свою разрядку в «пощечине» начальству. Это влекло за собою понижение по службе, переводы и увольнения. Изредка душевные порывы пересиливали общественную этику и, выпивши в большие праздники, отец подбирал на улице какого-нибудь нищего или пьяного солдата и ночью приводил его домой, заставляя маму ставить самовар и кормить человека, давая ему денег и одежду, проявляя к нему большое внимание. Не раз, попав к нам таким образом в квартиру, опекаемый папой бедный человек, грозился подпустить нам «красного петуха», но отец его уговаривал, мама охала и стонала, а мы, маленькие, плакали, напуганные пьяным дебоширом. Так и кончались его добрые побуждения.

Отец зря никогда не пил. Он был человек дела. При нем существовал раз и навсегда заведенный порядок дня. Все делалось в определенные часы. Работал не жалея сил, много читал, изучил столярное, слесарное, дорожное и строительное дело. В свободное время от работы строгал, пилил, точил, вытачивал, сколачивал, кроил, шил. Ничто не валилось из его рук. Составлял проекты, писал, занимался химией. По его проекту на Урале был построен конный завод, за что отца

наградили медалью. В Верхнеудинске по его проекту был построен пивоваренный завод. Отец с большим упорством и настойчивостью пробивал свою дорогу в жизнь. Во многом ему мешало происхождение, и только недюжинные способности, терпение и упорство позволили ему занять не последнее место в обществе.

В 1918 году отец опять не поладил с начальством, и мы вынуждены были уехать в Читу. Но и здесь отец что-то не прижился и в 1919 году отправился в Аян на строительство Аяно-Нельканского тракта. Мы – мама, я и Митя – едем в Николаевск-на-Амуре. В 1920 году связь с отцом теряется, говорят, что он расстрелян. Мама находится на положении вдовы. Но отец не погиб. В это время он был эмиссаром продовольствия. Были попытки со стороны рабочих разбить его склады, но отец не допустил, за что получил благодарность от властей (какая в это время в Аяне была власть, до сих пор не имею представления). В 1922 году отец поехал нас искать, и мы встретились во Владивостоке.

Однако я должна вернуться: при отъезде из Читы отец вручил матери свою рукопись «Баргузинская тайга», а к ней – коллекцию образцов камней из недр Забайкалья и просил это особенно тщательно хранить до его приезда в Николаевск. Оказавшись в сложнейшей ситуации, когда только чудом нам с мамой и Димой удалось покинуть Николаевск, мы не сумели сохранить коллекцию отца. Мы не знали, куда ее деть. В случае обыска мы навлекли бы на себя подозрение невежественных людей. Первым нашим решением было спрятать ее во дворе, закопать. Но люди зорко следили друг за другом. Могли соседи увидеть, что мы что-то закапываем и донести на нас, а это было равносильно «укрыванию ценностей от властей», то есть расстрел на месте. Тогда я предложила маме куда-нибудь ее забросить. И вот в сумерках выйдя за ворота на тротуар, я дошла до выломанной в нем доски и кинула эту коллекцию под тротуар. Прошла еще дальше, проверила, что никого нигде нет и за мной не следят, и только после этого вернулась домой и спокойно вздохнула. Так и затерялся многолетний и ценный труд моего отца под одним из тротуаров Николаевска.

По приезде во Владивосток отец был просто потрясен тем, что коллекция пропала. «Вы ее уничтожили, спасая свою жизнь!» За это мама осталась на него в обиде до конца своей жизни. Сохранилась рукопись «Баргузинская тайга», но она уже не имела значения после гибели коллекции. Этот труд хранился все последующие годы у мамы до 1930 года. Перед отъездом в Благовещенск мама отдала его Диме, который много позже рукопись издал.

* * *

О себе. Я родилась в 1906 году в Петровском Заводе Забайкальской области.

С малого возраста я проявляла интерес к животному миру. Помню, еще совсем маленькой я тянулась к лошадям, собакам, кошкам, ягнятам, голубям, кроликам. Помню, на Урале в казачьей станице отец выиграл по лотерейному билету лошадь с упряжью. Это была небольшая кобылица рыжей масти. Она была поднята из шахты, шла, качаясь на ногах, – скелет и кожа. Упряжь папа надел на себя, а лошадь тянул за повод. Какое-то время она была у нас подвешена на веревках, и хотя надежды никакой не было, папа сумел ее вывести. Впоследствии эта лошадь даже завоевала нашу любовь и послужила нам до отъезда с Урала. Мы звали ее Рыжка. Она была с кротким характером, и я часто проходила у нее под брюхом, а она стояла не шевелясь, пока я под ней бродила.

С шестилетнего возраста я научилась верховой езде. Жили мы в то лето в одном из бурятских улусов. Я все время крутилась около бурят, ездила с ними на покосы, возила копны. Но, короче говоря, я бурятам надоела, и они старались всеми способами от меня избавиться. Подкладывали мне в седло мышинные гнезда с целым выводком мышей, но это меня нисколько не смущало; отказывали в лошади, тогда я шла на покосы пешком. Поднималась я с утренней зарей, а они уезжали раньше, чем обещали, и тогда я попадала на покосы только к полудню, пешком, но везде их разыскивала. Наконец меня послали на водопой с шестью лошадьми, и только это избавило их от меня.

Помню, хозяин отвел для нашей семьи свою кумирню, где стояла богиня плодородия, у которой было сорок рук, и в каждой руке какой-нибудь предмет: в одной – сноп, в другой – колокольчик и т. д. У ног богини всегда стояли блюда с пищей и водой и одурманивающие курения, из-за них мама постоянно страдала от головной боли, и в мое распоряжение был предоставлен весь день, и я все время находилась на воле и воздухе.

Я очень любила читать, художественную литературу воспринимала как действительность, как свершившийся факт, и немало пролила слез над судьбой того или иного героя. С этими героями романов я делила их горести и обиды. Учиться меня отдали девяти лет в старший приготовительный класс гимназии. Я была очень дисциплинированной. Ведь в доме у нас всегда существовал строгий порядок. Я привыкла уважать взрослых людей и не прекословить им, молча выслушивать замечания и ни в чем не оправдываться. Очень любила пение, музыку, но мама находила меня безголосой, так что в ее присутствии я не позволяла себе этого делать. Зато если родители уходили вечером в гости, я отводила свою душу, а Митя помогал.

Мы росли вдвоем с Митей, и я всегда чувствовала себя старше него и постоянно его опекала до самого кадетского корпуса. В Николаевск мы перебрались в 1919 году. Он казался большим городом. Дома в основном деревянные, но добротно поставленные из строевого леса. Сообщение в навигационный период пароходами, а зимой – ездовыми собаками и оленями. Зимы выдавались снежные. На улице в снегу прорывались траншеи, где могла пройти лошадь, а по краям траншеи вровень с заборами ходили пешеходы. Во время метелей дома заносило так, что потом приходилось соседям откапывать друг друга. Квантировали мы у ссыльного осетина, который закупал на Сахалине партии лошадей, коров, а потом их перепродавал. Ему было лет 40 или 45, его жене Вассии лет 18. Она была удивительно красивой женщиной и напоминала тонкой работы статуэтку. Учась в гимназии, я знала, что девочки удивлены тем, как мы можем жить у этого осетина, все говорили, что он разбойник. Нам лично он не сделал ничего плохого. Но два раза мы, возвращаясь домой, находили его у себя в квартире «под арестом» нашей собаки Фреда. Фред скалил зубы, не давая осетину сделать ни одного движения.

С приходом в город партизан Тряпицына изменилось все. Хозяин отправил Вассию с ребенком в деревню. Все свое имущество спустил под пол и, опасаясь за свою жизнь, дома не находился. А в городе шли поголовные аресты. Связь с отцом была потеряна (он должен был в это время быть в Аяне). Деньгами и продуктами мы снабжались через ту организацию, где отец работал. Этим командовал инженер Любатович. Он был прекрасным человеком, его многие хвалили за безвозмездную помощь бедным и многодетным семьям. Правда, это не спасло. Его убили прямо на дворе, перед окна-

ми квартиры – прикладами. А в это время его 28-летняя дочь лежала на кровати, зарывшись в подушки, без чувств. Каждую ночь пустел какой-нибудь дом. Убивали прямо на льду реки Амур, часто просто топили в прорубях, но с этим не успевали управляться, и огромные кучи трупов росли у прорубей, дожидаясь своего времени, чтобы уйти под лед...

Население Николаевска состояло в то время в основном из ссыльных каторжан, сосланных за убийства и грабежи. Видимо, это и было причиной захвативших город самосудов. Неорганизованная толпа решала виновность того или иного лица. Часто какая-нибудь горластая баба, всех переорав, вела за собой толпу к своей цели, и начинался погром. Били, тащили, раздевали на ходу уже безмолвного и посиневшего человека.

Я тогда училась в четвертом классе гимназии. Однажды к нам пришла в сопровождении своей свиты атаманша Нина Лебедева. Все осмотрела, потребовала списки учениц и предложила устроить вечер с участием партизан. Четвертый класс она отнесла к числу «взрослых» и обязала всех прийти на вечер. Когда маме сказали об этом, она предложила мне не ходить, и я осталась дома. Когда я на другой день отправилась в гимназию, увидела, что классы опустели, и в них полный беспорядок. Классная дама спросила меня, почему я не приходила на вечер, и я сослалась на нездоровье. Тогда она меня обязала принести справку, поскольку накануне Лебедева вновь проверяла списки учениц и желала знать причину моего отсутствия. Пока я была одна в коридоре, ко мне подошла учительница и, убедившись, что вокруг никого нет, погладила меня по голове и сказала: «Как хорошо, что тебя не было! Но справку обязательно принеси...» Глаза ее и лицо были очень грустными. Позже я узнала, что на «вечере» все партизаны перепились, напоили девушек и порасхватили их по классам. Справку я представила. Наша семья висела на волоске. И я, и Митя прекрасно понимали, что в один из дней – не сегодня-завтра – нас могут ликвидировать.

Весной появились объявления об эвакуации населения. Как я уже писала, мама чуть не круглыми сутками выстаивала в очередях за пропуском, а мы с Димой были предоставлены сами себе. Мы уже не пели и не играли, а прислушивались к каждому шороху и стуку. Однажды к нам пожаловали трое вооруженных корейцев. Стучали в ворота, а мы затаились и молчали. Тогда они стали прикладами вышибать калитку, и пришлось открыть. Они потребовали мужскую обувь, но отцовские штиблеты на пуговицах им не понравились. Велели открыть хозяйскую половину, а когда я сказала, что ключей нет, сломали замок, но там оказалось шаром покати, одни стены. Зашли к нам, посмотрели на сундуки, попробовали вскрыть, расколотить – не получилось. Потребовали ключи, а их у меня не было, один вскинул винтовку, другой ударил по ней снизу вверх. Выстрел, но пуля уходит в потолок. Между корейцами завязывается борьба. Наконец все успокоились, а мне сказали, что зайдут завтра утром, и чтобы мы приготовили штиблеты на шнурках, а то всех постреляют. На наше счастье мы в тот вечер выехали из Николаевска. Выехали в чем были, бросили все, так как вещи могли привести нас к гибели.

Выезд из Николаевска со своими семьями девушек с 16-летнего возраста был запрещен. Они должны были идти тайгой вместе с партизанами. На мое счастье мне было всего 13 лет.

Мы поселились в местечке Гуга, состоявшем из трех небольших домиков и нескольких амбаров на сваях. В одном домике нас поселили вместе с четырьмя семьями. Все были с детьми один другого меньше. Самые старшие – я и моя под-

ГЛАВНАЯ ТЕМА

ружка Глафира (потом ставшая женой моего брата Александра). Жили, деля последний кусок между собой. Хлебного пайка было недостаточно, а приварка никакого не было. Я видела, что мама отдает нам с Димой свой хлеб...

Однажды к нам в Гугу приехал Тряпицын со своей Ниной Лебедевой. Это был 23-летний паренек, хорошо сложенный, блондин с голубыми глазами, очень кроткими и добрыми. Я была поражена его видом, не хотела верить, что это тот самый Тряпицын, на совести которого столько безвинно погибших человеческих душ, слезы сирот, изуродованные трупы детей и женщин, замученных его сподвижниками. Нина Лебедева оказалась женщиной маленького роста, на вид лет 35, с большими синими глазами, всегда опущенными вниз и не глядящими на собеседника. Одета она была в облегающую блузку, короткую юбку поверх брюк, заправленных в сапоги с ботфортами, на голове черная широкополая шляпа.

На пригорке, где я обычно удила рыбу, стояла небольшая церквушка, где располагался фельдшер и принимал больных. Лебедева направилась в церковь и с помощью своей свиты запалила большой костер, в котором они сожгли все иконы. После чего атаманша отбыла на своем пароходе.

Иногда в Гугу приходили катера для ареста кого-то из жителей. Я из своего укрытия наблюдала за катером и людьми и все время боялась, что арестуют маму. Но чаша сия нас миновала. Я видела, как катер с арестованными выходил на середину Амгуни, и по воде отчетливо разносились голоса: «Прыгай! Уплывешь – твое счастье!» И человек бросался за борт, а катер плыл за ним, раздавались настаивающие выстрелы винтовок...

Когда мы пекли хлеб, а это было чаще всего ночью в печках на берегу реки, когда все население спало, и луна яркой полосой пролегла поперек реки, мы с мамой нередко замечали что-то плывущее по Амгуни. Иногда темный предмет проплывал у самого берега и попадал в полосу лунного света, и мы видели, что это. Плыли женщины, дети и редко мужчины с обрезанными ушами, носами, с отрубленными пальцами, с резаными, колотыми штыковыми ранами. Хоронить их было запрещено. Население обязали отталкивать трупы от берега. Так они и плыли по течению в Николаевск к японцам, которые в ту пору уже заняли город.

Примерно в конце июня или начале августа все мы проснулись от крика. Крик шел от реки. Оказывается, у пристани стоял пароход с красными флагами, и оттуда нам кричали: «Молите Бога, люди, чтобы все хорошо кончилось! Мы партизаны из Сергиево-Михайловска, едем захватить Тряпицына!» Народ плакал и смеялся, кто-то стоял молча. А пароход уходил, и вот видна уже только его труба да дым от нее, вот уж ничего не стало видно. Только мы втроем стоим и не плачем, и не смеемся, ибо кто знает, чего нам еще ждать...

Вскорости появилась газета-летучка, совсем маленькая, в ней – только о действиях восставшей группы партизан во главе с Андреевым, об аресте и расстреле Тряпицына и Нины Лебедевой. Тряпицын жил на пароходе со своей охраной. Когда Андреев с восставшими приплыл к Керби, была ночь, и их к Тряпицыну не пускали. Тогда часовым крикнули: «Пропустите! Мы с важным сообщением, японцы подступают!» Тряпицын был взят в своей каюте, там же на него надели наручники. Он взглянул на свои руки и сказал: «Не от таких убежал!» Тогда ему сковали и ноги. При обыске была изъята фотокарточка Тряпицына, на которой его рукой было написано: «Нинке Лебедевой от бандита Яшки». Они были расстреляны. Их трупы лежали три дня, чтобы весь народ мог убедиться, что их действительно больше нет. В той же

летучке было написано, что Тряпицын задумал оставить в живых только 35 человек своих приближенных, остальных вместе со своим отрядом уничтожить, потом с награбленным золотом через тайгу уйти в Благовещенск. После расстрела Тряпицына Андреев отбыл в Благовещенск и там был арестован. Вместо него прислали некоего Безднина. Вскоре после его приезда нас всех погрузили на баржу и отправили в Сергиево-Михайловск, где мы долго ждали дальнейших распоряжений.

Однажды ранним утром, когда нас окутал густой туман, такой непроницаемый, что, как я ни старалась что-то увидеть с борта, видела только вату тумана, мне показалось, что я слышу звук моторки. И с другой стороны тоже застучала моторка, но видно ничего не было. Но когда туман понемногу рассеялся, я увидела множество моторных лодок и катеров с пулеметами на носу. Японцы! Между беженцами началась паника. Тот, кто носил японские вещи, стал срывать их с себя и бросать в воду, но течения почти не было, и эти вещи не тонули, а лежали на тихой воде чуть-чуть покачиваясь. Японский офицер сказал: «Господа, успокойтесь! Мы вам ничего не сделаем, только довезем до Николаевска, чтобы вы на него теперь посмотрели». А партизанам предложил сдавать оружие и выходить на берег. Партизаны по одному выходили на берег, где уже стояли цепочкой японцы, принимавшие оружие. К нам на баржу поставили японских часовых. Между прочим, пока мы разговаривали, с верховьев показался пароход. Все заговорили, что это, наверно, Безднин. Японцы тоже заметили его и начали окружать. Тогда пароход повернул обратно. Нас действительно довезли до Николаевска и высадили на берег.

В городе торчали только печные трубы да два каменных здания, уцелевшие от пожара. Мы с мамой пришли к пепелищу нашей квартиры, молча постояли. Хотелось кушать. Неподалеку находились землянки, в которых ютились жители, спасшиеся от пожара в городе. Тут мы узнали, что наш хозяин жив и тоже живет в землянке. Для него наш приход оказался полной неожиданностью. Глаза его забегали, он растерялся. В его жилище я увидела все наши вещи, вплоть до посуды и шляпок. Я тихонько шепнула об этом маме, она ответила: «Вижу». Во мне все заклокотало, я спросила: «Каким образом у вас наши вещи, и где наша собака Фред?» Хозяин, заикаясь, ответил, что все вещи осетины поделили между собой, а Фред забрался на крышу и там сгорел, а вещи удалось вывезти в тайгу. Я долго смотрела на него с презрением, потом потребовала швейную машинку и две подушки. Сказала, в противном случае иду в полицию. Он беспрекословно отдал. Мама начала возражать, говоря, что все равно бы вещи сгорели. «Нет, мама, кто-то страдал, потеряв все, а кто-то наживался чужим горем».

На другой день все беженцы собрались на берегу, и японцы стали спрашивать, кто желает остаться в Николаевске и кто хочет выехать и куда. На мамину просьбу уехать в Читу ответили, что там власть другая, и предложили выбор: Хабаровск или Владивосток. Мы остановились на Владивостоке, хотя этот город ничего не сулил нам особенного.

В Николаевске нас посадили на пароход. Денег у нас не было, есть нечего, ехали с тоской на душе, сосало под ложечкой. В Хабаровске была пересадка на поезд. Желудок требовал пищи. Наохлившись, сжавшись в комок, мы уныло молчали, не прося у мамы еды, знали, что у нее ничего больше нет. Однажды Дима вдруг спустился под сходни и увидел кошелек. В нем оказались японские сэны, примерно с рубль. На эти деньги мы прожили неделю. Прибыв во Владивосток, мы

остановились на вокзале и жили там несколько дней, так как не знали, куда нас направят. В городе свирепствовала дизентерия, и я вскоре тяжело заболела и попала в больницу. Когда через две недели меня выписали, мама с Димой уже находилась на Второй Речке. Первое время мы питались обедами из японской полевой кухни: в обед нам наливали полкотелка фасолевого супа на троих. Это на сутки.

Учиться я бросила в связи с тем, что не было средств. Мама устроила меня на курсы машинописи, которые я успешно закончила. Потом меня устроили гувернанткой в семью окружного лесничего. Они жили тогда в гостинице «Версаль» и столовались в его ресторане. В семье был один девятилетний мальчик, который нигде не учился и был страшно избалован. В мои обязанности входило встречать гостей, смотреть за Готей, стараться забавлять его, гулять с ним.

С приездом старшего брата Александра и его устройством в лесничество наша жизнь изменилась к лучшему. Он стал старшим объездчиком в Коппи и каждый месяц посылал нам деньги. Благодаря ему мы смогли арендовать домик с приусадебным участком. Жить стало легче. Александр Дмитриевич договорился с мамой, чтобы взять меня к себе, поскольку без хозяйки в доме плохо, и я оказалась в Коппи.

В 1925 году я вернулась к маме во Владивосток, а еще через год Шура женился, продал дом, уехал в Благовещенск к отцу и помогать нам перестал. Отец каждый месяц высылал по 50 рублей, но этого было мало. Мама пустила в одну комнату квартирантов, которые потом и столовались у нас. А в 1927 году и отец отказался нам помогать. Тогда я решила выехать к нему, так как не могла тут найти себе никакой работы. Попав к отцу, я поняла, что оказалась там совершенно лишней, а отступать-то некуда. Когда отец спросил, зачем я приехала, ответила: «Вы мне дали жизнь, вы должны и научить меня, как заработать себе на хлеб». Отец тогда помолчал, а потом сказал: «Я постараюсь сделать из тебя чертежника». Так началась моя подготовка к новой специальности.

Замуж я вышла по любви. Жизнь начиналась хорошо. Но тяжелая послеродовая травма надолго приковала меня к постели. Мужа забрали в армию, и я надолго потеряла с ним связь.

Приехав в Хабаровск в 1933 году, я продолжала болеть, но стала искать работу. Через два года встретилась с мужем. Отряд, в котором он служил, расформировали, и Яшу направили в Иркутск. Я поехала к нему. Яша из армии демобилизовался, хотя и его, и меня уговаривали, чтобы он остался служить дальше. Но я не хотела, чтобы он оставался на всю жизнь связанным и зависимым, здесь и была моя большая ошибка. Яша оставил армию. После этого мы устроились на работу в «Никельоловоразведку», он начальником топографической партии, я вычислителем. Работали на Шероловогорском руднике (станция Борзя).

В 1936 году в газетах появились заметки о том, чтобы поздно вечером и в одиночку не ходить без оружия, так как с китайской стороны пришли большие стаи волков. Когда рано утром мы выезжали на работу, то видели, что дорогу пересекает пара-другая волков. Возвращаясь на рудник по бездорожью пешком, я знала, что ребята опять будут умолкать и оглядываться по сторонам, прислушиваясь к собственным шагам, резко раздающимся по скованному морозом снегу в ночной тишине. Тогда я начинала петь, вспоминала веселые случаи из своей жизни и уверяла их, что волки могут напасть только на одного человека, а не на такую боевую ораву.

В 1937 году топографические работы в «Никельоловоразведке» были свернуты, штат распущен, и мы поступили на

работу в Восточносибирское отделение аэрогеодезического предприятия в Иркутске. Яшу назначили на должность начальника партии. Я в это время опять тяжело заболела, часто попадала на больничную койку. В итоге врачебная комиссия запретила мне работать чертежником-топографом. Врачи предложили мне работу в женской консультации старшим регистратором. Но я твердо решила уехать. Захотелось в деревню, на свежий воздух, а кроме того, беспокоилась за судьбу мужа. Он стал выпивать. Его, когда он вернулся с очередных полевых работ, оставили при филиале заместителем главного инженера, и стал он приходить домой навеселе и поздно. Я поняла, что такая работа ответственного руководителя приведет его к печальному концу. Надо было оторвать его от этого коллектива, и я настояла на переводе его в Новосибирск.

1939 год, Новосибирск. Мама в городе, мы в районе. Работаю у мужа в партии кем придется: техником по учету, чертежником, конюхом, старшим рабочим. Часто болею, но не поддаюсь. Муж все время в поездках, лошади не успевают отдыхать. Но вот наступил и 1941 год.

Война. Завожу корову, кур, сажаю картофель, бахчу, обрабатываю все своими силами. Мужу некогда заниматься хозяйством, он все время в разъездах. Без коровы нельзя, так как мама тяжело больна, ей необходимо молоко, а его совершенно никто не продает. Молоком питаемся и тоже не продаем.

В 1948 году я похоронила мужа. Он умер от туберкулеза легких. Решила переехать к маме в Новосибирск. Здесь я была принята на работу в Западносибирский отдел госгеодезического надзора техником по учету. Работа была связана с картохранилищами и в основном с машинописью и делопроизводством. Оклад 600 рублей. Жилось тяжело. Мама все время болела. Лекарства, врачи, машины. В 1951 году похоронила маму и осталась с Адой (*приемная дочь Нины Дмитриевны, 1942 г. р., живет в Новосибирске.* – Прим. ред.) У постели умирающей мамы, через 15 лет, встретилась с Димой. Он рыдал, говоря: «Я не знал, что вы так живете, вы мне никогда не писали об этом, все писали, что живете хорошо! Простите меня!»

Дима с Галиной Иустиновной после этого очень много и щедро помогали мне. Я никогда этого не забуду, но уже никогда не смогу отплатить им тем же, и это меня очень огорчает. Вот разве что Ада, когда будет взрослой и твердо станет на ноги свои, не забудет этого и поможет мне чем-нибудь отблагодарить их. Но, если меня в живых не будет (*Нина Дмитриевна умерла 7 августа 1999 года. С Адой Яковлевной семью Нагишкиных, которая живет в Москве, связывают очень теплые родственные отношения.* – Прим. ред.), она не должна забыть, чем мы им обязаны.

В 1961 году я пошла на заслуженный отдых по старости. Любить жизнь я и теперь не перестаю. Что может быть прекраснее жизни? Пусть я угасаю, но я познала жизнь во всем ее совершенстве. Я любила и была любима. Не раз была на краю гибели, но зато после этого я чувствовала вновь свое рождение. Я с трепетом вдыхала в себя дуновение Жизни, я радовалась дневному свету, солнечному лучу, каждой букашке, каждой травинке, веселому щебету воробьев и ощущала, как поток жизненных сил вливался в меня. И так мне было хорошо и радостно...

Нина Дмитриевна КОЛЕСНИКОВА (НАГИШКИНА).

1967.

Воспоминания предоставлены И.Д. Нагишкиным, сыном Д.Д. Нагишкина.

Фото из архива Хабаровского краевого краеведческого музея им. Н.И. Гродекова

Он посвятил жизнь и все свои труды Дальнему Востоку

Юнкер Владимир Арсеньев. Петербург.
1890-е годы

Владимир Клавдиевич Арсеньев – личность легендарная. Он соединил в себе драгоценные качества: исследователя, путешественника и писателя. Это счастливое сочетание разных сторон его дарования. Не будь Арсеньев географом, путешественником, не было бы Арсеньева-писателя, и литература не знала бы таких пленительных образов, как гольд Дерсу Узала, и таких цельных, запоминающихся характеров, как орочи Савушка Бизанка или Карпушка, и многих других. Личный опыт исследователя, разносторонние знания и талант Арсеньева породили точность и выразительность его описаний Уссурийского края, таежных дебрей с их бесчисленными обитателями, звериных троп, горных хребтов, перевалов, рек, топких марей, морского побережья... Причем в разное время года и все – с предельной конкретностью.

**К 135-летию со дня рождения
В.К. Арсеньева**

Юлия ШЕСТАКОВА

Но раньше, чем эти описания легли на бумагу, они были выхожены Арсеньевым. Книги его выстраданы. Как верно сказал в свое время Пржевальский о трудной миссии исследователя: «Не ковром будет послана ему дорога. И не сами ползут ему в руки научные открытия. Нет! Ценою тяжелых трудов и различных испытаний, как физических, так и нравственных, придется заплатить даже за первые крохи открытий...»

Силу этих слов, наверное, неоднократно испытал на себе Владимир Клавдиевич. Имя его по праву ставится в один ряд с именами знаменитых русских путешественников: Семенова-Тянь-Шанского, Миклухо-Маклая, Пржевальского, Потанина, Козлова. Арсеньев был подвижником, страстным и неутомимым путешественником. Но в отличие от своих предшественников и учителей, прославленных географов – открывателей новых земель, стран, народов Арсеньев посвятил свою жизнь и все свои труды Дальнему Востоку. Он не только путешествовал по Уссурийскому краю, здесь он жил. Хабаровск, Владивосток... Эту силу притяжения тоже нужно понять и объяснить: почему дальневосточная земля навсегда покорила Арсеньева, хотя родился он в Петербурге, бывшей столице, и, окончив пехотное юнкерское училище, был направлен для прохождения службы в Варшавский военный округ. Твердый характер и настойчивость в достижении цели проявились у Владимира Клавдиевича уже тогда. Он с юности мечтал о дальневосточной тайге и потому стал добиваться перевода из Польши.

«Когда мечта сбылась, – вспоминал он позднее, – и я выехал на Дальний Восток, сердце мое замирало в груди от радости...»

Известно, что очерки Пржевальского об Уссурийском крае были первой настольной книгой Арсеньева. Всю жизнь Владимир Клавдиевич считал себя его учеником. Как исследователь-энциклопедист он многому от него научился. И, прежде всего, умению комплексно решать научные задачи в экспедициях. Какими разносторонними были его обязанности! Он разведывал новые пути для освоения природных богатств края, изучал рельеф Дальнего Востока, устанавливал состав и характер лесов, описывал флору и фауну, с особой тщательностью интересовался бытом коренного насе-

Арсеньев в одной из экспедиций

Владимир Клавдиевич Арсеньев, Дерсу Узала, казак (фамилия неизвестна), Джан Бао в полном снаряжении на реке Такема в 1906 году

ГЛАВНАЯ ТЕМА

ления края, в частности орочей, гольдов (нанайцев), удэге, их историческим прошлым. В то же время ему было поручено изучать важнейшие вопросы, связанные с общегосударственными проблемами, которые касались и обороны края.

И выходит, что не было такой сферы в природе и деятельности человека и такой отрасли народного хозяйства, мимо которых прошел бы Арсеньев равнодушно. Все научные наблюдения он вел в экспедициях сам. Ботаника и археология, орнитологические коллекции, экспонаты по этнографии, метеорологические наблюдения, геология, звериный промысел и охота... И еще дневники! И кроме всего перечисленного он был прекрасным писателем и сумел «в живых образах и ярких картинах раскрыть изумительные богатства Дальнего Востока, красоту природы и духовный облик населяющих его народов...».

В бесконечном поиске нового, неизведанного таится успех арсеньевских книг. И еще они подкупают точным знанием предмета. Откройте любую главу путешествий. Независимо от того, куда вы устремитесь вслед за автором – на морское побережье или к отрогам Сихотэ-Алиня, по Амуру, на Анюй или в долину Майхэ – ощущение близости опытного путешественника, старшего друга не оставит вас ни на минуту.

Однажды мне довелось видеть зеленый томик Арсеньева у геологов на берегу Катанэ. Они читали его, как поэму, и, представьте себе, как справочник. Он служил им пособием в таежных походах.

Не каждое произведение можно перечитывать по нескольку раз. Но книги Арсеньева перечитываются. Он был человеком энциклопедических знаний, обладал высоким чувством слова, был чуток к малейшим оттенкам. Кто-то из классиков сказал о Пушкине, что тот отличался собранностью в поэзии, что он никогда не входил в нее неприбранным и не вносил туда ничего лишнего... Что-то подобное приходит на память, когда думаешь об Арсеньеве.

Его писательское дарование проявилось уже в первых отчетах об экспедициях по Уссурийскому краю. Написать о природе и людях Дальнего Востока книгу – было его мечтой. И он упорно шел к этому. Не удивительно, что Михаил Михайлович Пришвин, известный знаток природы и тонкий ценитель художественного слова, прочитав книгу Арсеньева «В дебрях Уссурийского края», отозвался о ней с восторгом и спустя время отправил Горькому. Так началось заочное знакомство Арсеньева с Алексеем Максимовичем.

Горький сыграл огромную роль в жизни Владимира Клавдиевича. Он помог ему иными глазами взглянуть на свое писательское дарование, глубже осознать, какая задача стоит перед ним, и всячески содействовал широкому признанию творчества Арсеньева. Личная встреча с Горьким, о чем мечтал Арсеньев, у них не состоялась. Но было несколько писем. Можно себе представить, какую радость испытал он, получив письмо из Сорренто!

«Уважаемый Владимир Клавдиевич! – писал Горький. – Книгу Вашу я читал с великим наслаждением. Не говоря о ее научной ценности, конечно, несомненной и крупной, я увлечен и очарован ее изобразительной силой. Вам удалось объединить в себе Брэма и Фенимора Купера, – это, поверьте, неплохая похвала. Гольд (т. е. Дерсу) написан Вами отлично. Для меня он более живая фигура, чем «Следопыт», более художественная. Искренне поздравляю Вас...»

Яркое дарование и высокое мастерство Арсеньева как литератора не раз становились предметом восхищения таких известных ученых и путешественников, как Ф. Нансен, президент Академии наук СССР В.Л. Комаров, академик С.В. Обручев, ученый-этнограф Л.Н. Штернберг, фольклорист и этнограф, сделавший впоследствии много для познания творческой лаборатории В.К. Арсеньева, его литературных приемов и стиля, М.К. Азадовский.

О нем хотелось бы сказать отдельно. Дело в том, что Марк Константинович Азадовский в течение многих лет близко знал Владимира Клавдиевича, внимательно следил за его творчеством. После смерти Арсеньева он занялся поисками его ранних произведений, нашел, сумел составить сборник. В нем статьи, корреспонденции. Арсеньев отправлял их когда-то прямо из тайги, с попутчиками в редакцию газеты «Приамурье». Это было во время его путешествия в горах Сихотэ-Алиня и по реке Уссури (1908–1910). То есть самая трудная и продолжительная экспедиция.

Тот, кто внимательно читал Арсеньева, знает, как неистощим и богат он в изображении красок природы. «Желтовато-зеленый мох» и «золотисто-желтые рододендроны», «ровные пепельно-серые стволы» или «розоватый оттенок белого снега» (это бывает по утрам в тайге), «паутина, унизанная жемчужными каплями росы...» (это так удивительно точно!). Динамичны его описания неба, особенно перед грозой и на закате солнца. Некоторые его пейзажи напоминают гравюры: Арсеньев использует контрастные краски, сочетания светлых и темных тонов.

Писательское мастерство Арсеньева – тема необъятная. Нельзя не сказать о его умении создавать литературные портреты людей. Дерсу. Образ этого человека развивается постепенно, не сразу автор раскрывает нам его характер, и диалектику его души мы постигаем не сразу. Дерсу предстает перед нами в различных состояниях, но всегда на какой-то высоте. Он смел и готов на все, чтобы спасти своего капитана. Когда Арсеньев перечисляет, что таилось в котомке Дерсу, это не может не вызвать улыбку, но каждый предмет – осмыслен. И, наконец, еще один штрих к портрету Дерсу. Это было во время путешествия по реке Бикин. Арсеньев пишет так: «В моей сумочке было много всякой мелочи: цветные карандаши, перочинный ножик, резинка, игольник с нитками, шило, часы, секундомер и прочее. Часть этих предметов, в том числе и роговую чернильницу, я дал нести Дерсу...»

Потом выяснилось, что Дерсу потерял эту чернильницу, но так как он не знал, как ее назвать, то на вопрос капитана, что он еще потерял, ответил: «Грязную воду». Спутники Арсеньева рассмеялись и стали шутить над проводником. Дерсу обиделся. Начал оправдываться, говорить, что он берег эту «грязную воду» и знает, что она капитану очень нужна. Понимает... Одни слова выходят из уст человека и распространяются вблизи, по воздуху, другие закупорены в стеклянной бутылочке. Оттуда их надо достать, потом они садятся на бумагу и уходят далеко... Наивно? Да, конечно. Но ведь это Дерсу!

В среде литераторов иногда встречаются такие рассуждения: зачем писать об Арсеньеве, что-то сочинять о нем? Он ведь сам о себе написал и весь – в своих книгах. И все же Владимир Клавдиевич больше всего говорил о других, о своих спутниках, о тех, кого встречал на пути. Его интересовал мир природы и взаимоотношения человека с этим миром. Сам же он оставался в тени, справедливо считая не обя-

Станция Корфовская. Начало XX века

Хабаровск. 1922. В.К. Арсеньев читает лекции

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Слева направо: Бутунгари, Кялондига, Александр Намука, Федор Мулинка, В.К. Арсеньев, геоботаник, писатель Н. Кабанов, Прокопий Хутынка. 1927

Капитан Арсеньев. Снимок сделан на пароходе «Трансбалт» во Владивостоке.
Подпись на фото: «В.К. Арсеньев – «таежный волк» с дочерью» (Натальей Арсеньевой). 1928

Арсеньев и кинематографисты. У карты долины реки Аной, составленной В.К. Арсеньевым. На снимке: В.К. Арсеньев, А.А. Литвинов (видимо, кинорежиссер, автор книги «Путешествия с кинокамерой», изданной в Москве в 1982 г.), Э. Фельдман (возможно, кинооператор). Владивосток. 1928

зательным для себя включать элементы личного в строгую и всегда значительную у него ткань произведения.

Лишь иногда, читая его книги, можно ощутить настроение самого автора, почувствовать его через пейзаж, в изменчивом характере погоды или в разговорах с Дерсу, в размышлениях о своем проводнике, и опять-таки не о себе – о нем, о других спутниках.

Между тем Арсеньев сам бы мог стать героем книг, написанных кем-то. Его личность с годами приобретает все больший интерес. Его научные труды, путевые очерки, редкие по художественной силе и достоверности образы, созданные им, вызывают восхищение не только у нас в России. Они наделены огромным притягательным свойством, их знают люди разных стран. Но вот о самом Арсеньеве как о человеке, о его характере, привычках, взглядах на жизнь хотелось бы знать больше. Этот пробел заполнил Георгий Пермяков. Его не слишком большая, но содержательная книжка «Тропюю женьшеня» в какой-то мере освещает подробности жизни выдающегося путешественника и писателя, дает представление о его мужестве. Надо отдать должное Пермякову: в свое время он ринулся в Сибирь по адресам ближайших родственников Арсеньева (братья, жена, сын), записал их воспоминания. А еще до этого вел с ними большую переписку, работал с архивами, перечитывал самого Арсеньева. И вот появилась эта книга. Она давно стала библиографической редкостью, и теперь, наверное, стоит выпустить в свет новое, дополненное издание.

Время идет, и все становится виднее. Традиции, созданные Арсеньевым в литературе, живут и развиваются на Дальнем Востоке. Его книги явились школой для многих писателей – наших земляков, начиная с Александра Фадеева. Его роман «Последний из удэге» был задуман не только под влиянием Фенимора Купера, как он сам говорил, но и книг Арсеньева, который впервые в нашей литературе изобразил так ярко и с такой душой таежного человека, представителя коренных народов.

Вслед за Фадеевым можно назвать и других учеников Арсеньева в литературе. Александр Грачев с его «Тайной Красного озера» – приключенческой повестью, которой зачитывается уже не одно поколение читателей. Николай Шундик и его книги о Чукотке, отмеченные пристальным, по-арсеньевски чутким вниманием к внутреннему миру людей. Книги Всеволода Сысоева и Владимира Клипеля об их совместных походах по лесным и горным тропам нашего края. В них тоже отразилось влияние Арсеньева, его умение читать и открывать лесные тайны. Но наиболее близок к Арсеньеву по своей профессии геодезиста, по характеру творчества Григорий Федосеев. Его книги «Злой дух Ямбуя», «Смерть меня подождет» и другие получили широкое признание. Но Арсеньева повторить невозможно. Его книги выросли из подвига. И сами есть подвиг.

Редакция выражает благодарность О.С. Рослой, дочери Ю.А. Шестаковой, за предоставленную рукопись.

Фото из архива Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева. Репродукция Валерия Токарского

Фото из Государственного архива Хабаровского края. Репродукция Валерия Токарского

«Квартиру в Хабаровске найти так же трудно, как апельсин в Якутске»

Нина ДУБИНИНА,

доктор исторических наук, профессор ДВГГУ

В 150-летней истории города Хабаровска сравнительно малоизвестной страницей является его становление в качестве главного административного центра советского Дальнего Востока.

Будучи с 1884 г. «столицей» Приамурского края, охватывавшего весь российский Дальний Восток, Хабаровск утратил это положение в годы Гражданской войны и интервенции. Появление в разных местах края множества правителей самой разнообразной политической окраски, «рыцарей на час», привело к разобщенности территорий и потере связей между ними. Образовавшаяся в 1920 году Дальневосточная республика (ДВР) заявила о распространении своей власти на весь Дальний Восток. В силу военно-стратегических и политических обстоятельств центром ДВР стала

Чита – главный город Забайкальской области, административно входившей до 1906 г. в состав Приамурского края. В Чите были сосредоточены все властные структуры ДВР.

С установлением советской власти в ноябре 1922 г. территорию российского Дальнего Востока административно объединила Дальневосточная область, центром которой осталась Чита. Здесь находились Дальневосточный революционный комитет (Дальревком) – временный неконституционный орган советской власти (председатель П.А. Кобозев), Дальбюро ЦК РКП(б) – чрезвычайный орган Коммунистической партии (секретарь Н.А. Кубяк), штаб Пятой армии РККА (командующий И.П. Уборевич), редакция областной газеты «Дальневосточный путь» и т. д.

Уже первые действия областной советской власти столкнулись не только с политическими проблемами, которых хватало, но и с коммуникационной удаленностью от важнейших политических и социально-экономических центров Даль-

невосточной области, отстоявших от Читы на несколько тысяч километров на восток. Оторванность административного центра от субъектов власти в городах и селах снижала эффективность руководства, являлась тормозом в управлении Дальневосточной областью. Поэтому во время посещения председателем ЦИК и ВЦИК М.И.Калининым Дальнего Востока летом 1923 г. вопрос о передислокации областных властных структур из Читы в Хабаровск неоднократно поднимался.

В интервью на вопрос о целесообразности перевода дальневосточного центра из Читы в Хабаровск М.И. Калинин ответил: «Хабаровск как центр Дальнего Востока я нахожу более удобным и более ярко показывающим состояние Дальнего Востока и отвечающим его интересам. В то же время Хабаровск вполне отвечает пограничному значению дальневосточной окраины СССР»¹.

В начале декабря 1923 г. Дальревком и Дальбюро ЦК РКП(б) приняли решение о переносе административного центра советского Дальнего Востока из Читы в Хабаровск. Это решение было утверждено ВЦИК и ЦК РКП(б)².

При обсуждении на местном и центральном уровнях вопроса о переносе административного центра Дальневосточной области кроме Хабаровска других вариантов не было. Геополитические, стратегические, управленческие преимущества Хабаровска перед другими дальневосточными городами были неоспоримы. Эти преимущества заключались в нахождении города на пересечении Сибирской железнодорожной магистрали с крупнейшим речным путем по Амуру, что обеспечивало связь Хабаровска с центром России, с северными территориями, Тихоокеанским побережьем и соседней Маньчжурией. Важным обстоятельством являлась равноудаленность Хабаровска от других городов области. С годами все убедительнее подтверждался прогноз, сделанный в конце XIX века, о том, что выгодное местоположение Хабаровска обещает ему «прочную будущность».

Передислокация властных структур из Читы в Хабаровск, что означало преодоление расстояния почти 2,5 тысячи километров, оказалось делом непростым и нелегким. Необходимо было решить финансовые, транспортные, коммунальные проблемы, множество организационных и технических вопросов. Недаром председателем созданной комиссии по переезду областных учреждений в город Хабаровск был назначен И.П. Уборевич.

На заседаниях комиссии, которая собиралась регулярно, был установлен порядок переезда областных учреждений в город Хабаровск, вовремя решались организационные и технические вопросы, связанные с транспортировкой людей и размещением их в Хабаровске. Было решено от Читы до Сретенска следовать по железной дороге, а далее – на пароходах «Амур» и «Троцкий». Первыми переезжали сотрудники Дальбюро ЦК РКП(б), Дальбюро РКСМ, канцелярии Дальревкома, редакция областной газеты «Дальневосточный путь». На время переезда выпуск газеты был временно прекращен. Перевозились архив и личный состав партийной школы. Во вторую очередь переезжали служащие штаба армии и Государственного политического управления (ГПУ). Решено было перевозить на новое место «все ценное оборудование». У Дальбюро оно составило 10 письменных столов, 30 стульев и два несгораемых шкафа³. Поскольку в Хабаровске приобрести мебель было почти невозможно, отъезжавшим рекомендовалось взять ее с собой.

Так сказать, в благодарность за гостеприимство Дальбюро передало в распоряжение Забайкальского губкома РКП(б)

центральный партийный клуб, общежитие со всем оборудованием, а также главное транспортное средство – лошадь.

В Дальбюро ЦК партии, как и в административных и силовых структурах, был составлен список сотрудников, переезжавших в г. Хабаровск. Большинство технических работников оставалось в Чите и в списки не вносилось.

Для переезжавших полагались командировочные. На заседаниях комиссии не раз шла речь о сокращении расходов на переезд. Рекомендовалось ограничить личный багаж сотрудников. Планировалось в Хабаровске предоставить на семью до 3 человек одну комнату, а на семью, состоявшую из 4–5 человек выделять две комнаты в коммунальной квартире. Для выяснения квартирного вопроса в Хабаровск был направлен специальный представитель.

Что же представлял собой тогда Хабаровск? К этому времени город во многом утратил признаки главного центра Дальнего Востока. Дома и улицы приобрели запущенный и неухоженный вид. По словам журналиста областной газеты, которая стала называться «Тихоокеанской звездой», улицы и переулки города заросли травой, бродили стада гусей и свиней, гоготанье и хрюканье которых создавали звуковой фон города. Старые деревянные тротуары пришли в негодность и представляли угрозу пешеходам. Достопримечательностью города была «барахолка» – «смесь одежд и лиц, племен,

ГЛАВНАЯ ТЕМА

наречий, состояний». В отличие от полупустых кооперативных магазинов на «барахолке» можно было купить почти все, в основном из контрабандных товаров.

Пожалуй, одной из самых трудных городских проблем являлась квартирная. В годы Первой мировой войны, а тем более Гражданской, строительство новых зданий почти прекратилось, многие дома не ремонтировались. И хотя по сравнению с довоенным периодом, когда население Хабаровска насчитывало свыше 50 тысяч человек, численность населения значительно сократилась (к 1924 г. в городе проживали 34 тысячи человек⁴), найти жилье в городе было почти невозможно. Как утверждала «Тихоокеанская звезда», «квартиру в Хабаровске найти так же трудно, как апельсин в Якутске»⁵. Дальревком срочно отпустил Хабаровскому горкомхозу 200 тысяч рублей на ремонт жилых домов, но это не могло изменить ситуацию к лучшему.

При расселении новых жителей в Хабаровске власти использовали испытанные в годы революции приемы – «уплотнение жильцов» и конфискацию домовладений, что не могло не вызвать недовольство и возмущение хабаровчан, особенно старожиллов. Вопрос о размещении областной администрации, партийных и военных структур был решен сравнительно безболезненно. В отремонтированном здании бывшего кадетского корпуса разместились военные, в доме «Чашка чая» – Дальревком, в Городском доме расположилось Дальбюро ЦК партии.

Существовало опасение, что одномоментное вливание в среду горожан нескольких сот приезжих может привести к спекулятивному росту цен на продукты питания и, более того, к недостатку их в городе. В связи с этим на основе постановления Хабаровского уездного комитета РКП(б) в начале мая 1924 г. было проведено специальное совещание, рассмотревшее вопрос о возможном спекулятивном повышении цен на хлеб и продукты первой необходимости и борьбы с этими явлениями. Совещание установило, что город располагает достаточным количеством муки, и перебоев в снабжении населения хлебопродуктами не ожидается. Отсутствие на хабаровском рынке в достаточном количестве жиров, сахара и других продуктов питания совещание считало возможным ликвидировать за счет переброски их в город из Владивостока⁶.

Чтобы исключить факты агрессивных действий по отношению к представителям советской власти, органам ГПУ рекомендовалось очистить Хабаровск от уголовных и белогвардейских элементов, а также усилить контроль за въезжавшими в город⁷.

Безусловно, процесс переезда областных учреждений в Хабаровск временно негативно отразился на их деятельности. К тому же, по решению центральных органов, в Дальревкоме произошли кадровые изменения. В июне 1924 г. ВЦИК назначил председателем Дальревкома Я.Б. Гамарника, который к этому времени проработал более года председателем исполкома Приморской губернии – самой экономической развитой на Дальнем Востоке. В июне 1924 г. Дальбюро партии под председательством Н.А.Кубяка уже в Хабаровске провело совещание заведующих областными учреждениями, которое решило, чтобы заведующие учреждениями «немедленно приступили к нормальной работе... Отпуска ответственным работникам региона предоставлять только по медицинским показателям»⁸.

Таким образом, в июне 1924 г. Хабаровск снова занял положение главного административного центра Дальнего Востока. Жизнь в городе стала оживать. С марта 1925 г. по восстановленному Амурскому мосту начали ходить поезда. До этого летом они переправлялись на баржах, а зимой шли по рельсам, которые укладывались прямо на лед. Было начато строительство нового железнодорожного вокзала, отремонтированы некоторые крупные здания, в центре города началось сооружение главной городской площади. Заметным событием в жизни горожан явилась Дальневосточная спартакиада, в которой участвовали спортсмены со всего Дальнего Востока и из Харбина.

В положении «столицы» Дальневосточной области, а с 1926 г. Дальневосточного края, Хабаровск находился 14 напряженных, энергичных лет. С разделением Дальневосточного края в 1938 г. на Приморский и Хабаровский город Хабаровск стал главным административным центром Хабаровского края, и в течение семидесяти лет он достойно выполняет эту ответственную роль. За это время он превратился в крупнейший политический, социально-экономический, научный, культурный центр всего Дальнего Востока.

Фото из книги «Хабаровский край. Страницы истории»

ЛИТЕРАТУРА:

¹ Дальневост. путь. – 1923. – 19 авг.

² Дальревком. Первый этап мирного советского строительства на Дальнем Востоке, 1922–1926 гг.: сб. док. / Арх. отд. УВД при Хабар. крайисполкоме, Хабар. краев. гос. арх. – Хабаровск. – 1957. – С. 215.

³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 372, оп. 1, д. 213, л. 17 об.

⁴ Тихоокеан. звезда. – 1926. – 28 дек.

⁵ Там же. – 1925. – 15 авг.

⁶ РГАСПИ. Ф. 372, оп. 1, д. 213, л. 43.

⁷ Там же. Л. 24.

⁸ Там же. Д. 213, л. 68.

ОТ ВОЕННОГО СОБРАНИЯ ДО ХРАМА ИСКУССТВА

Из истории здания Дальневосточного художественного музея

Наталья СТАРУН, искусствовед
Фото Григория ТУРИАНСКОГО

В поисках самого красивого места Хабаровска вы неизбежно окажетесь на городской набережной, в живописной парковой зоне, архитектурное украшение которой, несомненно, Дальневосточный художественный музей. Здание, построенное ровно 120 лет назад по проекту Владимира Григорьевича Моро, является памятником федерального значения и имеет замечательную историю.

Предназначалось оно для впервые организованного в Хабаровске клуба, объединившего офицеров, обер-офицеров и чиновников военных ведомств местного гарнизона, офицеров артиллерийского склада и горного дивизиона. День его открытия, 14 ноября 1887 года, был ознаменован показом первого любительского спектакля – комедии Сухова-Кобылина «Свадьба Кречинского».

Местное общество очень любило посещать этот уютный особняк. Роскошные гостиные, мягкая мебель, камин и ковры сразу располагали гостей к отдыху и неформальному общению. На первом этаже размещались большая гостиная, зал со сценой, две малые гостиные, столовая с буфетом, передняя, комната для музыкантов и туалетная. На втором этаже в небольшом угловом помещении уст-

Сосуд в виде женской головы.
VI-V вв. до нашей эры.
Глина красная

Неизвестный французский скульптор VIII в.
Девочка под вуалью. Бисквит

Карл Гюбнер. Письмо.
1851. Германия. Х., м.

Тициан. Ревекка у колодца.
Италия. Х., м.

Дернер. Орлеанская дева.
1861. Германия. Х., м.

Гостиная в военном собрании

роили библиотеку, две комнаты отвели для карточных игр и одну под бильярдную. В полуподвале находились комнаты для прислуги, повара, кладовая и кухня.

Окна выходили в городской сад, и от Амуре веяло летней прохладой. Из зала можно было выйти на террасу, обращенную в парк. Неподалеку располагался музыкальный павильон, откуда доносилась духовая музыка.

Сюда приходили отдохнуть, обменяться новостями, поиграть в карты. Однако вход в офицерское собрание был строго ограничен. Офицеры клуба платили членские взносы, гостей же пропускали только по приглашениям. При этом всегда следили за формой одежды: военные должны быть в сюртуках с эполетами, штатские – во фраках.

Все мероприятия проводились собственными силами. Большую роль в их организации играли члены офицерских семей. Часто мероприятия носили благотворительный характер. «19 декабря 1899 года хабаровский кружок любителей драматического искусства в Гарнизонном собрании с разрешения Н.И. Гродекова поставил благотворительный спектакль в пользу прокаженных. Чистый доход получился «не очень» – 91 рубль 33 копейки, но и такие деньги оказались нелишними», – вспоминают в своих очерках о Хабаровске Л.А. Востриков и З.В. Востоков.

Большой восторг у зрителей на таких вечерах вызывала игра на скрипке В.А. Жоравовича и Н.Н. Серебренникова, пение романсов Н.И. Громовой. Долго помнили о концерте Д.М. Леоновой, покоровшей своим талантом Сибирь в 1875

Музыканты. Начало XX в.

году. Певица вспоминала: «Когда меня пригласили обедать, и я пришла к столу, щи уже были налиты, а моя тарелка обложена кругом соболями, для того, сказал мне хозяин (красноярский золотопромышленник П.И. Кузнецов), чтобы щи не простыли». После концерта Дарьи Михайловны в Хабаровске растроганный ее искусством купец А.Ф. Плюснин преподнес обладательнице изумительного голоса 40 шкур «чудных черных соболей».

В 1890 году, во время своего путешествия на остров Сахалин, в Хабаровске останавливался А.П. Чехов. Как пишут историки, он посетил военное собрание и читал там газеты. Об этом напоминает мемориальная доска с бюстом писателя работы известного хабаровского скульптора Юрия Кукуева, прикрепленная к главному фасаду Дальневосточного художественного музея.

Долгое время здание военного собрания являлось центром притяжения городской интеллигенции. Однако гостям не хватало художественных впечатлений. Для украшения его стен были приобретены три копии с картин И.К. Айвазовского и В.Д. Поленова и одно оригинальное произведение местного художника С.Г. Ращенко. Часто здесь проходили художественные выставки, в основном с благотворительной целью.

С инициативой создания публичного музея искусств в Хабаровске выступил генерал-губернатор Приамурского края Н.И. Гродеков. Однако лишь в 1920–1930-е годы на Дальний Восток из запасников Эрмитажа, Русского музея, Третьяковской галереи, Музея изящных искусств, Музея фарфора, Исторического музея поступили обширные коллекции русского и западноевропейского искусства. В дальнейшем они стали основой собрания Дальневосточного художественного музея.

Последующие реконструкции 1980-х и 1990-х годов вернули зданию его исторический облик, сделали более привлекательным. Многие годы в его левой части находился крайсовпроф, но уже в начале 1990-х годов наконец появилась возможность разместить здесь многочисленные произведения старинной европейской и русской живописи, античной керамики, скульптуру, искусство приамурских аборигенов и творчество современных дальневосточных художников.

Поражает удивительно гармоничное сочетание красоты окружающей природы, удачный фасад кирпичного здания ассиметричной композиции и великолепие хранящихся в нем художественных произведений. Когда Дальневосточный художественный музей называют «храмом искусства», в этом нет преувеличения.

ЛИТЕРАТУРА:

Крадин, Н. П. Памятники архитектуры Хабаровска / Н. П. Крадин. – Хабаровск : Этнос-ДВ, 1996. – 252 с. : ил.
Востриков, Л. А. Хабаровск и хабаровчане : очерки о прошлом / Л. А. Востриков, З. В. Востоков. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1991. – 256 с. : фот.
Вежновец, А. Ф. Записки краеведов / А. Ф. Вежновец, Н. П. Крадин. – Хабаровск : Магеллан, 2000. – 335 с. : фот.

Иван Репин.
Портрет А.Б. Нентцеля
1908. Х., м.

Ваза кобальтовая,
на розовой ножке.
Фарфор. Завод Попова

Кузьма Петров-Водкин.
Дочь рыбака.
1936. Х., м.

Михаил Шемякин.
Карнавалы Санкт-Петербурга.
1989. Литография

Вадим Сидур. Формула скорби.
1971. Алюминий, литье

Святые заступники Руси и ее дальневосточных рубежей

Наталья СТАРУН,
ИСКУССТВОВЕД

В освоении Дальнего Востока было немало трудностей, связанных с расширением и защитой российских рубежей. Но те, кто пришел сюда, искренне служили Отечеству, обладали сильным характером и хранили в душе глубокую веру. С молитвами они обращались к святым образам воинов-праведников, которые испокон века считались заступниками земли русской.

Александр Невский.
XIX в. Дерево, темпера. ДВХМ

«Верховным военачальником» – архистратигом в Православии считают архангела Михаила. Согласно Священному Писанию и Священному Преданию именно он возглавил небесное воинство, восставшее против сатанинских козней. Более тысячи лет, со дня основания стольного града Киева, архангел Михаил является покровителем русской земли. Благодарная Русь посвятила ему множество икон. На той, что представлена в зале русского искусства Дальневосточного художественного музея, святой архангел Михаил изображен в виде сидящего на коне воина. Его крылатая фигура как бы излучает горячий красный свет. На нем одежды византийского придворного. Пристальный взгляд непреклонен и суров. Вечный противник зла, он охраняет небо от происков сатаны. В руках его мерило, которым архистратиг измеряет отпущенное Богом время, и Евангелие как символ всеильной власти Всевышнего, о которой он громко возвещает в трубы.

В соборе воинства архангела Михаила много заступников, начиная с ангельских чинов и включая праведных воинов, защищавших родную землю и впоследствии канонизированных (от греч. глагола «узаконять»). «Все христианские церкви (кроме протестантов) учат, что христиане, совершеннейшие по жизни, по кончине своей, как особенно угодившие Богу, удостоиваются особенной Божьей благодати, и в сонме небожителей образуют особенный класс «святых людей», которые молятся пред Богом за живых братьев своих по вере...». Так толкуется Энциклопедическим словарем Брокгауза и Эфрона канонизация святых праведников.

Одним из праведных заступников русской земли был великий князь Владимир Святославович (980–1015). Во время его правления важнейшим событием для объединения русского государства стало крещение Руси. Судя по древним летописям, после принятия христианства самим князем изменился даже его характер. Он запретил смертные казни, раздавал деньги беднякам, распустил гарем и, несмотря на то, что очень любил пиры, стал устраивать их только в церковные праздники. Князь щедро угощал гостей, а для больных и слабых велел развозить еду и питье по домам. После всех его добрых дел другие страны уже не относились к Руси с прежним пренебрежением. К лику святых благоверный князь праведный воин Владимир причислен в XIII веке. Иконописцами Владимир изображался гораздо реже, чем другие праведные воины.

В зале русского искусства Дальневосточно-

Князь Владимир.
XIX в. Дерево, темпера. ДВХМ

го художественного музея представлена икона «Князь Владимир» с его образом. Она выполнена в традициях многих икон петровской эпохи с заметным делением на планы и жанры портрета и натюрморта, с передачей светотеневых моделировок. Икона богато украшена цветным орнаментом, творенным золотом. На переднем плане изображен Владимир в «историческом» типе – в княжеской одежде, а не в царском облачении. Он опирается рукой о крест со свит-

ком, на котором слова обращения к Всевышнему: «Боже, сотворивший небо и землю, призри на ново просвещенника».

О защите от нашествия иноплеменных, от насилия иноверных молились верующие и святому благоверному князю Александру Невскому (1220–1263). В сложившейся иконографии получили отражение три его ипостаси: князь, воин и монах. Все эти акценты его образа были связаны с историей развития русского государства. К

Святой архангел Михаил.
XIX в. Дерево, темпера. ДВХМ

примеру, во времена правления Ивана Грозного князя, призывавшего народ к кротости и послушанию, иконописцы представляли как схимника (высшая степень монашества) – с куколем на голове и в рясе. Позднее, во времена «смуты» и до XVIII века, доминировал «княжеский» вариант его изображения. А в период правления Петра I Святейший синод постановил писать образ князя преимущественно в воинских одеждах. Ико-

на «Александр Невский», представленная в постоянной экспозиции Дальневосточного художественного музея, выполнена в традициях XVIII века. На ней князь изображен во весь рост в военных доспехах, поверх которых накинута царская мантия. Портретные черты мало примечательны, что и было принято в написании икон. Автор «Жития Александра», его современник, повествует, что ростом князь был выше других,

ГЛАВНАЯ ТЕМА

голос его звучал как труба, лицо было прекрасно, а, побеждая, сам он оставался непобедим.

Из того же «Жития» мы узнаем, как родственник шведского короля Эрика отважный рыцарь Биргер, желая захватить русские земли, отправил Александру в Новгород послов со словами: «Если можешь, сопротивляйся мне, а то я пленяю твою землю». Приняв благословение на бой от архиепископа Спиридона, Александр воодушевил свою дружину словами: «Не в силе Бог, но в правде». В великой сече со шведами Александр оставил отметину на лице Биргера своим острым копьем. И, победив в этой битве, он получил прозвание Невский.

Канонизирован был князь в 1547 году после многих чудес, совершенных по его кончине. По церковным преданиям, когда во время похорон священник собирался разжать руку усопшему князю, чтобы вложить в нее духовную грамоту, тот протянул ее как живой и взял грамоту.

Не случайно почитание князя началось сразу после его смерти и продолжается по сей день. Образ великого князя Александра Ярославича, соединившего в себе качества мудрого политика, смелого воина, бесстрашного защитника православной веры и смиренного монаха, всегда был близок русскому человеку. У хабаровчан особое отношение к этому святому. Ведь Хабаровский край – территория пограничная. Не случайно в Хабаровске построен храм в честь святого благоверного князя Александра Невского.

Современные иконописцы тоже создают образы святых праведных воинов. Одна из современных икон посвящена выдающемуся русскому флотоводцу, адмиралу Федору Федоровичу Ушакову. Родился он в 1744 году в сельце Бурнакове Романского уезда Ярославской провинции в семье мелкопоместного дворянина. После окончания Морского шляхетского кадетского корпуса был назначен на флот. Во время Русско-турецкой войны Федор Федорович служил в Азовско-Донской флотилии и принимал активное участие в боевых действиях на Черном море.

Сторонник взглядов великого русского полководца Суворова, Ф.Ф. Ушаков обогатил военное искусство новыми формами и способами ведения боевых действий на море, что сыграло большую роль в достижении русским флотом крупных побед в сражениях на Черном и Средиземном морях – в Керченском, Тендровском, а также в сражении у Калиакрии. Ушаков всегда стремился завершать бой преследованием отступившего противника до полного его уничтожения.

Даже уйдя в отставку, Федор Ушаков продолжал служить Отечеству. В 1812 году его избрали начальником ополчения Тамбовской губернии. Осенью 1817 года он умер в своей усадьбе близ Тамбовской губернии.

В марте 1944 года советское правительство учредило орден и медаль имени адмирала Ушакова. К лику святых русский флотоводец Федор Ушаков был причислен в начале XXI века.

В Хабаровском крае его образ тоже наиболее почитаем. Архиепископ Хабаровский и Приамурский Марк обратился к наместнику Санаксарского монастыря, где был похоронен Ушаков, с просьбой написать икону святого праведного воина Федора Ушакова и передать частицу его святых мощей в собор Успения Божией Матери. Просьба была выполнена, и икона доставлена в Хабаровск. Вся она проникнута духом патриотизма. На ней поясное изображение святого праведного воина Федора Ушакова в адмиральской форме. В правой руке он держит свиток со словами: «Не отчаивайтесь! Сии грозные бури обратятся к славе России». В левой – шпага, знак дворянского сословия. Это символ воинской доблести. Память святого праведного воина Федора Ушакова празднуется в день его прославления 23 июня (5 августа) и в день его блаженной кончины 2(15) октября. Также по церковному календарю 26 апреля (9 мая) отмечается День всеобщего поминовения усопших воинов-защитников.

Образы праведных воинов, созданные русскими иконописцами, вызывают в нас любовь и гордость за эту землю, которую осваивали наши предки, берегли нерушимость ее границ, неприкосновенность российской территории.

Икона святого воина Федора Ушакова.

Градо-Хабаровский собор Успения Божией Матери

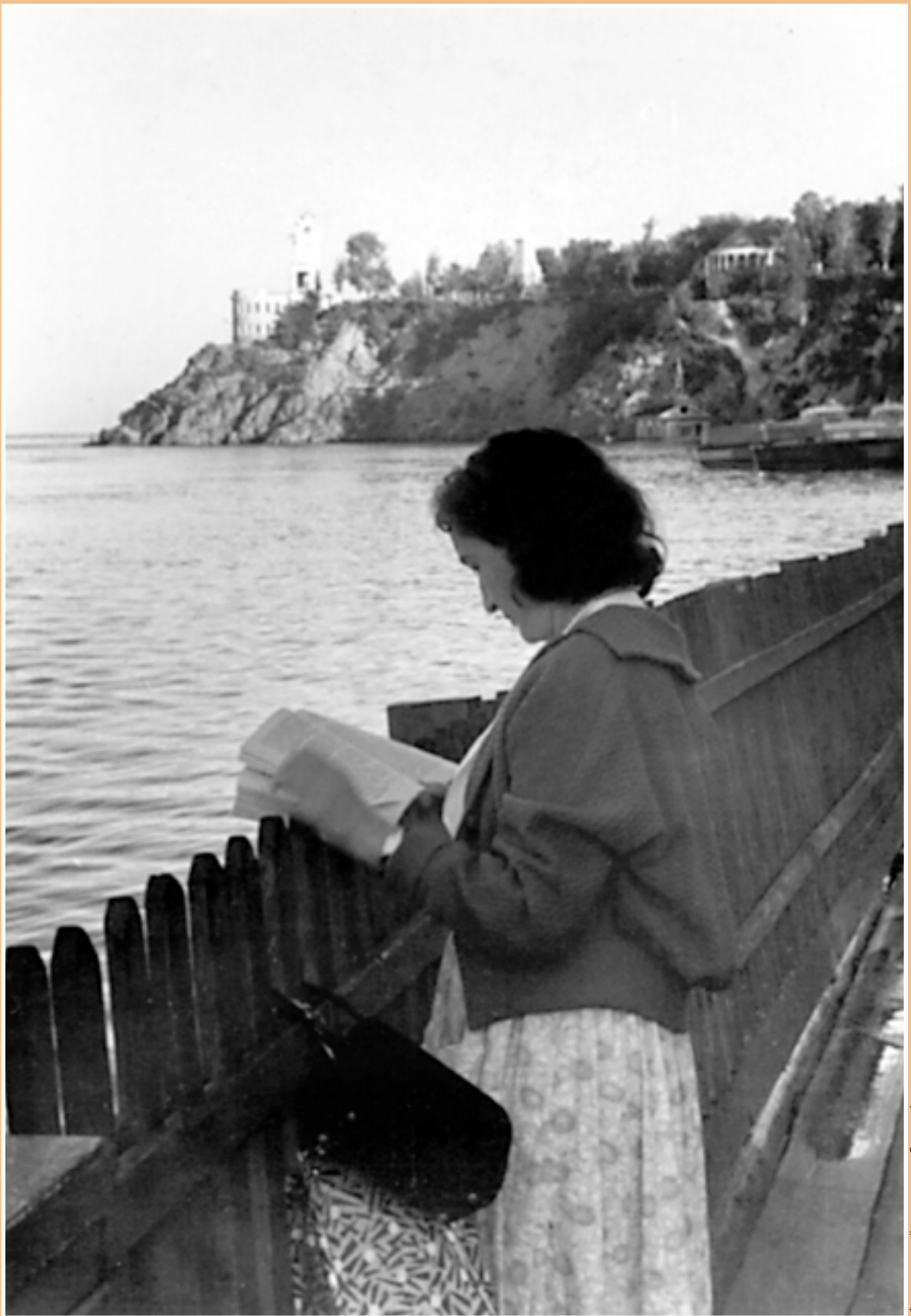

Фото из семейного архива Сергея Ащеулова

ЛИТЕРАТУРА

Любимый край, отцовский кров...

Николай Дмитриевич Наволочкин – известный дальневосточный писатель, автор ряда произведений, которые вошли в число лучших не только в дальневосточной литературе, но и российской. Среди них исторический роман «Амурские версты», посвященный русским переселенцам и истории освоения Приамурья в конце XIX века, повести о Великой Отечественной войне «Забытая история», «Шли радисты», историческое повествование «Главное дело капитана Дьяченко», сборники стихов. В военной прозе Наволочкина правда и только правда, потому что он прошел фронтовыми дорогами от Ельца до Польши, участвовал в битве на Курской дуге и за свой первый бой был награжден орденом Красной Звезды.

Николай Дмитриевич Наволочкин подарил дальневосточной литературе и замечательные произведения для детей: стихи «Как исправить единицу», повести, которыми зачитывалось не одно поколение и которые сегодня так же интересны современной детворе: «После дождичка в среду», «Бор-Бос поднимает паруса», «Знакомые коты Егора», «Полудница Акуля».

Вся жизнь Николая Дмитриевича связана с Дальним Востоком, с Хабаровском, где, к слову, в 1953 году вышла его первая книга стихов «Дорогие мои земляки». Впрочем, все, что создал писатель за свою долгую жизнь, все, над чем работает сегодня – это посвящение родной земле. Еще в 1944 году Наволочкин написал стихотворение «Мы с Амура». В нем есть строки:

*Любимый край, отцовский кров!
Я не забуду эти годы –
Веселый говор у костров,
Мальчишек дальние походы.*

В журнале «Дальний Восток» (№ 5, 2007) опубликован «Дневник памяти» писателя. Детство, юность, Великая Отечественная, послевоенный Хабаровск, встречи с самыми разными людьми, размышления о днях сегодняшних. В «Дневнике памяти» отразилась не только судьба нашего талантливого земляка, в нем запечатлена судьба Приамурья – противоречивая, но прекрасная. «За время своей редакторской работы, а это около сорока лет, – пишет Николай Дмитриевич, – я не раз убеждался, что многие, очень многие могут написать интересную книгу о своей жизни, а значит – о своем времени...»

– Трудно подобрать какой-либо один эпитет, характеризующий российский Дальний Восток. Скажешь «обширный» и не ошибешься: велика дальневосточная земля. Сто верст, говорят у нас, не расстояние. Не случайно один геолог как-то сказал: «Дальний Восток состоит из расстояний... – подумал и добавил: – расстояний, да еще каких!» Пять часовых поясов занимает Дальневосточный округ. На западе Амурской области еще полночь, а на мысе Дежнева уже пять часов утра.

Но если Хабаровский край уместается в одном часовом поясе, то расположен в различных климатических – от арктического с лесотундрой, до почти субтропиков с диким виноградом, женьшенем и буквально пришедшим к нам из сказки, из мелового периода, лотосом. Назовешь нашу землю богатой – и сразу вспомнишь обитателей и морей, и рек, и то, как по неприметной вроде бы речушке, где-нибудь в Нанайском районе идет на нерест, распугав другую рыбу, будто строем пехота на параде, кета. У нас золото, олово, каменный уголь. Совсем недавно в добавление к тому, что имеем, геологи наши открыли албазинское месторождение золота. А чего только нет в горах и тайге!

Существует такое выражение: «Край России, русский Дальний Восток». Да, русский! Открывали его русские землепроходцы, согревали своим теплом, обживали российские люди. Начнем с того, откуда мы, кто наши деды и пращурь. Начавшийся в середине XVII века процесс становления России как тихоокеанской державы завершился в 50-е годы XIX столетия. Великие русские географические открытия на крайнем востоке Азии вызвали стремительное освоение новых земель крестьянами, промышленниками и казаками. А начинали это землепроходцы Дежнев, Поярков, Хабаров, мореходы Витус Беринг, «Колумб российский» Шелехов – автор интереснейшей книги «Российского купца Григория Шелехова странствия с 1783 по 1787 год из Охотска по Восточному океану к Американским берегам». Неменьший интерес вызвали «Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах...», переведенные на многие языки. До этого же солдатский сын Степан Петрович Крашенинников еще в 1786 году издал «Описание земли Камчатки».

Я называю имена мореплавателей и ученых того далекого времени, чтобы показать, что они были и носителями культуры. Позже, в XIX веке, ими стали соратники Н.Н. Муравьева-Амурского, славные моряки Амурской экспедиции под начальством Геннадия Невельского. Сам он автор книги «Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. 1849–1855». Лейтенант Бошняк, тот самый, который открыл на Сахалине залежи каменного угля и Императорскую (ныне Советскую) Гавань, печатался в «Морском сборнике». Географ М.И. Венюков оставил нам несколько книг и ста-

ЛИТЕРАТУРА

тей, в том числе «Воспоминания о заселении Амура в 1857–1858 гг.», «Обозрение р. Усури и земель к востоку от нее до моря».

Печатался в «Морском сборнике» в 1858 году Воин Андреевич Римский-Корсаков. По его письмам родным уже в наше время была издана увлекательная книга «Балтика – Амур». Оставил книгу «Путешествие по долине реки Усури» натуралист Маак, впервые определивший многие амурские растения.

– Николай Дмитриевич, а если шагнуть дальше, в век двадцатый: дальневосточная литература открыла миру имена таких писателей, как Владимир Арсеньев, Джанси Кимонко, Андрей Пассар, Григорий Ходжер, Василий Ажаев... Но сегодня такое ощущение, что славное прошлое кануло в Лету, а настоящее и будущее неопределенны.

– Когда-то в популярности «дальнего пограничья», «близкого и дальнего Дальнего Востока» немалую роль сыграли такие песни, как «Катюша», «Три танкиста», «Песня хетагуровок», «Песня дальневосточных летчиков», «Шуми, Амур!». Даже песня про Сахалин, где всегда «нормальная погода». А кино?.. Вспомним 1930-е годы, когда люди, причастные к созданию художественных фильмов, были удивительно чуткими ко всему, что происходило в нашем регионе. Началось строительство в тайге города юности – появился фильм «Комсомольск». Всколыхнуло молодежь движение хетагуровок – на экраны вышел фильм «Девушка с характером». Непокорно стало на дальневосточных рубежах – создается фильм «На границе». Развернулось активное исследование природных богатств края, освоение тайги – выходит фильм «На Дальнем Востоке». Можно вспомнить и такие ленты, как «По ту сторону», «Искатели счастья», «Волочаевские дни»... Они были разные – и хорошие, и просто злободневные – потому и смотрелись с интересом. Но вот уже много лет кинематографисты словно забыли, что есть такой удивительный край нашей земли, как Дальний Восток.

Да разве одни кинематографисты... Взять «Литературную газету» или «Литературную Россию», которые совсем недавно следили за тем, как живут, что пишут, издают писатели Приамурья и Приморья. Теперь перелистаешь свежие номера этих изданий, считаешь, и хотя ты и дальневосточник, невольно решишь, что российская литература существует только до Урала, а Восточная Сибирь и Дальний Восток – terra incognita, неведомая зона.

Чтобы напомнить, что это не так, можно начать с Владимира Клавдиевича Арсеньева – следопыта, писателя, ученого. Но еще нагляднее, наверное, назвать тех, кто, написав и опубликовав свои лучшие книги в Хабаровске, Владивостоке или на далекой даже для нас Чукотке, уехали затем укреплять слабую столичную писательскую организацию. Вспомним, каким успехом пользовался роман Василия Ажаева «Далеко от Москвы». Не было в стране издательства, в котором не выходила бы эта книга. Ажаева нынче вспоминают редко. К счастью, не забыт Николай Павлович Задорнов. Все мы, кто писал повести и романы о прошлом нашей земли, начинали с дороги, проложенной этим писателем.

Вспоминается Дмитрий Нагишкин. Когда он читал на литературных встречах свои «Амурские сказки», мне казалось, что он относится к ним как к забаве, а главным своим произведением считает «Сердце Бонивура». Роман этот только на русском языке переиздавался около тридцати раз. И все-

таки настоящую славу Дмитрию Дмитриевичу принесли не «Сердце Бонивура», не написанный им уже в Москве роман о Хабаровске и его людях «Созвездие Стрельца», а именно «Амурские сказки», переизданные в оформлении народного художника России Геннадия Павлишина на многих языках мира.

Именно в Хабаровске первую книгу стихов выпустила Римма Казакова, а свой первый роман – Петр Проскурин. Уехали от нас Н. Шундик, А. Пришвин, сахалинский нивх В. Санги, чукча Ю. Рытхэу, поэт В. Туркин и многие, подчеркнут, многие другие. Так что же, может быть, с отъездом этих писателей кончилась литература на Дальнем Востоке? Безусловно, нет. Если представить, что наш регион, простершийся от заполярной тундры до уссурийской тайги, заселен только литературными героями, то и тогда он не окажется пустым. У него будет своя история и свое настоящее. В XIX веке там совершат свои открытия и начнут обживать «впусте лежавшие земли» герои исторических романов Н. Задорнова, романа А. Максимова «Русские тропы», солдаты-линейцы моего романа «Амурские версты» и, конечно, «Черные люди» Всеволода Иванова, и исконные жители приамурской тайги, пришедшие к читателю со страниц первого нанайского романа Григория Ходжера «Конец большого дома».

В Гражданскую войну будет сражаться отряд из «Разгрома» Александра Фадеева и герои «На восходе солнца» Николая Роголя и «Каленова Яра» Владимира Русскова. Позже молодые строители, описанные Александром Грачевым и Геннадием Хлебниковым, возведут Комсомольск-на-Амуре. Воины того же Грачева из повести «Падение Тисима-Ретто» будут освобождать Курилы. А на фронтах Великой Отечественной мы встретим солдат из книг Владимира Клипеля, стихов Петра Комарова и Сергея Тельканова.

И сейчас на приамурской земле и в Приморье работают талантливые прозаики и поэты. Достаточно вспомнить Владимира Клипеля, Вячеслава Сукачева, Анатолия Максимова, писателей-краеведов Всеволода Сысоева и Сергея Кучеренко. Талантливо и успешно работают поэты Людмила Миланич, Михаил Асламов, Андрей Пассар, Наталья Костюк, Валерий Тряпша, Виктор Суходольский, поэт и прозаик Кирилл Партыка. Не могу остановиться, потому что появилось несколько интересных прозаиков. Я всегда жду новых произведений Александры Николашиной и Валентина Никитина.

– Время – самый беспристрастный цензор. Из тысяч имен в литературе оно выбирает и доносит до будущих поколений лишь отдельных авторов.

– У меня дома на стеллаже пять полок в два ряда заполнены книгами только дальневосточных авторов – моих друзей и знакомых. Многих из них, к сожалению, уже нет. Поэтому и возникает иногда мысль, когда я стою у этих полок: какие из этих произведений будут переиздаваться через десять, двадцать лет? Или: какие из них будут востребованы читателями в середине XXI столетия? Если останется хотя бы половина, то это хорошо. Среди дальневосточных писателей есть имена, не вызывающие сомнения: Петр Комаров, Всеволод Иванов, Николай Задорнов.

Я думаю, из книг о прошлом читателям понадобятся те, в которых автор выступал и как историк-исследователь, и как прозаик. Что же касается произведений о Гражданской войне, когда погибло так много достойнейших людей и в красном, и в белом стане, хотелось бы, чтобы остались те книги,

создавая которые писатель помнил, что и у белых, и у красных была своя правда.

Есть книги, которые отжили свой век, как отжили проблемы и задачи, решавшиеся тогда страной. В свое время они сыграли определенную роль, но теперь устарели. А вообще-то в 90-е годы уже прошлого века, когда упала подписка на газеты и журналы, основные в то время издатели не сумели перестроиться, книжный рынок сначала опустел, а потом его заполнил поток детективов, дамских романов, а то и просто низкопробной писанины. Писатели растерялись. Кто-то замолчал, кто-то писал для себя, надеясь на будущее. Быстрее других ожили поэты, а теперь и прозаики. А главное, появились новые издатели.

– Не так давно переизданы ваш роман «Амурские версты» и замечательная детская повесть «Каникулы кота Егора», увидела свет «Полудница Акуля», и теперь готовится к печати ее продолжение.

– Да, издательский дом «Приамурские ведомости» готовит мою повесть-сказку «Полудница Акуля», вторую часть которой я написал, а художник Виктор Антонов сделал к ней оформление. И признаюсь, очень хочется, чтобы она поскорее вышла.

Я регулярно получаю письма от Саши Анкутдинова. Первое письмо от своего юного читателя я получил, когда ему было всего семь лет. Он писал: «Дорогой Николай Наволочкин! Мне нравятся ваши сказки, и я думаю, что у меня на даче есть такие же герои...» Сейчас Саше уже одиннадцать лет. Он прислал мне свою фотографию, а также портреты кота Егора и своей кошки Мурки. И кота, и Мурку Саша нарисовал с букетами цветов в лапах.

Много лет у меня хранится большая фотография, а на ней ровно двадцать шесть ребят, живущих в поселке Ванино. Вместе с фотографией дети прислали письмо. В нем они сообщают, что закончили третий класс и перешли в другую школу. У любимой их учительницы Эльзы Захаровны теперь новый класс, но она говорит, что лучше их у нее не было учеников. С ребятами бывшего 3 «А» класса ванинской школы я до этого долго переписывался, вот они и прислали мне фотографию, а письмо закончили словами: «С нетерпением ждем вашу новую повесть про полудницу Акулю».

Годы идут. Вот бы узнать, как поживают, кем стали ребята из поселка Ванино?

Безусловно, для всех, кто пишет для детей, очень нужны их письма, пусть короткие, но всегда искренние, иначе бы ребята не стали писать. Сейчас, именно сейчас, главная задача детской литературы, как я считаю, вернуть доброту. Она, к сожалению, сегодня уходит. Очень уж много у нас фильмов и телевизионных передач, в которых герои то размахивают ножами, то стреляют друг в друга. И радостно, что среди хабаровских писателей было много таких, кто создавал талантливые добрые книги для детей. Это, конечно, Петр Комаров, у которого есть детские стихи и проза, Дмитрий Нагишкин, Борис Копалыгин. А сегодня – прозаик Анатолий Максимов, Елена Добровенская, Василий Ушаков, Евгений Кохан, переживший годы войны, тяжелейшее военное детство.

Мне очень жаль, что сегодня не увидишь на улицах ребят в красных галстуках, ведь слово «пионер» подразумевает человека, который первым что-то открыл, положил чему-то начало. И пусть пионеры ходят в галстуках хотя бы в школу и домой с занятий. А мы – взрослые, давным-давно бывшие не бойскаутами, а пионерами, вспомним, как помогали когда-то старикам перейти улицу или донести сумку до подъезда.

Но и наша детская литература – это особая территория, и, путешествуя по ней, писатели должны помнить о порядочности и доброте даже тогда, когда они пишут о братьях наших меньших, помнить, что пишем мы для детей – для будущего России.

– В 2008 году мы отмечаем две даты: 150-летие Хабаровска и 70-летие Хабаровского края. И хотя цифры эти не столь значительны на фоне других российский городов и регионов с их многовековой летописью, мы понимаем, что история Приамурья развивалась стремительно, за короткий срок на нашей земле произошло столько событий, что хватило бы на несколько столетий.

– Хабаровский поэт Степан Смоляков назвал в одном из своих стихотворений город Комсомольск-на-Амуре «рабочей окраиной Москвы». Что ж, и про Хабаровский край можно сказать – рабочая окраина страны, и слово «окраина» пусть будет употреблено не в территориальном, не в географическом плане, а в том смысле, что на окраинах городов обычно возводят самые значительные предприятия.

Называя сейчас тот же Комсомольска-на-Амуре, мысленно вижу большой современный город, а в тот год, когда из Дальневосточного края был выделен Хабаровский – Комсомольску было всего несколько лет. Но там, на окраине села Пермского, уже заработали лесопильный завод, механические и столярные мастерские, из палаток и землянок первостроители перебрались в первые дома. По изрытым котлованам будущей улицы ходил, все запоминая, восхищаясь и мечтая, учитель школы первой ступени Александр Грачев. Позже он напишет роман «Первая просека».

Вспоминая то время, слова «первые», «впервые» придется произносить много раз. Первые годы в летописи нашего Хабаровского края. А образован он 20 октября 1938 года. Угольные шахты на Ургале. Строительство второго моста через Амур у Комсомольска. Амурск, Солнечный, Тында, БАМ.

Край отмечает свой большой юбилей. Хабаровску – столице края – есть чем гордиться. У нас прекрасный симфонический оркестр, музыкальный театр, драматический, ТЮЗ. Вспомним журнал «Дальний Восток». Словно за руки детей он ведет «Родное Приамурье» и «Наш семейный очаг». В городе несколько музеев. Но, с другой стороны, хабаровские зрители тепло встречают артистов Амурского театра драмы из Благовещенска, а полиграфисты Приморья на ступеньку выше наших, хабаровских.

Но не будем забывать, что отличные краеведческие музеи есть в Николаевске-на-Амуре, в городе – колыбели русского Тихоокеанского флота Охотске, Комсомольске-на-Амуре, да и в Вяземском, Бикине и центре Нанайского районе селе Троицком. А поговорите о культуре с жителями Чегдомына, они воскликнут: «А у нас!..» – и начнут перечислять все, чем гордятся наши шахтеры. Конечно же, совсем неплохо, когда и в крае, и в Дальневосточном округе есть несколько культурных центров, и у каждого из них свое наполнение. Это значит, что культура, духовность развиваются. И сам регион развивается. Особенно приятно, когда слышишь добрые новости из цехов «Амуркабеля», с площадок, где строятся дома для молодых семей, с просек, бегущих через тайгу, сопки и мари. Одни из них готовятся под будущие дороги, другие под траншеи для газопроводов.

С юбилеем тебя, наш Край!

Беседовала Елена ГЛЕБОВА

«Поэты, смерти мы не служим...»

Наталья ГРЕБЕНЮКОВА,

Хабаровский краевой краеведческий музей
им. Н.И. Гродекова

В 2008 году исполнилось 115 лет со дня рождения Арсения Ивановича Несмелова (Митропольского), ярчайшего поэта восточной ветви зарубежья. «Среди русских писателей на Дальнем Востоке, – писал о нем в парижском «Возрождении» Илья Голенищев-Кутузов, – Арсений Несмелов кажется самым одаренным... Несмелов-поэт остро чувствует смену лет и поколений, он чувствует все излучины и дороги «реки времен», влекущей людей к адской расщелине, где все исчезает».

А.И. Несмелов (Митропольский) родился в Москве в 1892 году, окончил кадетский корпус, учился в Психоневрологическом институте, но не закончил его и был призван в армию вольноопределяющимся. В годы Первой мировой войны служил поручиком Второго гренадерского Фанагорийского полка, награжден четырьмя орденами. После Октябрьской революции связал свою судьбу с Белым движением; был командиром комендантской роты, адъютантом коменданта Омска, поручиком в штабе адмирала А.В. Колчака. А.И. Несмелов стал участником известного сибирского Ледяного похода 1920 года, труднейшего из истории войн, когда Белая армия была гонима «сумасшедшим по смелости и блестящим по талантливости красным маршалом» М.Н. Тухачевским. Некоторое время, как и многие поэты – участники Великого Исхода (в том числе В.Н. Иванов, Л.Е. Ещин, М.Ц. Спургот), он жил и работал во Владивостоке. Здесь он сотрудничал с газетами «Голос Родины», «Далекая окраина», «Владиво – Ниппо», «Руль». Когда закрылась последняя некоммунистическая газета и начались аресты, А.И. Несмелов вынужден был эмигрировать в Китай, и помог в этом В.К. Арсеньев. Владимир Клавдиевич предоставил ему карты Приморья, в которых были обозначены лагеря белых, японцев и партизан, и Несмелов ушел через тайгу.

В Харбине поэт редактировал газету «Дальневосточная трибуна», работал в газетах и журналах «Эхо», «Рупор», «Русский голос», «Окно», «Рубеж» и, называя поэзию ремеслом, брал заказы на стихи, «не брезгуя эпитафиями, рекламами для водочных заводов и гастрономических магазинов». В Харбине он вступил в партию К.В. Родзаевского, которая провозглашала: «Мы не правые, мы не левые – сыны своего Отечества...». Поэт много думал о Боге, читал Ф.М. Достоевского и в одном из интервью говорил, что не предполагает долго жить.

Харбинские писатели (слева направо): Василий Обухов, Арсений Несмелов, Лев Гроссе

Харбинский поэт Михаил Волин, отдавая дань уму, таланту, горячему сердцу Арсения Несмелова, отмечал, что в его стихах никогда не было «неопределенной расплывчатости». Он приводил в пример стихотворение А. Несмелова, в котором были такие строки:

Когда придет пора сразиться
И ждут сигнального платка,
Ты, фехтовальщик, встав в позицию,
Клинком касаешься клинка.

За этим первым ощущением
Прикосновения к врагу,
Ты шпагу сладостного мщенья
О грудь его согни в дугу!

Но нет. Но нет, не то, пожалуй, –
Клинок отбросив на лету,
Я столько слез и столько жалоб
В глазах противника прочту.

И, салютующий оружием,
Скажу, швырнув в ножны клинок, –
«Поэты, смерти мы не служим,
Дарю жизнь тебе, щенок!»

При жизни А.И. Несмелов выпустил девять сборников поэзии и два сборника рассказов: «Военные странички» (Москва, 1916), «Стихи» (Владивосток, 1921), «Тихвин» (Владивосток, 1922), «Уступы» (Владивосток, 1924), «Кровавый отблеск» (Харбин, Шанхай, 1928), «Без России» (Харбин, 1931), «Через океан» (Шанхай, 1934), «Рассказы о войне» (Шанхай, 1934), «Полустанок» (Харбин, 1938), «Протопопица» (Харбин,

Группа харбинских поэтов, в центре (четвертый слева) А.И. Несмелов

1942), «Белая флотилия» (Харбин, 1942). Под псевдонимом Н. Дозоров он издал профашистские сборники – поэму «Георгий Семена» (Харбин, 1936) и «Только такие» (Шанхай, 1936). В августе 1945 года А.И. Несмелов был арестован и вывезен в СССР. Поэт находился в пересыльной тюрьме на станции Гродеково. Его сокамерник Иннокентий Пасынков рассказывал о последних днях и кончине А.И. Несмелова, который не терял присутствия духа (воспоминания приводятся в предисловии к собранию сочинений поэта, изданного во Владивостоке в 2006 году): «Внешний вид у всех нас был трагикомический... моральное состояние Вам нечего описывать. Помню, как А.И. нас всех развлекал, особенно перед сном, своими богатыми воспоминаниями, юмором, анекдотами, и иногда приходилось слышать смех и оживление, хотя в некотором роде это походило на пир во время чумы...». Умер поэт от инсульта прямо в камере, и никто из охранников не вызвал врача. За пять лет до этого в стихотворении А. Несмелова «Моим судьям» было предчувствие смерти, смешанное с горечью и гордостью:

Заторопит конвоир: «Не мешкай!»
Кто-нибудь вдогонку крикнет: «Гад!»
С никому не нужною усмешкой
Подниму свой непокорный взгляд...

И без жалоб, судорог, молений,
Не взглянув на злые ваши лбы,

Я умру, прошедший все ступени,
Все обвалы наших поражений,
Но не убежавший от борьбы!

А.И. Несмелов любил Россию, был верен военной присяге и не изменил ей до конца. Он был совестлив и милосерден ко всему живому, даже к растениям:

...И горжусь я, что зимою черствой,
Оставляя книгу и тетрадь,
Не щадил ни лени, ни упорства,
Чтобы жизнь растенью отстоять.

Послужил и делом я, и словом,
Милой жизни отдавая дань,
И, быть может, на суде Христовом
Мне зачтется эта вот герань...
(Харбин, 1945)

Поэт был человеком жестокого времени, но оставался православным. К слову сказать, его замечательный современник В.Н. Иванов связывал «основной тон голоса Родины» «с верой нашей православной». Трагическое восприятие эпохи странным образом сочеталось в Несмелове с жизнелюбием, бьющим через край, и оно благотворно влияло на всех, кто пал духом, находился в глухом тупике и не различал дороги вперед.

Арсений НЕСМЕЛОВ

Волхвы Вифлеема

Шел караван верблюдов по пустыне,
Их бубенцы звенели, как всегда.
Закат угас. На тверди темно-синей
Всходила небывалая звезда

И было все таинственно и дивно, –
Особая спускалась тишина...
И в этот миг, как некий звук призывный,
Вдруг где-то арфы дрогнула струна.

Как будто дождь серебряной капли
Стал ниспадать на стынувший песок:
То, пролетая, ангелы запели,
Переступив высокий свой порог!

И был прекрасен хор сереброкрылый,
Он облаком пронесся и исчез.
И, разгораясь, светочем всходила
Звезда на синем бархате небес.

И было все настороженно-немо,
Погас вдали последний отблеск крыл,
И на огни, на кедры Вифлеема
Вожатый караван поворотил.

Из мглы горы сиял пещеры вырез,
Чуть слышалось мычание волов,
И в звездном свете сказочно струились
Серебряные бороды волхвов.

Москва пасхальная

В тихих звонах отошла Страстная,
Истекает и субботный день.
На Москву нисходит голубая,
Как бы ускользающая тень.

Но алеет и темнеет запад,
Реют, рдеют вечера цвета,
И уже медвежьей теплой лапой
Заползает в город темнота.

Взмахи ветра влажны и упруги,
Так весеннее-ласковы, легки.
Гаснет вечер, и трамваев дуги
Быстрые роняют огоньки.

Суeta повсюду. В магазинах
Говорливый, светливый люд.
Важные посылные в корзинах
Туберозы нежные несут.

Что оне под белоснежной пасхой
И над коренастым куличом
Засияли бы весенней лаской,
Засветились розовым огнем.

Все готово, чтобы встретить праздник,
Ухитрились всюду мы поспеть, –
В каждом доме обонянье дразнит
Вкусная, кокетливая снедь.

Яйца блещут яркими цветами,
Золотится всюду «Х» и «В», –
Хорошо предпраздничными днями
Было в белокаменной Москве!

Ночь нисходит, но Москва не дремлет,
Лишь больные в эту ночь уснут.
И не ухо, даже сердце внемлет
Трепету мелькающих минут!

Чуть, чуть, чуть – и канет день вчерашний,
Как секунды трепетно бегут!...
И уже в Кремле, с Тайницкой башни
Рявкает в честь Праздника салют.

И взлетят ракеты. И все сорок
Сороков ответно загудят.
И становится похожим город
На какой-то дедовский посад!

На осколок Руси стародавней,
Вновь воскресшей через триста лет...
Этот домик, хлопающий ставней, –
Ведь таких давно нигде уж нет!

Тишина арбатских переулков,
Сивцев Вражек, Балчуг, – и опять
Перед прошлым, воскрешенным гулко, –
Век покорно должен отступать.

Две эпохи ночь бесстрастно весит,
Ясен ток двух неслиянных струй.
И повсюду, под «Христос Воскресе»,
Слышен троекратный поцелуй.

Ночь спешит в сияющем потоке,
Величайшей радостью горя,
И уже сияет на востоке
Кроткая Воскресная заря.

Стихотворения были опубликованы в газете «Луч Азии» (Харбин, 1940)

Лепестки памяти в колодезной воде

Портрет Виктора Еращенко работы художника Николая Холодка из книги «Виктор Еращенко. Избранное» (Хабаровск, 1996)

В 1980-х, когда нашим партийным губернатором был человек с поэтической фамилией и тезка нашего поэта Виктор Степанович Пастернак, Хабаровск посетил знаменитый Роберт Рождественский.

Была зима, лютвала метель. Московский поэт предстал перед аудиторией элегантный, в лакированных туфлях, ведь его возили на машине. «Эх, мог бы и я так разъезжать, если бы согласился тогда на Ярославль», – заметил по этому поводу Виктор Еращенко, имея в виду свою учебу в Литературном институте имени Горького в Москве и, наверное, варианты устройства поближе к столице. Не то чтобы он считал за доблесть верность Дальнему Востоку, это было для него естественным состоянием. Москва помогла ему понять самого себя (об этом его стихотворение «Прощальное»).

Валентина КАТЕРИНИЧ,

кандидат филологических наук

В творческом наследии Виктора Еращенко (1947–1989) есть и малая Родина, и большая Россия, и Вселенная. «Общечеловеческие ценности», о которых сейчас говорят, являются на Землю не с иных планет, а вырастают на конкретной почве. Свои почву и судьбу Еращенко отчетливо осознавал.

Из стихотворения «Провинциальные поэты»:

...Работа их частенько не видна,
Но и для них бывают времена,
И скромный труд становится вдруг явным.
Для всех и вся. По именам заглавным,
Известным, ты безвестных не суди.
Гордиться им пропискою районной –
Смешно, конечно, было б. Но сведи
Концы с концами: истинной судьбы
Здесь более – и менее шаблонной.

В разговорах о «региональности» (тогда мне часто доводилось обсуждать с ним литературные темы) он как-то смягчил драматизм «Прощального» и почему-то вспомнил про Эдмона Ростана, который со своими гасконскими гвардейцами прорвался на парижскую сцену. Может быть, он думал о своих первопроходцах и их потомках, про которых писал:

Еращенко и Арсений Москаленко
на Лито (1970-е)

Это те же древние ватаги,
Техникой подправлены слегка.
Это те, которых выносила
Грусть-тоска на самый океан –
Буйная избыточная сила
С волей породнившихся славян.
«Праздник в Талакане»

Музыкальный спектакль «Встречь солнца» (Виктор даже называл его рок-оперой) дальневосточный ансамбль возил в Москву, и он прозвучал на столичной сцене. Как сказано в «Легенде о земле Даурской»:

...А где-то на восходе есть мужицкая страна,
тамошняя музыка за сто верст слышна!

Но, увы, такого оглушительного резонанса, как у «Сирано де Бержерака», не получилось.

Часто по инерции повторяют, что Виктор Еращенко не успел осуществиться в полной мере, что написанное им лишь талантливая заявка. Непоправимо жаль, что поэт ушел из жизни так рано, в 42 года. Но в русской литературе есть поэты, чья жизнь прервалась в 27, 37 лет, а написанного ими нам хватает до сегодняшних дней. Так и с Виктором Еращенко: чем больше его читаешь, тем он необходимее. Восхищают его мужественный лиризм, интеллектуальная отвага, его внутренняя свобода при добровольном самоограничении (ему была близка мысль Л. Толстого о «целомудрии формы», свойственном русской литературе). В его стихах, при огромном богатстве метрики и ритма, можно найти весь диапазон чувств – от нежности до сарказма. В них география и история, земная жизнь и прорывы в космос. Действительно, прав был Александр Блок: никакая цензура в мире не может помешать основному делу поэта. И все-таки как хорошо, что теперь мы можем прочесть Виктора Еращенко в более полном объеме...

Внешность его была типично славянская: рыжеваторусый, стройный, с летящей походкой; лицо, обрамленное мягкими, слегка волнистыми волосами и почему-то бачки. Хорошо смотрелся в джинсовом. Но высокие скулы и узковатые светлые глаза рысего разреза, с припухшими подглазьями от общения с «чертовым зельем» придавали его наружности нечто неуволимо монголоидное. Что и говорить, знаковая наружность, евразийская, как будто соответствующая его признанию: «Своей окраинной России скупые, жесткие черты я понял...»

Он родился на Нижнем Амуре в порту Маго. Начинать учиться в Хабаровском пединституте, работал, заочно закончил Литературный институт в Москве. Первый его сборник «Стихи» вышел в издательстве «Молодая гвардия» в 1975 году. Затем в Хабаровске изданы сборники «Лепестки в колодезной воде» и «Отраженья».

В 1985 в Москве появляется «Мир просторен», а в Хабаровске год спустя – «Купель».

Виктор Еращенко активно печатался как публицист как в центральных, так и в местных изданиях, особенно много в «Молодом дальневосточнике» и «Дальнем Востоке». Увлекался театром, написал три пьесы. Одна из них, «Ватага», (легенда о землепроходцах в шести картинах) опубликована в «Избранном», еще две, «Время сновидений» и инсценировка «Робинзон Крузо», остаются за кадром.

Любовь и верность поэта своей дальневосточной земле не была декларативной или, хуже того, официально-идеологической, но подлинной и действенной, уходящей корнями в историю. Это то сокровенное чувство, о котором он ска-

зал: «А родина – внутри и не наглядна». Писательский, поэтический труд, работа по окультуриванию пространства превращают территорию в одухотворенную страну. Сколько труда вложил Виктор Еращенко в жизненное и поэтическое освоение Хабаровского, Приморского краев, Сахалина! Наверное, в основных точках всего региона есть люди, которые его помнят и ему благодарны. Перескажу несколько географических сюжетов из творчества Виктора Еращенко, перемежая стихи и прозу.

В юности он написал стихи о Николаевске («Николай, давай закурим» впервые опубликовано в сборнике «Приамурье поэтическое», 1970). Они полны радости и веселья, как и его стихотворение «Порт Маго» (1980), в котором поэт радуется не только ожидаемым неоткупоренных рек, но и своему уверенному мастерству.

«Речка, Пальвинка, купель...» Как тягостно и грустно слышать по радио сообщение о том, что недавно сдохла рыба в реке Пальвинке, потому что ее отравили химикалиями.

В конце жизни поэт успел публицистически высказаться по экологическим вопросам. В газете «Молодой дальневосточник» (6.06.1987) под рубрикой «Не могу молчать!» появилась статья Еращенко «Здесь не жил Лев Толстой», где автор высказывался о целесообразности строительства завода по производству минеральных удобрений в районе села Нижнетамбовского, и шире – о судьбе дальневосточных рек. «...Помню из детства: по зимней дороге порта Маго мимо нашего дома идет обоз саней пятнадцать – двадцать. Колхозники везут рыбу с Амура на рыбзавод Орель-Чля. На санях по одной-две рыбине. В сани они не вмещаются, хвосты волочатся по ледяной дороге... Вспоминаю эту картину, думаю, отчего орудели рыбные запасы Амура?»

Еще один прозаический фрагмент из письма, отправленного корреспонденту из Амурска в начале 1980-х: «Пишу тебе на подоконнике гостиницы «Амурск» города Амурска, и весь он передо мной – новый пяти-девятиэтажный, недурно спланированный. Город – приложение к комбинату, я еще помню, как его строили, он лет на 15 моложе меня. И таких у нас много, но, собственно, они-то и дают жизнь, то есть сырье для жизни – всей стране. Люди здесь умирают в касках, нечаянно и незаметно, знаменитых могил нет вовсе, и памятников скульптурных почти нет – молодая, неуютная, не тонкая (брутальная?) жизнь, и ведь она – моя!»

В те дни они с писателем Михаилом Беловым выступали перед пожарниками и учащимися ГПТУ и техникума. Иногда бывало до пяти выступлений в день. «Это только со стороны может показаться: треп. А нагрузка немалая, будь то ГПТУ или книголюбы, – продолжает Виктор в письме. – Естественно, наговорил лишнего, думаю, что донесут...»

К писательскому званию он относился всерьез, любил повторять: «Работа писателя – понимать других людей».

Преображенные поэтическим словом, географические понятия в поэзии Виктора Еращенко превращаются в художественные образы – топонимика звучит, как музыка:

Солнце и звезды, дожди и туманы,
Катер идет от верховий к лиману,
Волны спросонья бурлят на бегу:
«Зея... Буря... Шилка... Амгунь...»

В стихах дальневосточного поэта описаны и порт Маго, и Николаевск, и Магадан, и Владивосток, и старинный город Благовещенск, и, конечно, холмы Хабаровска. В них поэтически звучат и Талакан, и Экимчан, и мыс Лазарева, и многое другое. Одно из поздних стихотворений посвящено тихоо-

кеанскому побережью Владивостока, в нем использованы мифологические образы:

Волны и камня альфа и омега,
Дым от костров поднимется вьясь, –
Ты здесь найдешь черновики Гомера,
В скалистой бухте с именем Аякс.
«В бухте Аякс»

После того как в русской поэзии появилось стихотворение Петра Комарова «Мой город» («Хабар – по-старому удача, / А я в Хабаровске живу...»), написанное в 1945 году, изменилось, наверное, и восприятие нашего города. Это относится к стихам Михаила Асламова, Павла Халова, Людмилы Миланич. Виктор Еращенко в их ряду. Не случайно в последние годы он работал над составлением «Антологии дальневосточной поэзии». Об этом стихи:

Моим трудом сойдутся земляки
И заживут в едином переплете.
Товарищи. Приятели. Враги.
Ушедшие. Живущие. В отлете.

Мне хочется напомнить и то, как относились к поэту Виктору Еращенко его земляки-ученики и друзья. Арсений Москаленко, ныне врач-психиатр, забросивший поэзию, написал так: «Виктор Еращенко жил среди нас и вместе с нами, не избегая зла и не стремясь к превосходству. Он разговаривал с вечностью посредством полноты и своего творчества, и своей жизни. Умел бросать вызов, умел широко – философски – мыслить, чего не смели и не умели другие. Не раз я слышал от него абсолютно точные прогнозы насчет будущего. Его способность предчувствовать скрытую динамику событий была почти невероятной. Невидимый порядок жизни вел самого Виктора по тропе лидера среди дальневосточных поэтов потому, видимо, что был он из тех, кто не любил «сворачивать в обыкновенность» и не боялся судьбы... Мне повезло узнать его в качестве друга, который изучал свою мудрость, а после смерти унес с собой – как и полагается лидеру – и ответственность за всех, и знание о том, что должен уметь каждый. Настоящий же урок его жизни в том, чтобы сделать нас свободными от ограниченности, познать незавершенность жизни и помогать ей осуществляться во имя той самой вечности» (1997).

Писатель Анатолий Полищук, друг и коллега Виктора Еращенко по журналу «Дальний Восток», вспоминал о нем так: «Он был таким: жестким, жестоким, железным, безжалостным... Он никогда не был бунтовщиком или диссидентом, не держал фигу в кармане, не рвался в ниспровергатели; его неприятие и отторжение низкого выражалось одной его спокойной усмешкой, но сколько крови попортила эта усмешка лакеям от литературы!

Любимое слово: «Достойно»... Абсолютный слух в поэзии, абсолютный слух на фальшь. То, что было хорошо, подлежало немедленной похвале, даже если строка принадлежала врагу. Фальшь подлежала немедленному уничтожению, даже если автор – многозвездный литературный генерал, сидит визави, угощает коньяком... Мы сыграли с ним за последние двенадцать лет несколько тысяч партий в шахматы, Виктор во всем был самим собой, с блеском и энергией, очень азартно атаковал, терпеть не мог защищаться, молниеносно ориентировался в самых головоломных осложнениях, и из любого положения мог «достать»... Если выбирать ему девиз из его же стихов, уместным был бы этот: «Презреть стеченье обстоятельств и выбить триста из трехсот!».

А вот фрагмент из воспоминаний художника Александра Лепетухина, который, как и Виктор Еращенко, родом с Нижнего Амура: «Когда я прочитал:

Николай, давай закурим,
Не могу не закурить,
Николаевск-на-Амуре
Впереди уже пестрит, –

то я не просто вспомнил, а опять оказался на той палубе и ощутил всеми чувствами цвет, запах, вибрацию и гул. Это было ключом к возвращению в детство...» Далее Александр Лепетухин вспоминает, как он впервые читал «Избранное» Виктора Еращенко (издано в Хабаровске в 1996-м), ощущая нечто мистическое: «После этого нечто изменилось вокруг. Возник какой-то перекокс пространства... Вдруг я почувствовал, что Виктор здесь, в моей мастерской. И это ощущение все усиливалось, достигая болезненной остроты. Был солнечный день, все предметы находились на своем месте. Но ощущение, напоминавшее действие магнита (как если бы я был железкой), продолжало нарастать. Любопытство побуждало читать дальше и в то же время оглядываться по сторонам, ища глазами – что же происходит? Но происходило-то внутри меня. Неожиданно возник сильный импульс, направленный к Виктору, напоминающий чувство сверхлюбви...»

И, наконец, из статьи журналиста Игоря Литвиненко: «Сколько бы жизней ни прожил Еращенко за свою единственную и короткую, куда бы в задумчивости ни забредал, на какие бы зовы ни откликался, он всегда выходил – с очередным трофеем – из ближайшей или дальней чащи на просвет своей дальней тропы, где с каждым шагом чувствовал себя все уверенней и уместней. Еще тогда, с высоты возвращения, «окраинная Россия» увиделась ему не только лежащей в пространстве, но и живущей во времени. Триста лет русского духа, занесенного на Амур землепроходцами, «плюс тридцать собственных моих», – не пустая сентенция, а судьбоносное озарение, в свете которого запечатлелась целая программа поисков и трудов, надежно обеспеченная тем качеством, которое по-научному сухо зовется чувством историзма».

... Прошло около двадцати лет со дня гибели Виктора Еращенко. В январе 2007 года ему бы исполнилось 60 лет. Эту дату отметили друзья и почитатели таланта дальневосточного поэта, собравшись в литературном отделе гроднековского музея.

Стихи и прозу его не только помнят, но и по мере сил издают. В 1996-м вышло «Избранное», куда вошли стихи, поэмы, пьеса, а также воспоминания о поэте и материалы Еращенковских чтений (издательство Приамурского географического общества). Затем в 2002 году издательский дом «Приамурские ведомости» напечатал «Малую поэзию» Виктора Еращенко – небольшой сборник миниатюр, эпиграмм, дружеских посвящений. И наконец в 2007-м появился «самиздатовский» сборник пьес нашего автора «Взыскую града». В него вошли ироническое представление «Робинзон» (по Даниэлю Дефо), сказка-феерия «Время сновидений» и легенда о землепроходцах «Ватага».

Первые две пьесы опубликованы впервые. Можно надеяться, что театры проявят интерес к драматургическим опытам Виктора Еращенко.

В подготовке пьес к печати деятельное участие принимал Арсений Москаленко, а проиллюстрировал все вышеупомянутые издания дальневосточный художник-график Николай Холодок.

В японском плену. 1905

Морской старик

Клара ЗИЛОВА,

старший научный сотрудник
Хабаровского краеведческого музея
им. Н.И. Гродекова

Трофим Михайлович Борисов (1882–1941) – один из старейших дальневосточных писателей, ученый-рыбовод, много сделавший для развития рыбного дела на Дальнем Востоке. В 2007 году исполнилось 125 лет со дня его рождения. Сейчас, наверное, мало кто знает о нем, а вот старшее поколение в детстве зачитывалось его книгами «Тайна маленькой речки», «Морской старик», «По широким плесам Амура», «Камчатские сказки», «Сын орла».

В.К. Арсеньев, С.И.Яковлев – художник-иллюстратор книг Арсеньева, Т.М. Борисов. Владивосток. 1928

Вся жизнь Т. М. Борисова связана с реками и морем. Отец его был рыбаком, и Трофим с детства (родился он в городе Гурьеве) работал с отцом на рыбных промыслах. В 1903 году его призвали в армию, и он оказался на Дальнем Востоке. Когда началась Русско-японская война, Борисов принимал участие в обороне Порт-Артура, попал в плен, а после освобождения работал на мысе Пронге икрянщиком. Много сплелось в его судьбе: он принимал участие в становлении советской власти на Нижнем Амуре, пережил Гражданскую войну, с женой и тремя дочерьми бежал из горящего Николаевска-на-Амуре. В дороге умерла его четырехлетняя дочь Татьяна.

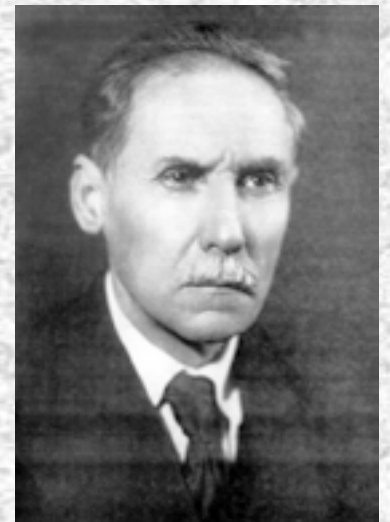
В ноябре 1922 года Борисова как опытного рыбоведа назначают начальником треста «Дальрыба», позже – начальником Дальгосрыбпрома. В 1926 году его командируют в торгпредство СССР в Японии в Хакодате в качестве эксперта-рыбника. Надо сказать, что Борисов много сил отдал организации учебы среди работников рыбной промышленности: принимал участие в создании рыбного техникума и Дальрыбвтуза во Владивостоке, преподавал на курсах техники лова и обработки рыбы, заведовал кафедрой в Дальрыбвтузе. Впоследствии Борисов работал в Дальневосточном научно-исследовательском институте рыбного хозяйства и океанографии, в ТИНРО. Им написаны двухтомный труд «Техника лова рыбы», работы по технике обработки рыбы и

Т.М. Борисов с молодыми писателями Владивостока. 1930-е

Сотрудники рыбного управления. Четвертый слева во втором ряду В.К. Арсеньев. Рядом (пятый) Т.М. Борисов – управляющий «Дальрыбы». 1920-е

Т. М. Борисов. 1930-е

Заключение первого договора с японцами.

Подпись после длительных переговоров, продолжавшихся 143 дня, подписан договор, регулирующий рыбную ловлю с Японией. Соглашение на 250 миллионов, 14 рыболовных переносных участков, получено с японских рыбопромышленников один миллион сто шестьдесят две тысячи воюющих рублей за аренду текущего года и один миллион рублей получено в счет старой задолженности; кроме того введено взаимностью всю старую задолженность внести не позднее 30 августа текущего года.
 На этой фотографии изображены участники переговоров. Сидят слева направо: Кален Уолленбергский Н. К. И. Д., Преображенский — Зауровский, Давыдов Уолленбергский и Гаврилов из Д. В. Председатель японской делегации Тамакавара, Иконсуа из Владивостока, Девтабис. Сидят: Камбис — старший специалист Дальрыбы, Борисов — Начальрыбы, Делегат японских рыбопромышленников Акимото, Вернон — Зав. Отделом Рыболовства Дальрыбы.

Тов. Острову!

Ваша дружная поддержка на
 управлении Митрофаном уже бурно
 — одну владимир, другую бессамную
 историю Острову М. М. и с. урне.
 Что от их себе предпримет,
 так сможем засчитать по тому
 разумному решению в Митрофане.
 Это человек очень заслуживает,
 заложенный еще рано и очень боль-
 ный.
 С ком. тов. Антоном
 17/VI
 1937.г?

Владимир Клавдиевич
АРСЕНЬЕВ
 г. Владивосток
 Бестужевская № 55
 26 Мая 1929,
 № 174

Иванович
 Алексей Максимович

Подайте моего письма
 Трифона Михайловича Борзова мой со-
 роковой в Бийский Знакомый, зарекомен-
 довший фидел хозяйство Сибири и Вол-
 ного Востока. М. М. Борзов прекрас-
 но владеет пером и является одним
 из популярных писателей нашей Вол-
 говосточной окраины. Рекомендую Вам
 его — Он человек очень интересный, ин-
 тересный, много идейный, большой знаток
 морского промысла.
 В приложении к Вашему письму мой
 поклон и приветствие на словах отом,
 что я пишу переписку с А. Б. Кома-
 товским относительно статьи «Два ал-
 манаса», не забывайте, наши как
 не извещаемые... А. Б. Завитовский был
 из курсов дома. Тогда я прислал ей
 опечатанную с Вами и поставил имя
 в известность
 Не откажите на словах приветий М.
 М. Борзову, пусть он моя статья
 и куда-то выслать.
 Прислайте к нам на Дальний Восток.
 Прислите мои почтительные приветия и
 извинения
 Ваш В. Арсеньев

19/10/1929

Уважаемый
 Трифон Михайлович!

В бумагах покойного брата
 Н. В. Кириллова я нашел две
 газетные статьи В. К. Соко-
 лова, которые, безъ морей,
 Вам понадобятся.
 Вот брата Кириллова Юлия
 Николаевича Кириллова проси-
 ла меня передать Вам
 переводку и по специально
 — статьи фидел ее тем, кто
 может попользоваться ма-
 териалами, собранными ее отцом.
 Узнаю, так Вы забываете.
 Прибегу кавказский
 Ваш В. Арсеньев

другие научные труды, которые являлись учебными пособиями для студентов и специалистов.

Но наряду с научной деятельностью Борисов занимается литературой. Первое свое стихотворение «В плену» он написал в Порт-Артуре и опубликовал в 1905 году в Бугульминской газете. В 1920-е годы печатался в местных газетах. В 1927 году вышла его повесть «Тайна маленькой речки», которую заметил М. Горький. В письме М. Пришвину Алексей Максимович писал: «Вот еще один упрямец, подобно В.К. Арсеньеву и Вам, сидит где-то в глуши и работает, работает».

Борисов в повести, в популярной форме, рассказал историю одной рыбы от момента, когда была выметана икра в устье Амура, до брачной поры, когда, дав новую жизнь потомству, сама она гибнет.

Т.М. Борисов трудился вместе с В.К. Арсеньевым в Управлении рыбного и пушного хозяйства Дальнего Востока. Борисов был начальником Управления, Арсеньев – инспектором. Здесь они познакомились, а впоследствии подружились, общались семьями. Об этом рассказала дочь Трофима Михайловича Алла Трофимовна, когда я была у нее в Ташкенте в 1992 году. Оттуда я привезла архив Т.М. Борисова, который его дочери Марионилла и Алла, ученые-ихтиологи, хранили 50 лет. В архиве есть письмо Арсеньева Борису (1924), в котором он пишет: «Узнал, что Вы болеете, забегу навесить». Хранятся в семье Борисова книги Арсеньева с дарственными надписями. Одна из этих книг – «Дерсу Узала» («Советская Россия», 1922) теперь находится в фондах Хабаровского краевого краеведческого музея.

В 1929 году Борисов встречался с Горьким. Арсеньев написал Горькому рекомендательное письмо: «Уважаемый Алексей Максимович. Податель моего письма Трофим Михайлович Борисов, мой хороший и близкий знакомый, хорошо знающий рыбное хозяйство Сибири и Дальнего Востока. Т.М. Борисов прекрасно владеет пером и является одним из популярных писателей нашей Дальневосточной окраины. Рекомендую Вам его – он человек очень интересный, бывалый, много видевший, большой знаток морских промыслов» (26 мая 1929).

При встрече М. Горький сказал Трофиму Михайловичу: «Помню, хорошо помню мальчонку Петьку... Книжку Вашу я читал еще в Италии. Побольше популярных книжек вроде «Маленькой речки». Нам всемерно нужно стремиться к популяризации достижений науки». Позднее Горький писал Арсеньеву: «Был у меня сегодня Т.М. Борисов, очень понравился, договорились мы о его сотрудничестве в журнале «Наши достижения», он дает статью о рыбном деле на Дальнем Востоке».

Т.М. Борисов прожил на Нижнем Амуре среди нивхов двенадцать лет. Он хорошо знал их фольклор, культуру и быт. Именно нивхам он посвятил свою книгу «Сын орла», написанную на основе легенд этого народа. Интересны его очерки и рассказы, вошедшие в сборники «По широким плесам Амура» и «На берегах Камчатки». В них богатые картины дальневосточной природы. Именно это делает его произведения близкими к творчеству Пришвина и Арсеньева.

В «Камчатских сказках» Борисов, рассказывая о птицах, зверях, рыбах в сказочной форме, придает им характеры и поведение, подмеченные им в природе. Тема Русско-японской войны, непосредственным участником которой он был, легла в основу романа «Порт-артурцы». Он посвящен простым солдатам, прошедшим все тяготы военных событий. Ро-

ман был опубликован в 1940 году в шестом номере журнала «На рубеже». Тогда же в издательстве «Дальгиз» вышел двухтомник избранных произведений Т.М. Борисова. В члены Союза писателей СССР Борисова приняли в 1934 году. В год 35-летия литературного творчества его поздравляли многие известные писатели, в том числе А. Фадеев, Л. Леонов, М. Пришвин, В. Лидин, К. Федин и многие другие.

Высоко ценил талант Борисова Александр Фадеев. Об этом пишет в своей книге «От снега до снега» С. Бытовой: «Признавая в Борисове интересного, своеобразного писателя, Фадеев особенно ценил его обширные познания как натуралиста, этнографа, путешественника, побывавшего в дальневосточной глубинке, главным образом на Среднем и Нижнем Амуре, где живут ульчи, нанайцы, нивхи».

Т.М. Борисов много фотографировал, на снимках, которые сегодня находятся в фондах краеведческого музея, нивхи Нижнего Амура, рыбные промыслы.

Рассказывая об отце, Алла Трофимовна подчеркивала, каким добрым человеком он был. Однажды, возвращаясь из Москвы, где частенько бывал по издательским делам, Трофим Михайлович привез целый чемодан беретов, чтобы модными и счастливыми были не только его дочери, но все их подружки. Очень тяжело переживал смерть своей дочери Тани. Свидетельство о ее рождении он всегда носил с собой.

Т. М. Борисов много внимания уделял молодым писателям Владивостока. Алла Трофимовна вспоминала, что один или два раза в неделю они собирались у них дома, читали стихи, обсуждали их. На одной из фотографий Борисов запечатлен с молодыми писателями Владивостока В. Афанасьевым, В. Кучерявенко, А. Артемовым, М. Боднарем.

С. Бытовой в книге «От снега до снега» пишет, как в 1935 году, когда Фадеев был редактором журнала «На рубеже» и жил на 19-й версте под Владивостоком, они, т. е. А. Фадеев, С. Бытовой, Н. Никулин, В. Афанасьев, В. Кучерявенко, гуляя ночью по Владивостоку, решили «завалиться» к Борису. Они читали свои стихи, говорили о поэзии, и в какой-то момент Борисов не удержался: прочел стихотворные строки, написанные им еще в Порт-Артуре.

Молодые писатели Владивостока любили и уважали Т.М. Борисова, многому у него учились. Он был старше, опытнее, многое пережил. Сам он стремился познать тайны и законы природы и передать молодому поколению свой опыт.

В 1940 году в «Детгизе» вышла повесть Т.М. Борисова «Морской старик». В этой повести Борисов рассказывает нивхскую легенду о Морском старике, который обитал там, где река впадает в море. Когда он водил по воде руками, из них сыпались икринки и катились между водорослей, и обилие рыбы в реках и море зависело именно от него. Рыбовод Василий Игнатьевич, герой этой повести, приехал в низовье Амура, где на рыбопроизводном заводе выращивал мальков из икринок, а потом выпускал их в море. Года через три-четыре они возвращались в реку метать икру. Нивхи удивлялись: зачем рыбовод так старается, если Морской старик делает это быстро и без особого труда?

К слову, после выхода в свет этой повести, пишущая братия стала называть Борисова не иначе, как Морским стариком. И это абсолютно справедливо, ведь всю жизни Трофим Михайлович занимался рыбами: их ловлей, разведением, обработкой, популяризацией научных знаний о них. Даже стены его рабочего кабинета украшали изображения рыб.

На эшафоте чужой беды

Людмила КЛИПЕЛЬ

Часто бывает так, что мы откладываем встречи с друзьями, ссылаясь на занятость. Позвонить, и то в суете сует забываем. И только когда уходит человек в мир иной, начинаешь понимать всю глубину утраты, но исправить уже ничего нельзя. И чем дольше живешь, тем пустыннее вокруг, редееет круг хороших людей. Уже четвертый год нет моей подруги Екатерины Рудик. До сих пор душа не может смириться, что такой сильной, энергичной, яркой, влюбленной в жизнь, ее вдруг не стало.

Всего за несколько месяцев до этого прошла презентация Катининой книги «На плахе газетных полос. Исповедь литраба». Причем почти все, кто пришел тогда в краевую научную библиотеку, были героями ее газетных публикаций, дежурных речей не говорили, только слова, идущие от сердца. Сын Алексей в честь этого события заказал в кафе роскошный стол, а царицей бала оказалась Катерина. Как насмешливо заметил какой-то юморист, подкова счастья на пороге смерти.

Вспоминает дочь Валерия: «Я в детстве все искала для себя положительного героя в книжках, не догадываясь, что им была мама, но, как известно, «лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянии». Страшно говорить о маме в прошедшем времени.

Маме 62 года. Мы на катке «Динамо». Я сижу на местах для зрителей, держу нашу собаку, рвущуюся на лед, а мама на беговых коньках нарезает четкие круги, стремительно и ловко объезжая всех не справляющихся с управлением. Она еще в юности получила разряд по конькобежному спорту.

От себя добавлю, что Катерина была прекрасным пловцом, переплывала Амур, в совершенстве владела веслами, в молодости профессионально гоняла на велосипеде. Всю жизнь не расставалась с гитарой, а любимыми были песни Окуджавы, она их все знала. Диву даешься, сколько она успела за свою короткую жизнь.

...Самая светлая и вдохновенная полоса связана у Катерины с работой в редакции «Тихоокеанской звезды». Потом она уехала в Чехословакию вслед за мужем. За границей родила второго ребенка и написала первую книжку «Окно в соседнем доме». Ее издали в Хабаровске. Это простодушная история о послевоенном, нищем и голодном детстве самой Кати. Книга, хоть и тираж был немаленький, быстро стала библиографической редкостью. После возвращения из Чехословакии Катерина устроилась редактором в Институт экономических исследований, а это совсем другая сфера, далекая от журналистики.

Семейное счастье длилось недолго. Капитан Владимир Павлович Рудик погиб «при исполнении воинского долга» в Тюмени. Единственным мужчиной, на плечи которого легла забота о матери и маленькой сестренке, остался сын Алеша, сам еще школьник.

Катя, преодолевая горе, подняла детей, дала им хорошее образование. Алексей закончил Ленинградский институт связи, а Лера получила даже два высших – нархоз и пединститут (японский язык). Мужу посвящена вторая часть книги «На плахе газетных полос».

Слово дочери: «Мы с мамой на кладбище, на могиле отца, ее единственного и любимого мужа. Она так и осталась вдовой, хотя была совсем молодая. Жила словно через силу. «Мама, вы прожили вместе всего десять лет, а ты уже двадцать лет беспрепятственно ходишь к нему на могилу...» Она удивилась такой ариф-

метике и задумалась. Для нее со смертью мужа жизнь будто оборвалась, даже на ладони линия жизни заканчивалась ровно посередине черной точкой – родинкой. И возникала снова сантиметра через два, которые вместили как раз двадцать лет. Мама снова взялась за перо, начала писать книгу, научилась радоваться простым вещам – хорошей литературе, интересной теме для статьи, первому огурчику на даче, новой букве, выученной внуком. Работала она на седьмом десятке как одержимая. Подъем в шесть утра – и за машинку, потом завтрак, собаку на поводок, корзину в руки – и на дачу на левый берег или в лес за грибами, или на деловую встречу, куда звал ее журналистский долг. Вечером можно почитать, встретиться с подружками, попеть под гитару студенческие песни, потанцевать рок-н-ролл с элементами балета и цыганщины. Мама зажигательно исполняла эту гремучую смесь! С ней можно было поговорить обо всем на свете, только она умела так слушать. Редкое сочетание огня, мудрости и силы духа».

Только через двадцать лет, выйдя на пенсию, Катерина вернулась в любимую редакцию, но в другом качестве – внештатным корреспондентом. Очень много публиковалась. Редактор Сергей Торбин на летучках даже ставил ее в пример штатным журналистам.

Как-то накануне Дня Победы она сказала, что будет писать о моей маме. «Когда ты хочешь с ней встретиться?» – спросила я. «Мы и так давно знакомы», – сказала Катя. «Не дай бог что-нибудь напутаешь, учти, мама очень щепетильная в таких вопросах, ей нужна чистая правда. Как же без беседы?» – засомневалась я. Вскоре Катя позвонила: материал готов. Встречу назначили на Комсомольской площади. «Ну как? Может, что неправильно?» – пока я читала, она была напряжена, как струна. «Ты знаешь, ни прибавить ни убавить». Катя облегченно рассмеялась. «Пойдем, покажем твоей маме».

Но времени было в обрез, потому что статью уже ждали в редакции.

Со свежей газетой Катя пришла в гости на следующий день. Мама прочитала и заплакала: «Екатерина Константиновна, как вы узнали, что лежало в моем чемоданчике, с которым я поехала учиться в Киев, я же вам про это не рассказывала? И вообще, вы как будто заглянули мне в душу». «Я ведь тоже женщина», – сказала Катерина.

В книге «На плахе газетных полос» есть строки: «Мое сердце не научилось принимать сигналы о бедствии. Журналистское удостоверение позволило, несмотря на шаткое положение внештатника и грустный «третий возраст», проникнуть в чужие людские судьбы, познать, как, чем живут хабаровчане, что их беспокоит».

Творчески смелая, неравнодушная, она бесстрашно бралась за самые тяжелые темы: то о беспризорниках, то о стариках, обманутых и выброшенных на улицу, то о поборах на кладбище. Я ей часто говорила: ну что ты рвешь сердце, пиши что-нибудь приятное, например о хороших людях. Но она не могла жить иначе. «О чем писать, на то не наша воля», – цитировала в ответ поэта Н. Рубцова. Страстная по натуре, Катя не берегла свое обнаженное сердце. Всякий раз на газетной полосе она словно всходила на эшафот чужой беды. И здесь нет ни преувеличения, ни ложного пафоса.

К этому добавлю, что Лера была на восьмом месяце беременности, когда вместе с братом Алешей хоронила маму. Катя не увидела второго внука. И не успела закончить книгу о проблемах онкологических больных. Даже на пороге смерти она оставалась верна второй древнейшей профессии...

Боевая подруга писателя

Екатерина РУДИК

Они идут рука об руку по жизни 55 лет. Их повенчала война, и как бы в отместку за тяжкие испытания, вопреки пережитым бедам, эта удивительная по силе любви, духовной близости семейная пара по сей день не утратила бережного, трепетного отношения друг к другу, к жизни, созидательному творчеству, когда познана чарующая красота дерева, слова, камня, составляющая смысл бытия главы семьи В.И. Клипеля. А семья – четверо детей, десять внуков, есть правнуки – и все рядышком. Эпицентром семьи Клипелей, нешумно диктующим погоду в доме, причем только ясную, солнечную, всегда оставалась жена писателя.

Впрочем, тогда, после Витебской операции, близ литовской полувыгоревшей деревни Иодайце, где судьба свела их, старший лейтенант медицинской службы 20-летняя Марийка Бойко о писательском даре будущего супруга гвардейца-майора не догадывалась, как и он сам. Не до того было. Под шрапнельными прыгающими минами, под гибельной вой зениток Марийка спасала раненых. А после армейских разведкурсов вела солдат в самое пекло на поиски «языка».

В истории Красной армии был единственный случай (это стало известно позже из архивов), когда разведывательным взводом командовала женщина. Ею была М. Бойко, девчонка из украинской глубинки, села Рубаный Мост. Она ребенком осталась без мамы, в четырнадцать лет с деревянным чемоданом, набитом учебниками, где пешей, где с оказией отправилась в большой город Киев учиться, а в шестнадцать добровольцем бесстрашно шагнула в войну.

Маленькая, скульптурной стройности и хороша собой до обалдения – так, что в 5-м гвардейском стрелковом корпусе не было таких, кого еще раз, как бы невзначай, не повлекло заглянуть в ее спокойные, цвета мягкой бирюзы глаза. Прослышав недотрогой, Марийка игнорировала ухаживания: у «статутки» оказалась рука тяжелая. О замужестве не помышляла, лелеяла мечту в мирные дни учиться. В вещие сны не верила. И скажи ей, что в плащ-палатке, длинноногий, худоба, пришедший к ней во сне, реален, существует – никогда не поверила бы. Да если и так, суженый, как расшифровала сон фронтовая подруга, офицер-гвардеец Шура Ребрина, такой долговязый ей совсем ни к чему. А получилось очень даже к чему, и на всю жизнь.

После Брасдорфа, что на Земландском полуострове, где за два месяца до Дня Победы Клипели отпраздновали скромную свадьбу, их в составе 39-й армии перебросили на Дальний Восток. Но сколько на дорогах войны Марийка насмотрелась таких фронтовых свадеб, подчас мимолетных, необья-

Майор и лейтенант Клипели. Порт-Артур. 1946

зательных. Случай представился им зарегистрироваться в Хабаровске.

Даже при изрядной фантазии нынешним молодоженам трудно представить тот свадебный кортеж, что выпал на долю Клипелям по пути к ЗАГС. Это было уже в Порт-Артуре. После выполнения ответственного боевого задания В.И. Клипелю дали трехдневный отпуск для регистрации брака в родном Хабаровске, где семь лет он не видел отца с матерью. Пассажирские поезда не ходили – свирепствовала холера, добирались на товарняках, а когда полпути было преодолено, дальше хода по железной дороге не оказалось. В местном автобусе в рейс выходила траурная колонна – везли павших солдат. Их, прикрытых в кузове рогожами, на несметных дорожных ухабах подбрасывало вместе с единственным живым пассажиром. Ветер срывал рогожи. Сидящей в кабинке невесте, на кителе которой под шинелью тяжелел орден Отечественной войны I степени, было не по себе. Но на войне за четыре года такого насмотрелась, что девчоночий страх могла унять.

А вот в первые пять мирных лет наступали такие лихие минуты, что малодушная, менее терпеливая вряд ли выдержала. Какая, спрашивается, мать может спокойно взирать, что ее дитя так оголодало, что в два года на ножки не встает – дистрофия. Добытая ложка рыбьего жира как дар небес, так же, как пара печеных картошек. Жили без собственного угла, подчас без хлебных карточек. Молодым супругам война не дала доучиться. Художественные мастерские 20-летний

Владимир Клипель сменил на солдатскую казарму. Оттремел салют Победы, вся грудь в орденах, а снял военную форму – и кормильцем не назовешь. Рисунок, кисть влекли к себе, пробуждался интерес к слову, и пережитое на войне, боль и подвиг, в живых образах неистребимо призывало к перу. Но сначала надо было думать, как семью прокормить.

За первые пять лет после войны у Марии Иосифовны было уже трое детей. И поняла, что глава семьи добродетельной сиделкой при них не будет. Это же надо: родилась старшая, а папка увидел ее, уже любя, вместо того чтобы в воспитании взять на руки – за пилотку, ведра и к колонке за водой. Потом оправдывался, что, мол, боится своими ручищами к такому хрупкому сокровищу прикоснуться. Одним словом, дети с их пеленками, ночным плачем, болезнями были сугубо ее прерогативой. А еще и работа. В поисках ее и жилья два года мыкались по свету. Спасибо добрым людям! В Хабаровске на Пехотном (ныне район 56-й школы) наконец-то устроилась участковым фельдшером.

Балетка со стерильными шприцами всегда при ней. Могли вызвать днем и ночью, машин «Скорой помощи» тогда не было. Возвращалась под утро, стирала, мыла, готовила. Находила свежую стопку клубных киноафиш, на обороте которых муж писал свой первый роман. В крохотной комнатухе и стола рабочего не было. Его заменяла планшетка на коленях, а чернильница – флакончик из-под пенициллина всегда при себе. И как умудрялся не пролить чернила в нагрудном кармане, оставалось для Марийки загадкой. А вскоре художнику-оформителю офицерского клуба В.И. Клипелю предоставили, хотя снова в коммуналке, целых две комнаты. И здесь произошла сцена, достойная пера Зощенко. Прознав, что комнатуха освобождается, две семьи соседей, тоже офицеры запаса, не спали ночь, разрабатывая план атаки на освободившуюся жилплощадь – кто первый овладеет, и на подступах к дверям пустили в ход шифоньеры. Выйти с узлами невозможно, уговоры не помогают, дети плачут, грузовик ждет. И тогда Мария Иосифовна хватает из узла лампочку и, как гранатой, бабахает ее об пол. От тихой интеллигентной соседки подобного не ожидали, шифоньеры поползли на исходные позиции.

Да сколько в прожитой жизни было таких ситуаций, когда нравственная непреклонность этой маленькой женщины, обожженной войной, духовная сила оборачивалась надежной опорой большой семьи, источником вдохновения начинающего писателя. Она была его первым читателем, самоучкой-критиком, интуитивно чувствующим верную интонацию, звонкую строку, энергию мысли. Помогала мужу бороться против сомнений, не досажда упреками, несла на себе непростой груз повседневных забот. Их крепило духовное единение и нерастроченная в быту любовь.

Вот почему они не пожелали расстаться на два года, когда мужа послали учиться в Москву на Высшие литературные курсы. Заявиться в священное писательское гнездо страны со своим семейным кораблем из провинции – да ведь это нонсенс для элитных обитателей Переделкино. Но дети из далекого Хабаровска вели себя скромно, одеты чистенько, в песочницах с отпрысками именитых писателей в кулачные бои не вступают. Вот только продавщица гоняла: трое ребятешек мал мала меньше стоят у витрины, где диковинные сласти – пастила, зефир в шоколаде, вафельные торты – и пальчиками по стеклу мечтательно тыкают. Но что поделаешь, если у отца на всю семью стипендия 80 рублей, тут не до зефиров.

Сколько себя Мария Иосифовна помнит, не то что роскоши, особого достатка в их семье не было. Обновки покупались в исключительных случаях. Даже в роддом поступила в гимнастерке без ремня, а с войны мечтала о гражданском пиджачке.

Владимир Иванович и Мария Иосифовна Клипели

ке. Вечно она что-то перелицовывает, штопает, перешивает. И вся мебель не магазинная – шкафы, книжные стеллажи, кухонные шкафчики, сработанные руками Владимира Ивановича, да так, что не уступят фабричным гарнитурам. Смастерил огромный круглый стол на мощной резной ноге, под ним, как под волшебным зонтом в некоем царстве-государстве, неслышно играли дети, стараясь не наезжать на отцовские домашние тапочки, пока он работал над очередным романом. Это называлось «отец за детьми присмотрит». А по большому счету пылинки с повзрослевших детей не сдували, к дармовому куску хлеба не приучали. Старшей, окончившей восемь классов, отец по-горьковски строго заметил про обратную сторону медали, и пошла она получать специальность. Стала десятником, на лесоповале в глухой тайге под ее началом работали сорок мужиков, в основном амнистированные. Их девчонка по наивности не боялась, а вот змей близ барака...

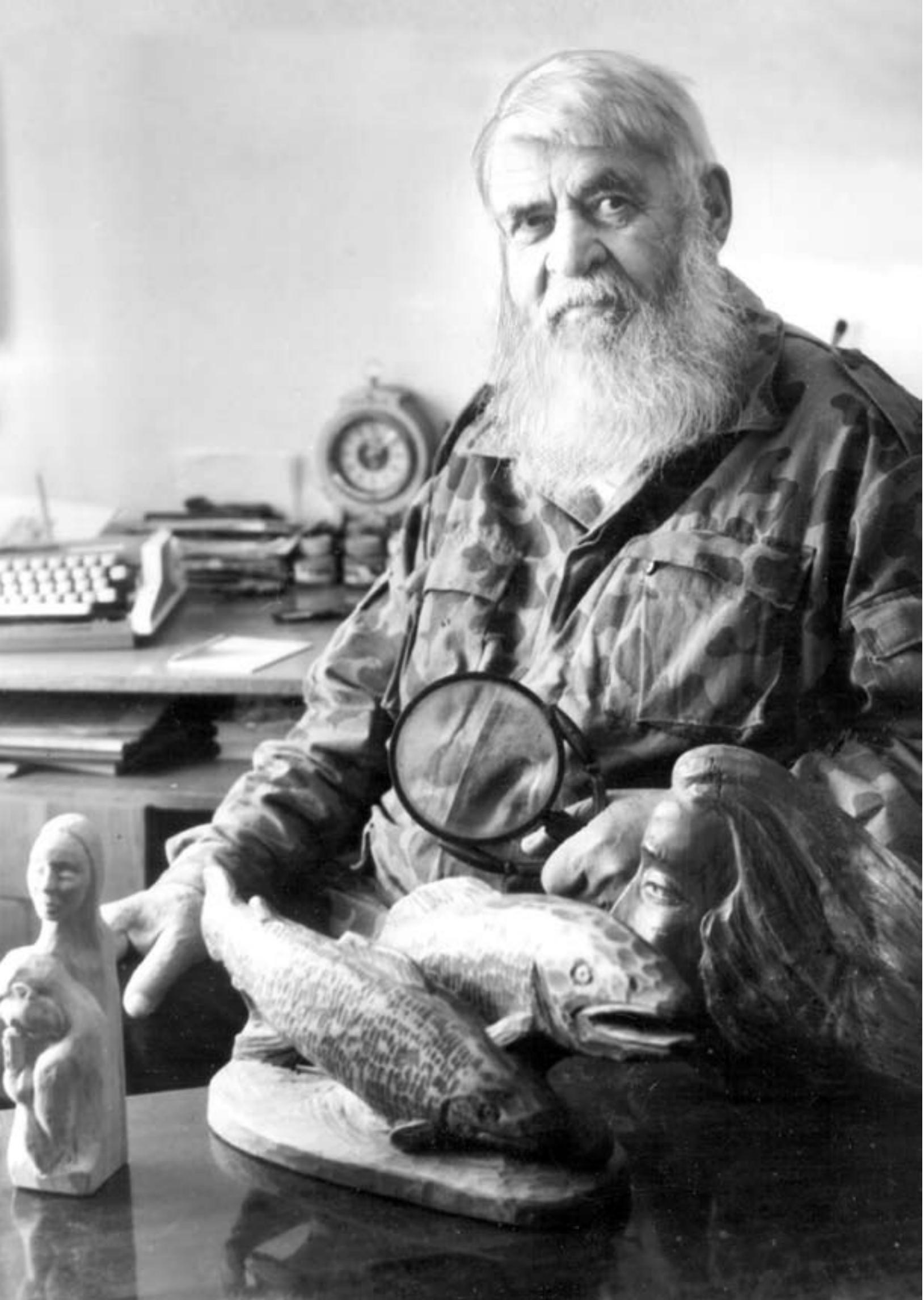
И мама кинулась в Селихино на подмогу.

Четвертого, Ванюшку, Мария Иосифовна родила в 36 лет. Из роддома ее забирали старшие дети. Отец был в двухмесячной экспедиции на Чукчагире: начиналась весна, и он на все лето, прихватив походный мольберт, уезжал на природу, питавшую его дух, фантазию, интеллектуальные силы. Без этих странствований по нехоженным тропам он не представлял высокого творчества.

И было закономерно с первыми звонками почтенного возраста, когда дети выросли, обрели свои семьи, уехать жить в Виноградовку. Пусть с печкой, дровами, водой из колодца. Но вот они – синие снега, близкий лес – и душа молодеет. Здесь хорошо работается. В Виноградовке были написаны две книги «Исповеди». Жизнь в глубинке ничуть не изменила многолетних невинных привычек Марии Иосифовны: хоть гостей и не предвидится, здоровье пошаливает, к столу она выходит при прическе, в опрятном платье, в домашнем халате и на кухне не появится. Возраст не помеха для женственности, как и для исповедального признания: «Я любил... Не знаю, откуда у меня брались силы, но я работал как одержимый, и все у меня получалось».

Светлое обаяние этой немолодой семейной пары, в чьей жизни, как, может, ни в какой другой, отразились судьба и душа старшего поколения, не уложишь в четкие формулы житейской добродетели. Но уж точно это о них поведал поэт: «Кто скажет нам, что жить мы не умели?».

Из книги «На плахе газетных полос. Исповедь литраба». 2000

Быстрые птицы Времени

Поэтические зарисовки Владимира Клипеля

Этот дед, белоснежной бородой похожий на доброго волшебника, не кто иной, как Владимир Иванович Клипель. Он сидит на лавочке возле своей дачи, греет на солнышке старые кости и радуется, что пережил еще одну долгую зиму. Его большие красивые руки ваятеля заняты делом, вокруг все усыпано лепестками стружки, и из куска теплого дерева рождается забавный медвежонок. Когда работаешь резцом, хорошо думается.

Говорят, чтобы не сойти с ума в назойливом шепоте дней и ночей, люди пишут стихи. Ведь почти каждый в сердце своем поэт. Еще на фронте Владимир Иванович тоже баловался стихами, целую толстую тетрадку исписал ими. Но потом, в мирное время, решил, что это пустая затея, выбросил свои поэтические опусы и забыл о них. А на девятом десятке его вновь потянуло на музыкальные мысли. То ли очередные политические катаклизмы выбили старика из равновесия, то ли просто такое элегическое настроение нахлынуло, только стал он сочинять короткие стихи. Верлибр, танка, хайку, бог его знает... Определить этот жанр он и сам затрудняется.

Лет сорок назад прочитал Владимир Иванович танку, написанную императором Хирохито, и изумился. В пяти строчках – характер Японии: «На белом шелке розовое солнце и крылья чайки, изогнутые, как брови у японца». Даже в прозе не всегда удается изложить суть явления или картинку природы, а тут скупыми средствами достигнута потрясающая выразительность.

Давно для старого путешественника позарастали стежки-дорожки, по которым он так любил бродить в молодости с рюкзаком и этюдником. Но картины родной природы, схваченные зорким глазом художника, навсегда остались в памяти, словно запеклись в сердце. Они свежи и пахучи, как ветки цветущей черемухи.

Владимир Иванович никогда не мечтал о заморских курортах, его манили голубые просторы родного и дикого края. Исходил он его и изъездил вдоль и поперек, ни одно лето не обходилось без экспедиции, а теперь остается только вспоминать о том счастливом времени.

Старик уже не может, как бывало прежде, написать на холсте натюрморт или пейзаж – глаза видят плохо. Вот он и «рисует» без кисти и красок маленькие волшебные картинки-этюды.

Людмила КЛИПЕЛЬ

Вечность, силами солнца, воды и ветра,
истачивает горы, выстилает песками пустыни;
любясь текучей струйкой песка из горсти,
думаем ли, что он – остатки былых Гималаев?

Шумят паруса тополей,
им не поднять якорей;
Люди тоже на привязи у житейских забот,
Но в мечтах вольны уйти в плаванье
На поиски неведомых волшебных островов.

Мои годы, как воры, все уносят с собой:
одни – здоровье и силы, желанья и память – другие,
оставляя в душе пустые холодные стены,
которые ни утеплить, ни чем-то заполнить.

Скованный морозом лес, он дорог мне
своей пьянящей свежестью и звонкой тишиной,

в которой слышно все – и жалобное
тиньканье синицы,
и шорохи снегов, сползающих
с прогнувшихся ветвей.

Звезды блещут для всех одинаково,
но выказывают волшебную красоту
и разговаривают о вечном лишь с теми,
кто не ленится подниматься высоко в горы.

Солнце стелет вечерние длинные тени,
в окнах изб догорают отблески зари,
с пастбищ сыто бредет деревенское стадо,
поднимая копытами золотистую пыль.

Ранний луч пробился сквозь гущу ветвей,
Высветил ловчую сеть паучихи,
Росные капли на ней засверкали алмазами,
Как на царской накидке Эсфири
под кистью Рембрандта.

ЛИТЕРАТУРА

Жизнь – повторение пройденного другими пути,
по которому новому поколению нужно пройти,
теряя в тумане заблуждений дорогу,
попадая в провалы,
и набивая ноги об одни и те же острые камни.

Жизнь – есть страдание,
Страдание от избытка желаний.
Чтобы не страдать, надо жить скромнее,
меньше желать.
И не очень сильно толкаться локтями.

Когда у вас на столе пироги и пасхальный кулич,
будьте с просьбами счастья у Бога умеренны,
чтоб не лишил и того, чем владеете,
наслав на вас «скорую» или «черного ворона».

Ласточки, тренируя молодняк перед дальней
дорогой,
нанизались нотными знаками на линейки проводов.
Чтобы тут же взлететь и рассыпаться в небе,
как горох по полу из продырявленного мышами мешка.

Мы богаты и любимся разноцветьем блескучих
алмазов,
их по утрам щедро сыплет мороз на оконные
стекла,
только собрать их пока невозможно,
но придет день, и я все равно соберу их в ладошку.

Дед и бабка, как два старых дерева,
они скрипучи и мешают сухими ветвями,
но держат друг дружку, и если ветер уронит одно,
то вскоре повалится и второе, утратив опору.

Мои годы пронеслись быстрыми птицами,
и пришла пора уходить в мир иной;
я хотел бы уйти, как уходят из жизни солдаты,
сраженные в бою внезапно и наповал.

Счастлив, кто жизнь свою украсил
дорожным посохом и заплечною сумой,
кому с небес срывались звезды, сгорая не долетев,
и утром птичьи голоса будили сонные просторы.

«Здесь начинается Россия...»

Два года назад редакционно-издательский отдел Краевого научно-образовательного объединения культуры при финансовой поддержке министерства культуры Хабаровского края начал издавать сборники стихов и прозы самодеятельных дальневосточных авторов.

В 2007 году вышла книжка стихов Василия Морозова «Здесь начинается Россия». Это первая книга автора, в которой он обращается к взрослой аудитории. До этого в Хабаровске и Комсомольске-на-Амуре изданы его стихотворные сборники «Алешина горошина», «Птичьи хлопоты», «Солнце в бочонке», адресованные детям.

Василий Никитович Морозов родился в Брянской области, там же окончил семь классов. Перед войной вместе с родителями приехал на Дальний Восток, где до призыва в армию работал прицепщиком, пастухом, трактористом. В 1942 году юношу призвали на военную службу на Тихоокеанский флот. В годы Великой Отечественной войны в составе морской пехоты Василий Морозов освобождал Северную Корею от японских милитаристов. После демобилизации в 1947 году приехал на новостройку в Хинганск, где прошла большая часть его жизни, состоялась трудовая биография.

В стихах Василия Морозова размышления о том, что окружает его в повседневной жизни, а также лирические воспоминания детства.

Сегодня автор живет в поселке Солнечном Хабаровского края, продолжает писать.

Сборник стихов и прозы «Память, встань в почетном карауле» Юрия Любушкина вышел из печати в 2008 году. Характерно, что наш современник, родившийся в послевоенное время, посвятил свой труд героям Великой Отечественной войны. О них ему рассказывал дед-фронтовик, гвардии рядовой Федор Иванович Бочарников, человек героической судьбы, прошагавший с войсками Северо-Западного, Центрального, Степного, Первого Украинского фронтов, раненный при освобождении Польши.

Проза Юрия Любушкина запоминается беспощадной правдой о военном времени, а стихи – лиричностью, искренностью, трепетным отношением к своей малой родине, Николаевску-на-Амуре, в котором автор родился и вырос.

Подготовила Екатерина КИРИЛЛОВА

Фото Валерия ТОКАРСКОГО

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

Хабаровские актеры на знаменитой сцене Российского Молодежного Академического театра

Событие

Наша «Золотая Маска», или Материал для посвященных

Анна ШАВГАРОВА, театровед

Почти год назад, осенью, поднялся этот ажиотаж. По телевидению сообщили: «В Хабаровске пройдет фестиваль «Золотая Маска»! А телевизору мы по привычке безотчетно верим с прежних времен. Все задавали друг другу вопросы, сами на них отвечали. Одни демонстрировали глубокую просвещенность, другие абсолютную непосвященность. На самом деле произошли два события, связанных с этим громким названием: Хабаровский музыкальный театр был номинирован на национальную театральную премию «Золотая Маска», а Хабаровск вошел в число городов, где реализуется региональная гастрольная программа «Лучшие спектакли в городах России» фестиваля «Золотая Маска».

Национальная театральная премия и всероссийский театральные фестиваль «Золотая Маска» были учреждены Союзом театральных деятелей России и Федеральным агентством

по культуре и кинематографии в 1994 году. Премия вручается во всех видах театрального искусства: драматический и кукольный театр, опера, балет, оперетта/мюзикл, современный танец, новация. Вначале осуществляется отбор спектаклей-участников фестиваля. Для этого театр, который хочет помериться своими силами с коллегами, собирает материал о своем спектакле и отправляет его в Экспертный совет. Лучшие театральные критики, теоретики и практики театра со всей страны отсматривают огромное количество спектаклей «в живую» и на дисках, а потом рекомендуют тот или иной для жюри, заявляя номинацию, в которой его следует рассматривать. В жюри «Золотой Маски» работают знаменитые актеры, режиссеры, дирижеры, хореографы, театральные художники. Но они уже смотрят спектакль весной, в Москве, куда на фестиваль приезжают все номинанты.

Заслуженный артист России
Владлен Павленко

Конечно, остается только пожалеть, что наш огромный регион до 2007 года оставался в числе «непосвященных» в театральную историю под именем «Золотая Маска». Причин тому множество. Можно кивать на нашу отдаленность, можно делать вид, что премии и признание нас не интересуют... На мой взгляд, как это ни грустно, но дальневосточники не могли до сей поры представить на суд национальной премии качественный театральный продукт, способный конкурировать с лучшими спектаклями страны.

В 2007 году такой спектакль появился. Обстоятельств его рождения также много. Амбициозный «отец» – директор музыкального театра Николай Евсеенко – пригласил команду профессионалов, те взяли одаренную труппу

театра, да и поставили талантливый спектакль. Все просто! Только в этой простоте нет случайности. Здоровые творческие амбиции Николая Евсеенко закономерно привели его к мысли вывести театр на более высокий, нежели региональный уровень. Режиссер спектакля Владимир Оренов – новичок в музыкальном театре и поэтому избавлен от традиционных представлений об опереточном спектакле. Но его сильные стороны – специфические понятия о драматургической основе спектакля, опыт работы в драматическом театре, где чаще он все-таки ставит комедию, даже дружба с Юлием Кимом – привели к выбору необычного материала. Роман Владимира Войновича «Жизнь и необычайные

Народная артистка России Татьяна Маслакова и заслуженный артист России Денис Желтоухов

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

Режиссер Владимир Оренов и композитор Владимир Дашкевич

приключения солдата Ивана Чонкина», переосмысленный автором пьесы Юлием Кимом и композитором Владимиром Дашкевичем, предстал перед зрителями в жанре деревенского балагана.

Художник Владимир Колтунов – давний сопостановщик режиссера, обладает особым, острым чувством юмора. Он создал на сцене парадоксальное сочетание: в вымышленной среде являются видения тиранов, ца-

рит венский бал, а рядом существует реальный колхозный мир, в котором по полю, между крохотными избушками носятся огромные быки и взлетают самолеты.

Балетмейстер Николай Реутов завершил пеструю, сложножанровую картину спектакля танцевальными номерами, использовав различные хореографические направления – от джаза и народного танца до бального, неожиданно попал в русский колорит.

Но ведь еще все это – и сыграть, и спеть, и станцевать, и декорации создать – и организовать надо! Тоже так себе задачка, простенькая! Легкость, с которой и поют, и танцуют, играют на подмостках и в оркестровой яме, творилась не один день и даже не постановочный период спектакля!

Труппа театра блистательна, она формировалась десятилетиями, воспитывалась разными режиссерами на многообразном драматургическом материале, на различных жанрах. Нет нужды повторять, как много сделал для театра замечательный режиссер и педагог Юлий Гриншпун, создавший этапные спектакли театра, сотворивший эту неповторимую труппу не только в прямых своих учениках, но и во всем остальном, порой неувидимом, что создает сегодня имя музыкальному театру.

Только при таких условиях и могло осуществиться желаемое: «Самолет Вани Чонкина» был отобран в числе более 40 спектаклей из 10 городов России для участия в XIV фестивале, который в этом году проходил в Москве с 27 марта по 15 апреля 2008 года. Спектакль был выдвинут на премию в следующих номинациях жанра оперетта/мюзикл: «Лучший спектакль», «Лучший режиссер», «Лучший компо-

Хабаровск встречает своих героев

На торжественном приеме губернатора Хабаровского края В.И. Ишаева

зитор», «Лучшая мужская роль», причем одновременно два наших актера – Денис Желтоухов и Владлен Павленко.

Три спектакля жанра оперетта/мюзикл стали нашими соперниками, и почти все из них претендовали на звание лауреатов в нескольких номинациях. Театры именитые, имена знаменитые, конкуренты значительные. Театр музыкальной комедии из Санкт-Петербурга представлял оперетту Ене Хуска «Баронесса Лили», театр музыкальной комедии Екатеринбурга – мюзикл Александр Пантыкина «www.силиконовая дура.net», театр музыкальной комедии из Новосибирска показывал «классику жанра» – «Сильву» Имре Кальмана.

5 апреля из Хабаровска вылетел необычный самолет. По количеству узнаваемых лиц его опережал только выпуск новостей с саммита стран СНГ. На контроле придирчиво сравнивали и шептались: Татьяна Маслакова в паспорте совсем не такая, как по телевизору, Денис Желтоухов какой высоченный... Мило улыбались на шутки Валерия Хозяичева по поводу раздевания на досмотре...

Делегация музыкального театра из 110 человек была дополнена двумя десятками «болельщиков» из числа представителей правительства и ми-

нистерства культуры края, руководителей хабаровских театров. Встречая этот десант в Москве, Владимир Колтунов с присущим ему юмором произнес: «А в Хабаровске кто-то из культурных деятелей остался? А если бы что с самолетом случилось?» Но не было в этот момент деления на театры, цеха, учреждения. Мы все говорили «мы», «наши артисты», «наш спектакль».

Началась суетливая Москва, где в часы вмещались дни, после репетиций были жадные попытки все увидеть, все охватить. Не хватило. Ни дней, ни сил.

А потом был спектакль, проходил он в здании Российского Академического Молодежного театра на Театральной площади. Была суматошная встреча гостей, очередь в кассу, классическое «нет ли лишнего билетика»... Все как в тумане, до той минуты, когда начался спектакль. Те, кто остался за кулисами, с первых же минут услышали по трансляции совершенно неожиданную зрительскую реакцию: смеялись над каждой шуткой, бурно реагировали на реплики, аплодировали после каждого номера. Бросились на бельэтаж, а там не столько глазели на сцену, сколько на зрителей!

И стала понятна зрительская реакция! Мы подкупили зал неподдельностью эмоций, заразили легкостью и ка-

жущейся простотой. Вот тут-то и сошлось все – и годы труда и пуды таланта! Зрительный зал стоя аплодировал нашему спектаклю на поклоне.

Кульминацией фестиваля является церемония вручения национальной театральной премии «Золотая Маска». В этом году она проходила 15 апреля в Музыкальном театре им. К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко. Тем, кто не видел трансляцию или хотя бы цитату в местных новостях, не рассказать. Надо видеть! Как взлетел Владлен Павленко на край оркестровой ямы и продирижировал оркестром в часть нашего театра!

То, что среди шести номинантов именно Владлен Павленко взял «Маску» в номинации «Лучшая мужская роль» в жанре оперетта/мюзикл, для многих не стало неожиданностью. Он, безусловно, чертовски талантлив – и национальная премия, подлинная тому награда. А вот «Золотая Маска» нашему спектаклю – это результат продолжительного пути театра, труда многих, и тогда успех – закономерен. Но это не финал, это только посвящение в театральную историю под именем «Золотая Маска»!

Фото автора и из архива Хабаровского краевого музыкального театра

Событие

Город на театральной карте

Елена ГЛЕБОВА

«Самолет Вани Чонкина»

«Сказка о рыбаке и рыбке»

«Хабаровск – город театральный», – оценила дальневосточную столицу Александра Лаврова, главный редактор московского журнала «Страстной бульвар, 10». В 2008 году она пополнила состав жюри краевого театрального конкурса вместе с известным театроведом, профессором Дальневосточной государственной академии искусств Галиной Островской (Владивосток). И дело, конечно же, не только в достаточно крепком материально-техническом состоянии хабаровских театров, хотя это отметили все приехавшие критики. В театральной среде, заметно угасшей в последние годы, вновь появились творческие лидеры.

Главным событием 2007 года стал спектакль «Самолет Вани Чонкина», поставленный на сцене Хабаровского музыкального театра московским театральным критиком и режиссером Владимиром Ороновым. «Чонкин» получил звание лауреата краевого театрального фестиваля в соответствующей номинации, отмечены две актерские работы: Мойше народного артиста России Игоря Желтоухова («Лучшая мужская роль второго плана») и Нюра народной артистки России Татьяны Маслаковой («Лучшая женская роль»). Премией имени актрисы Татьяны Проняковой-Романовой «За честь и достоинство», учрежденной известным дальневосточным художником Викторией Романовой, награждены актеры музыкального театра, заслуженные артисты России Денис Желтоухов и Владлен Павленко.

Воспарив в театральном пространстве Хабаровского края, мюзикл «Самолет Вани Чонкина» продолжил свой полет. Впервые за всю театральную историю Дальнего Востока спектакль хабаровской оперетты, а к этому моменту краевого музыкального театра, стал участником Всероссийского конкурса «Золотая Маска» и получил престижную национальную премию сразу в двух номинациях – «Лучший музыкальный спектакль» и «Лучшая мужская роль» (заслуженный артист России Владлен Павленко). Событие знаковое, потому что после нескольких десятилетий отрыва дальневосточного города от центра страны, превратившего его в далекую и непознанную территорию, Хабаровск вновь на большой театральной карте.

Впрочем, не только «Золотая Маска» украсила минувший театральный сезон. В этот раз он оказался на удивление плодотворным, наполненным творческими поисками, яркими премьерными, интересными актерскими, художественными и музыкальными работами. Говоря об этих успехах, Владимир Оронов, третий год возглавляющий жюри краевого театрального кон-

курса, отметил, что во многом они зависели от той планки, которая была поднята в прошлом году режиссером, а ныне директором Краевого объединения детских театров Хабаровска Константином Кучикиным. Его спектакль «Маленький принц», поставленный на сцене театра кукол и признанный по итогам 2006 года лучшим, позднее стал участником международного фестиваля «Путь кочевника» в Улан-Удэ, а затем получил приглашение на 5-й международный фестиваль театров кукол им. Сергея Образцова.

Новый театральный сезон – новые интересные работы. Спектакль «Про ката в сапогах» – игровой и фантазийный, созданный режиссером Константином Кучикиным вместе с художником Павлом Оглуздиным и композитором Дмитрием Голландом, признан лучшим. Заметным событием стали пушкинские премьеры на сцене Хабаровского ТЮЗа – «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» и «Сказка о золотом петушке» (режиссеры Константин Кучикин и Наталья Ференцева), а также в краевом театре кукол – «Сказка о золотой рыбке» (режиссер Юрий Уткин). В спектаклях, созданных в ТЮЗе, искренних и совсем не «датских», нестандартное прочтение пушкинского материала, сценография, построенная на превращениях (художник Андрей Непомнящий), музыка, в которой слышатся древние обрядовые напевы и заклинания (композитор Александр Новиков). И, конечно же, интересные актерские работы. Одна из них получила высокую оценку: заслуженный артист России Владимир Годованец, сыгравший роль царя Дадона в «Сказке о золотом петушке», стал лауреатом в номинации «Лучшая мужская роль».

Среди творческих лидеров сегодня, без сомнения, и Вадим Гогольков – художественный руководитель и главный режиссер Хабаровского муниципального театра пантомимы «Триада». Приехавшие критики Александра Лаврова, Галина Островская, а также театральный художник, редактор «Петербургского театрального журнала» Мария Смирнова-Несвицкая (Санкт-Петербург) говорили о «Триаде» как о театре авторском, имеющем собственное лицо и особую притягательную атмосферу.

Из всех представленных «Триадой» спектаклей наибольший интерес вызвала «Академия смеха» японского драматурга Коки Митани в постановке Вадима Гоголькова (номинация «За художественное воплощение актуальной темы»). Здесь многое сошлось: оригинальное прочтение пьесы режиссером, который выводит на первый план трагическую историю художника, оказавшегося в рамках тотальной несвободы, блестящая игра молодого актера Родиона Жедина (роль Автора) и достаточно серьезная работа актера Владимира Токарева (роль Цензора), лаконичная сценография Павла Оглуздина, дополнившая рисунок спектакля интересными, знаковыми деталями. Однако победу на театральном конкурсе (номинация «Художник года») Оглуздину принесли спектакли «Алиса» на сцене «Триады» и «Про ката в сапогах» в ТЮЗе. Композитором года назван Дмитрий

«Сказка о мертвой царевне и семи богатырях»

Голланд – автор музыки к спектаклям «Портрет» («Триада») и «Про ката в сапогах».

Очередная премьера театра подвижников КНАМ из Комсомольска-на-Амуре, который уже больше двадцати лет живет в пространстве эксперимента и поиска альтернативы традиционной театральной стилистике, – «Кафка для «чайников» (номинация «Новация»). В режиссерской работе Татьяны Фроловой, достаточно жесткой, а временами просто шокирующей, гармонично соединяются живое слово, пластика, свет, видео, аудио и превосходное знание материала, отчего спектакль принимает форму документа, где все предельно точно. К слову, спектакль театра КНАМ «Сухобезводное» по пьесе современного петербургского драматурга Ольги Погодиной, обозначенный как разомкнутый монолог и ставший в 2006 году лауреатом краевого конкурса в той же номинации, был представлен на международном театральном фестивале, проходившем в конце 2007 года

Заслуженный артист России Владимир Годованец в роли царя Дадона

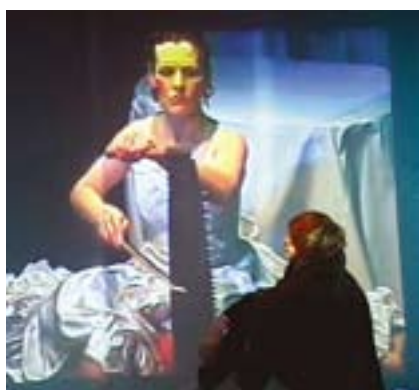
«Сказка о мертвой царевне и семи богатырях»

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

«Академия смеха»

«Кафка для «чайников»

в Сингапуре.

К сожалению, «классический» театр Комсомольска-на-Амуре – драматический – переживает не лучшие времена, которые, похоже, затянулись. Здесь нет главного – творческого лидера, способного выстроить художественную программу. И все же на фоне случайных пьес встречается серьезный материал. Речь о спектакле «Васса Железнова», поставленном на сцене Комсомольского-на-Амуре драматического театра приглашенным режиссером Дмитрием Васильевым. По оценке хабаровского театроведа Анны Шавгаровой, здесь есть попытка соединить историю распада одной семьи и страны в целом, здесь поиск новых форм, интересные актерские работы Ирины Барской, Ксении Лелькиной, а также Елены Бондарь, которой по итогам конкурса присуждена премия за лучшую женскую роль (Людмила в спектакле «Васса Железнова» и Сильвия в одноименной постановке).

Прошедший театральный сезон не принес побед Хабаровскому краевому театру драмы, и среди главных причин такого положения Владимир Оренов называет отсутствие программы развития, неотработанную репертуарную политику. А полюбившаяся практика приглашать на постановки режиссеров с уже поставленными (и часто не единожды) спектаклями перечеркивает такое понятие, как творческий поиск.

Есть проблемы, есть, и они схожи для многих театров. Чтобы их решить, требуются, конечно, и определенные вложения, и усилия, а самое главное – желание двигаться вперед. Потому что провинциальность – понятие не географическое. В свое время это доказывал Хабаровский театр драмы, с успехом гастролировавший по многим городам России, получавший в середине 1960-х прекрасные отзывы в Москве. Достоинство представлял свои работы на столичных подмостках в начале 1980-х Комсомольский драматический, и об этом говорят сохранившиеся в архивах рецензии. В нынешней ситуации планку профессионализма удерживают «Триада», ТЮЗ, КНАМ. И если в прошлом году столичные театроведы говорили о Хабаровске как о городе театральных «бутонов», которым требуются умелые садовники и устойчивая погода, сегодня, похоже, они начинают раскрываться. Все более значимым становится краевой театральный конкурс, и не последнюю роль играет тот факт, что к нам приезжают ведущие российские театральные критики, а это, прежде всего, объективный взгляд со стороны. В центральной прессе (всероссийская газета «Культура», московский журнал «Страстной бульвар, 10», «Петербургский театральный журнал») появляются серьезные публикации, на крупных фестивалях, в том числе и международных, наши театры достойно представляют свое искусство. И с этой точки зрения дальневосточная столица избавляется от статуса провинциального города и подтверждает другой – культурного центра.

«НОВЫЕ ГРАНИ»
*в театральном
пространстве Хабаровска*

Заслуженный артист
России Роберт Салахов

Анна МОРОЗОВА
Фото Алексея МАРТЫНЦА

Все-таки открытия делать радостно. Особенно когда погружаешься в размеренную повседневность, от которой нередко до скуки рукой подать. Но тут врывается событие, ворох творческих идей перемешивается с техническими мелочами, оргвопросами и репетициями, а в финале самый важный и ответственный момент, ради чего, собственно, все и затевалось.

Александр Молчанов

Лариса
Горбунова

Анастасия Дымнова и Виталий Федоров

«Новые грани» – фестиваль самостоятельных актерских работ, который проходит в Хабаровске каждую весну. Учредителями выступают министерство культуры Хабаровского края и региональное отделение СТД РФ (ВТО).

«Новые грани» заявили о себе пять лет назад, и это был достаточно смелый шаг. Театральная ситуация в городе в тот момент сложилась далеко не оптимистичная, фестиваль «Звезды дальневосточной сцены», объединявший когда-то все регионы Дальнего Востока, остался лишь в воспоминаниях, да и сама актерская братия не проявляла инициативы. Татьяна Копытина – заместитель председателя Хабаровского отделения СТД говорит о том, что самый первый фестиваль «Новые грани» начинался как эксперимент, причем довольно рискованный. Но расклад был таким: про-

должать жить скучно или попытаться наполнить творческое пространство чем-то интересным и праздничным, объединить актеров разных театров и дать им возможность проявить себя в новых ракурсах, пусть даже самых неожиданных. Рискнули, и не ошиблись. Хотя путь от идеи до ее воплощения оказался непростым, да и скепсиса со стороны окружающих хватало: «Зачем это нужно?»

«Было ощущение, что мы раскочевали тяжелый и неповоротливый колокол, – вспоминает Татьяна Копытина, – но постепенно становилось все легче и легче, и теперь уже сам колокол ведет нас. Главное, не дать ему остановиться».

Фестиваль «Новые грани», и в этом названии отразилась его суть, изначально ставил своей задачей создавать среду для творческого общения, обмена опытом, поиска и эксперимента, выявлять талантливых и активных актеров, поддерживать их творческую индивидуальность. К участию приглашались не только актеры театров, но и те, кто в настоящий момент не играет на сцене, а также студенты театральных вузов, работающие в театре. Конкурсные условия предусматривали вокальные, танцевальные и чтецкие номера, отрывки из пьес и сценические композиции, одноактные спектакли. Но при этом никаких жанровых ограничений – полная свобода творчества. Что касается наград, это три главные премии, поощрения в различных номинациях и Гран-при – творческая командировка в Москву.

Дальневосточники как никто могут оценить значимость такой поездки. Ог-

ромные географические расстояния и заоблачные тарифы на авиабилеты (к слову, почти недельное путешествие поездом из Хабаровска в Москву тоже недешево), затихшая гастрольная деятельность, редкая возможность участвовать во всероссийских фестивалях – все это сделало многих актеров невыездными. И нужно отдать должное Хабаровскому отделению СТД, которому удается всякий раз находить весомые аргументы для того, чтобы руководство российского СТД предоставляло дальнему региону путевку в Москву.

Свое название «Новые грани» оправдали с самого начала: каждый год загоралась чья-то звездочка. Самая первая была у актера Комсомольско-на-Амуре театра драмы Евгения Долгашова. Правда, в то время оргкомитет еще не имел в своем арсенале суперприз в виде творческой командировки, но победа от этого не потеряла значимости. Зато все последующие «Грани» уже предполагали серьезную борьбу за Гран-при. На втором фестивале о себе заявил молодой актер из Комсомольска-на-Амуре Владислав Якушев, следующим не менее интересным открытием стал хабаровчанин Дмитрий Кишко и его моноспектакль по пьесе хабаровского драматурга Константина Костенко. На прошлом фестивале все увидели совершенно новую грань в творчестве актрисы Хабаровского театра драмы Валентины Любичевой. В отрывке из спектакля «Свободная пара», где Валентина играла с актером Николаем Волковым, она проявила себя как талантливый режиссер. Вспышка «Новых граней-2008» – Александр Молчанов, актер Хабаровского театра юного зрителя. Его яркая работа в небольшом отрывке из спектакля «Королевские игры», державшая в напряжении весь зрительный зал, прозвучала еще и как серьезная заявка на будущее.

Пять лет для фестиваля – срок небольшой и даже показательный. Можно ведь легко оказаться в рамках «традиционного мероприятия», идти по накатанной, а потом ставить в отчетах галочки. В нынешнем году у «Новых граней» появились новые черты, значит, живой процесс, творческий. Фестивалю удалось выйти на региональный уровень, география его участников теперь простирается до Амурской области и Приморского края. Можно сказать, подарком для театралов стало участие в «Новых гранях» заслуженного артис-

Оксана Желтякова

та России Роберта Салахова (Амурский театр драмы, г. Благовещенск). Прочитав (хотя в данном случае лучше сказать, сыграв) поэму Иосифа Бродского «Новый Жюль Верн», актер открыл для многих еще одну грань в творчестве великого поэта, а зритель в свою очередь увидел, что такое настоящее мастерство на сцене. Мнение жюри было единогласным – диплом I степени.

Так же, как и Роберт Салахов, впервые заявила о себе на «Новых гранях» Наталья Ярцева из города Бикина. Выпускница Хабаровского института искусств и культуры, а сегодня преподаватель детской школы искусств, представила два номера – литературную композицию «О, Боже, сделай любящей меня...» и музыкальную композицию по мотивам русского фольклора и стала победительницей в номинации «Разумное, доброе, вечное».

У «Новых граней» есть свои «долгожители» – постоянные участники. Среди них актриса Хабаровского тюза Оксана Желтякова. Выступая достаточно ровно на предыдущих фестивалях, в этот раз Оксана покорила всех исполнением песни Тимура Шаова «Мечтательный пастух», сделав из нее яркий спектакль. Русская печаль пастуха, «который ведет коров и думает про жисть», вдруг сменяется потрясающим ритмом Испании, а деревянные ложки превращаются в кастаньеты. Талантливая работа, искрометная, и как итог – диплом II степени.

Особый акцент «Новых граней-2008» – студенчество, и в этом еще одна новая черта. Если прежде участниками фестиваля могли быть лишь те студенты, которые уже работают в театре, в этот раз организаторы убрали это ограничение и предложили попробовать свои силы всем будущим актерам. Понятно, что выступать на равных с профессионалами непросто, но кроме риска в этом еще и неплохая школа. Студенты рискнули, и кое-кто даже получил заслуженные награды. Анастасия Дымнова и Виталий Федоров (второй курс актерского факультета Приморской государственной академии искусств) представили на суд жюри и зрителей отрывок из пьесы А. Вампилова «Дом окнами в поле» и получили специальный приз «Талантливая поросль». Студент четвертого курса актерского факультета Хабаровского государственного института искусств и культуры Михаил Тычинин исполнил монолог Ричарда из шекс-

«Мария Стюарт»

пировского «Ричарда II» – награжден специальным призом «За трагический дебют». Серьезной заявкой, а именно так называется еще один специальный приз фестиваля, стала работа хабаровской студентки Марии Нестеренко в отрывке из трагедии Шиллера «Мария Стюарт».

«Новые грани» рождают сотворчество. Фестивальный номер «Мария Стюарт» – совместный проект студентов и актрисы Хабаровского ТЮЗа Марии Кучеренко. Спектакль «Иллюзия» по произведению югославского драматурга Йогача – интересная работа молодого режиссера Ильи Кузьмичева (диплом I степени), актрисы хабаровского театра пантомимы «Триада» Альбины Чайкиной (диплом II степени), артистов балета Хабаровского

музыкального театра и студентов.

Еще одна грань сотворчества – проект регионального СТД и кафедры декоративно-прикладного искусства Хабаровского колледжа искусств. Победители фестиваля стали обладателями замечательных авторских призов – декоративных панно с использованием резьбы по дереву. Первый опыт такого сотрудничества оказался удачным, и в будущем театралы и художники намерены его продолжать. Так возникает особое пространство, в котором объединяются актеры разных театров и городов, первые шаги на сцене, пусть даже не всегда удачные, делают студенты, получают возможность проявить себя люди других творческих профессий. И звонит колокол, не позволяя жить скучно.

«Иллюзия»

Александр Пышнёв

Очень трудно написать три этих слова: Саши больше нет. Потому что в коридоре все еще слышатся неторопливые шаги (его крошечная студия, где из-за аппаратуры не развернуться, находится рядом с нашей редакцией), кажется, что распахнется дверь, и он произнесет ставшую своего рода ритуалом фразу: «Привет! Как дела?» Присядет ненадолго, расскажет, как хотелось бы ему сделать фильм о маэстро Тице, но на это совершенно нет денег, а просить, выбивать не умеет. В последнее время Саша Пышнёв только об этом и думал, потому что за много лет собрал потрясающий архив о Викторе Зигфридовиче – записи концертов, гастрольных поездок по Японии, интервью. И сделать, по сути, осталось не так много: встретиться с внуком, который продолжает музыкальные традиции семьи, побывать на фамильном кладбище, где покоится Тиц. Но для этого нужно в Москву, за тысячи километров... Теперь проблема отпала сама собой.

Нашу идею написать о его последнем фильме «По следу «Золотой Ригмы» (ну кто мог подумать, что он и вправду окажется последним!) Саша встретил с полуулыбкой-полуусмешкой. Он не был публичным человеком и всегда предпочитал оставаться по ту сторону камеры. Но очень уж хотелось, чтобы в номере «Словесницы Искусств», посвященном юбилею города и края, вышел материал о человеке, который действительно многое вложил в наше культурное пространство. Материал вышел. Саши уже нет.

За последние пять лет, когда он пришел работать в Хабаровский фонд культуры в качестве руководителя программы «Золотой фонд Дальнего Востока», с ним произошли существенные метаморфозы. Из классного оператора он превратился в хорошего режиссера и совершенствовался от фильма к фильму. Стал «универсалом»: придумывал тему, снимал, выстраивал сценарную линию, монтировал. В Хабаровске профессионала такого уровня сегодня нет. И вопрос остается открытым: кто возьмется за незавершенные ленты? Кто?

Когда человек уходит из жизни, мы вдруг начинаем припоминать какие-то особые знаки. Все стали говорить о фильме, который Саша снял для личного киноархива в Париже прошлым летом. Попав в город своей мечты, он сделал странную вещь – впервые вошел в кадр. Ставил камеру на штатив и снимал себя в разных ракурсах на фоне городского пейзажа. Фильм коротенький, минут на десять. В финале Саша машет рукой, поворачивает и уходит.

Его друзья-телевизионщики вспоминали, что за несколько дней до смерти Саша заявил: «Я наметил для себя еще десять лет активной творческой жизни». А вместо этого заглянул в свой последний день в наш кабинет, улыбнулся, сказал: «Пока!», и закрыл дверь.

Редакция журнала «Словесница Искусств»

Александр ПЫШНЁВ

Учился на факультете архитектуры в Хабаровском государственном политехническом институте, потом в качестве художника пришел на Хабаровскую студию телевидения. Одновременно постигал операторское искусство. За 20 лет работы на краевом телевидении прошел путь от ассистента до оператора высшей категории. В соавторстве с журналисткой Евгенией Иванченко создал ряд документальных лент из цикла «Русский Харбин», «Японская элегия», а также «Духи Ныйво», «Завещание тисовой рощи» и др.

По заказу Федерального агентства по печати и кинематографии снял документальные картины «Танец дружбы», «Пограничная река», «Аури – точка выживания», «По следу «Золотой Ригмы».

С 2003 года Александр Пышнёв руководитель студии «Золотой фонд Дальнего Востока» Хабаровского краевого общественного благотворительного фонда культуры. За эти годы снял документальные фильмы о людях, которые составляют золотой фонд нашей культуры: «XX век художника Романова», «Поющая бронза», «Золотые купола», «Василий Бондарь. Бесплатный билет в кино».

Опровержение Соломона

Светлана ФУРЦОВА

Для одних край, где они родились и живут – это природа, ландшафт. Для других – место обитания, географическая точка на карте Земли. Однако для большинства из нас богатство и уникальность места проживания определяют в первую очередь люди, населяющие край, именно они делают нашу жизнь осмысленней и богаче в духовном отношении.

Есть люди, как оселки* времени и культуры. Встреча с ними значительна, словно сквозь седину времени сама эпоха вдруг взглянет на тебя мудрыми глазами, и ты остановишься, пораженный ее масштабом и мощью.

Документальный фильм «По следу «Золотой Ригмы» посвящен ученому-краеведу, охотнику, путешественнику, писателю, книгами которого зачитывается не одно поколение детей и взрослых, почетному гражданину Хабаровска, заслуженному работнику культуры Всеволоду Петровичу Сысоеву. Фильм снят киностудией «Золотая фонд Дальнего Востока» Хабаровского краевого общественного фонда культуры при финансовой поддержке Федерального агентства по культуре и кинематографии.

Всеволод Петрович награжден знаком правительства Хабаровского края «За заслуги» имени Муравьева-Амурского. Сведения о нем внесены Международным географическим центром в 15-й том кембриджской энциклопедии «Выдающиеся люди» за 1993–1994 гг. По его инициативе на Дальнем Востоке осуществлены многие проекты, среди которых памятник писателю Николаю Задорнову, создание зоосада.

«По следу «Золотой Ригмы» – это фильм-размышление человека, который стал легендой еще при жизни. Как поделился режиссер и оператор фильма Александр Пышнёв, приступая к работе над картиной, ему хотелось уйти от стереотипа личности кабинетного ученого, не ведающего сомнений, изрекающего лишь истины в последней инстанции. Рассказать что-то новое, о чем даже хорошо знающие Всеволода Петровича люди не всегда догадываются.

Работа длилась около года. Изначально для встречи с автором фильма Сысоев приготвил свой собственный план, которым собирался руководствоваться. Понадобилась не одна встреча, чтобы разговор стал приобретать черты наибольшей доверительности и Всеволод Петрович забыл про свой «план». И тогда словно распахнулись потайные дверцы его души, и живой

импульс наполнил сухую схему. Несмотря на прожитые годы, огромный опыт, заслуги в работе, Сысоев предстает в киноленте «По следу «Золотой Ригмы» человеком, который не утратил способности удивляться, размышлять, сомневаться.

Документальное кино – жанр особый. Это то, что происходит здесь и сейчас, своеобразный документ эпохи. Задача документалиста в том, чтобы не просто зафиксировать тот или иной факт, а суметь вычислить в нем драматургию, превратить реальную встречу в произведение искусства. Главное – подлинность того, о чем хотят рассказать авторы.

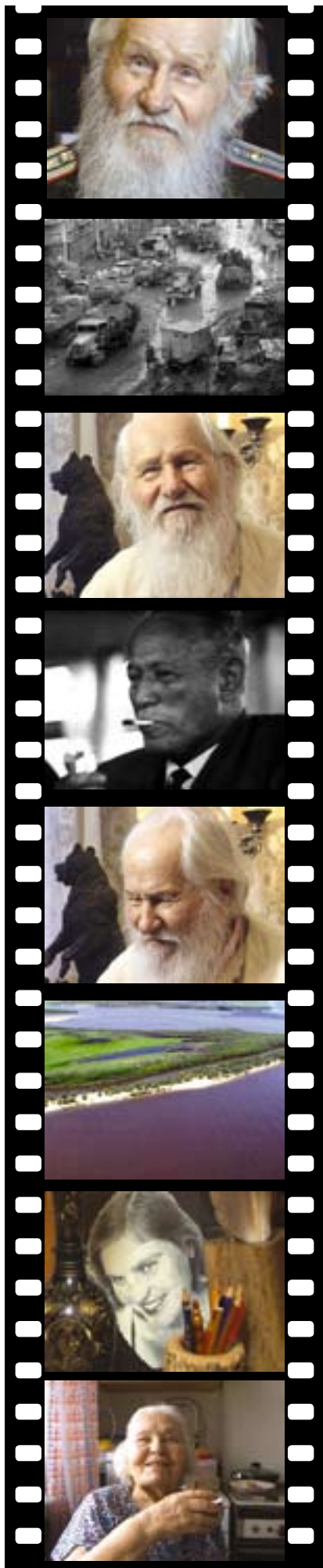
Что же это за след, по которому устремились создатели фильма? На Дальнем Востоке каждый знает, что золотая Ригма – это тигрица, о которой Сысоев написал прекрасную книгу, животное опасное и притягательное одновременно. Но в фильме Александра Пышнёва Ригма стала прообразом красоты и силы, символом жизни, которая идет вперед, не останавливаясь ни на минуту. К ней можно стремиться бесконечно, как к черте горизонта, уходя все дальше, дальше.

Раннее детство Всеволода Петровича прошло в Смоленске, от него память сохранила многочисленные митинги, предвестники первой революции. Потом семья переезжает в Ялту, где по окончании семилетки молодой Сысоев идет работать слесарем механических мастерских Крымкуртреста. Почувствовав тягу к знаниям, записался на курсы по подготовке в вузы и втузы. В 1932 году Сысоев поступил в зоотехнический институт, окончив который, в составе Зейской землеустроительной экспедиции приехал в Хабаровский край

– В Ялте я много читал и старался найти такого героя в литературе, которому хотелось бы подражать, – вспоминает Всеволод Петрович.

Такого героя Сысоев нашел для себя в повести Алексея Толстого «Князь Серебряный». Никита Серебряный на долгие годы стал его идеалом. А из женских образов самым пленительным в русской классической литературе до сих пор считает пушкинскую Татьяну Ларину.

* Оселок – пробирный камень для определения качества драгоценных металлов.

И здесь автор фильма переходит к самым лирическим страницам фильма – истории любви, которая не менее удивительна, чем жизнь, полная открытий и путешествий.

Всеволод Петрович и его жена Екатерина Максимовна познакомились перед войной.

– Это было в 1937 году, после окончания института, осенью меня вызвал начальник и сказал: «Слушай, ты сейчас поедешь по маршруту на Оху, туда пробирается одна медичка, захвати ее с собой». А я подумал: зачем мне лишняя обуза? Но когда увидел ее... В общем, покорила она меня навсегда... Я ведь как думал? Отработаю в экспедиции, заработаю денег, потом поеду в какую-нибудь губернию, там девушки попроще, найду себе работающую, трудолюбивую, да и женюсь, будем вместе путешествовать. И вдруг вот она, передо мной. И ехать искать невесту никуда не надо. Сначала присматривались друг к другу. Потом я сделал предложение, она приняла... С тех пор мы вместе...

Сысоева призвали на войну на второй день, он служил на дальневосточных рубежах, был солдатом милосердия 97-го медико-санитарного батальона, принимал участие в разгроме Квантунской армии.

Думается, пройти войну и остаться в живых ему помогло то обстоятельство, что дома его ждала молодая жена Екатерина Максимовна, которой он посвятил свои лучшие книги. Его путеводная звезда, встреченная им в жизни Татьяна Ларина. Всеволод Петрович уверяет, что Пушкина можно полюбить только за один созданный им женский образ – Татьяну.

В сорокаминутной документальной ленте, где перед зрителями во всей первоначальной красоте предстает уникальная дальневосточная природа, где небо, земля, животные, населяющие эту землю, составляют неделимое целое, есть горькие размышления ученого о человеке – «преобразователе» природы. «В природе, после того как появился человек, наблюдается неотвратимо нарастающий прогресс. Человек сумел подняться в воздух, нырнуть в морские глубины. Но разве в нравственном отношении он стал лучше? – спрашивает Всеволод Петрович. – Сейчас мы в нравственном отношении уступаем человеку XIX века».

Такие, довольно горькие, истины...

Думается, его любовь к природе, которая учит человека любить и ценить прекрасное, бережно относиться ко всему живому, спасала и врачевала душу в самые лихие годы. Сысоев много путешествует по тайге, размышляет, читает, находя в литературе подтверждение своим мыслям: «Еще старец Зосима в романе Достоевского говорил: «Любите животных. Бог дал им начало мысли. В мире все едино: растения, животные, человек...».

В документальной ленте «По следу «Золотой Ригмы» принимает участие писатель-сатирик Михаил Задорнов, который познакомился с Сысоевым в 1958 году, будучи совсем молодым человеком. С тех пор он считает Всеволода Петровича своим учителем: «Когда наступает трудный момент, когда надо сделать правильный выбор, я всегда обращаюсь к Всеволоду Петровичу, – рассказывает Задорнов. – Потому что он человек, выросший среди природы, а природа дает ответ на многие вопросы».

В фильме показаны смешанные леса, окружающие Хабаровск, или, как их называет Сысоев, северные джунгли, где наряду с представителями субтропических растений растут ели, березы, осины, сосны, встречаются тигры и соболи... Камера словно летит над заснеженными таежными дебрями, запечатлевая мгновения величественной дальневосточной природы.

Надо заметить, что любовь к природе у Сысоева очень созидательна. Достаточно вспомнить такой факт. В интервью нашему корреспонденту, опубликованном в первом номере журнала «Словесница Искусств» (это было 10 лет назад), писатель-краевед сетует, что не сумел в свое время убедить руководство в необходимости создания в нашем крае зоосада, и это из несбывшегося в жизни, что его мучает. Сегодня зоосад «Приамурский» одно из посещаемых и любимых мест дальневосточников и гостей, носит имя Всеволода Сысоева. Кстати, это предложение исходило от детей, чем Всеволод Петрович особенно гордится. В 2007 году зоосад «Приамурский» отпраздновал свое пятилетие.

Как отметил Всеволод Петрович Сысоев, уникальность нашего зоосада состоит в том, что он имеет обширные вольеры, которые соответствуют мировым стандартам. Поэтому условия жизни зверей и птиц, в нем проживающих, приближены к естественным. Человек, общаясь с животными, становится добрее, начинает по-другому относиться к окружающему миру.

Финал фильма звучит как наказ будущим поколениям. Это своеобразное опровержение известной истины «Все проходит», которую мудрец Соломон начертал на своем кольце. Нет, все остается, говорят своим фильмом создатели ленты «По следу «Золотой Ригмы».

Подтверждение тому – финальные строки поэта Федора Тютчева:

Чему бы жизнь нас ни учила,
А сердце верит в чудеса.
Есть нескучеющая сила
И есть нетленная краса.

И эта вера не обманет
Того, кто верит в чудеса.
Не все, что здесь цвело, увянет,
Не все, что было здесь, пройдет.

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

Выставка редких книг из Биробиджана

Лекции и творческие встречи

Осень в еврейском календаре время праздников. Здесь и Рош ха-Шана, еврейский Новый год, и десять дней трепета, которые завершаются в Йом Кипур – Судный день, и самый веселый и радостный – Суккот, когда в древнем храме совершали ритуал возлияния воды на жертвенник, этот праздник носит еще одно название – «Веселое черпание воды».

В. Цап. **Скрипач**. Холст, акрил

Содружество культур

Шалом! Здравствуйте!

*Дни еврейской культуры
в Хабаровском крае*

Гелена ВЕБЕР

Открытие выставки «Евреи в Харбине»

Презентация новых изданий

Б. Косвинцев. У каждого свой крест. Холст, смешанная техника

Но кроме календарных есть у еврейского народа и другие праздники. Это фестивали, концерты, конкурсы. Самая большая радость – это когда человек веселится с легкой душой, говорят евреи.

В Хабаровском крае, при поддержке губернатора Виктора Ивановича Ишаева, с 6 по 9 октября 2007 года в столице Дальневосточного федерального округа проходили Дни еврейской культуры. Столь масштабное мероприятие праздновалось в крае впервые. Оно проводилось под эгидой правительства Хабаровского края, министерства культуры и хабаровской еврейской общины «Мизрах» и было посвящено 125-летней годовщине деятельности еврейской общины в крае.

Если обратиться к архивным сведениям, первые еврейские поселения на территории Хабаровска появились в 1867 году, когда на берегу Амура был заложен военный пост Хабаровка. Первая еврейская община насчитывала всего 30 человек. Но уже в 1882 году генерал-губернатор Восточ-

ной Сибири Дмитрий Гаврилович Анучин дал разрешение на официальную регистрацию еврейской общины на Дальнем Востоке.

С тех пор в Хабаровском крае и на Дальнем Востоке проживают 135 различных национальностей. Только в Хабаровском крае еврейская община составляет сегодня около 10 тысяч человек. При общественной стабильности нашего края характерна толерантность населения к истории, культуре, национальному языку всех народов, живущих на земле приамурской, щедрой на таланты.

Это подтверждает и ежегодно проводимый в Биробиджане международный фестиваль еврейской культуры и искусств, своеобразным продолжением которого стали Дни еврейской культуры в Хабаровске, объединившие как жителей Дальневосточного региона, так и гостей из Москвы, Израиля, США, Еврейской автономной области и других регионов Дальнего Востока России. Это подчеркивал и де-

виз праздника «Ломир але инейнем» – «Давайте все вместе».

Открылись Дни еврейской культуры рядом выставок. Так, в краевой научной библиотеке состоялась презентация экспозиции «Еврейская книжная коллекция из фондов Биробиджанской областной научной библиотеки имени Шолом-Алейхема», а в краевом краеведческом музее имени Н.И. Гродекова был представлен выставочный проект «Толкование Торы», включивший в себя талмуды XVIII – XIX веков.

«Евреи в Харбине» называлась выставка уникальных фотографий, посвященная жизни российских евреев в Харбине, которая экспонировалась в краевом Доме творческой интеллигенции.

Пожалуй, впервые жители краевого центра имели возможность в таком объеме познакомиться с работами современных биробиджанских художников, как на выставке «Еврейские мотивы», которая открылась в зале Дальневосточного художественного музея – пятьдесят произведений живописи, графики и книжной иллюстрации из коллекции Музея современного искусства ЕАО, в которых нашла отражение самобытность национальных традиций еврейского народа.

Параллельно в выставочном зале еврейского культурного центра экспонировалась персональная выставка Владислава Цапа, на открытии которой присутствовал министр культуры правительства Хабаровского

В. Цап. Симха-Тора

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

В. Цап. **Шафар**. Холст, масло

В. Цап. **Отпусти народ мой!** Холст, акрил

В. Александров. **Еврей Петра Великого**. Холст, масло

Б. Стародубов. **Абориген**. Бронза, литье

Еврейские мотивы в ДВХМ

края Александр Федосов. В представленной экспозиции художник старался показать сюжеты, которые условно можно разделить на три основные темы: культура, еврейские праздники, работы по мотивам классиков еврейской литературы.

Дальневосточный художественный музей в рамках Дней еврейской культуры подготовил и показал программу мероприятий, посвященную творчеству знаменитых мастеров прошлого и наших современников в виде экспозиции прикладного искусства, филателистической выставки, обзора книг и альбомов из библиотечного собрания музея, а также лекций и видеопрограмм. Посольство Государства Израиль и Еврейское агентство в России прислали на Дни национальной культуры фильмы «Гости в шалаше», «Любовь и танцы», «Сломанные крылья», которые были включены в программу фестиваля еврейского кино.

Чудеса приготовления национальных блюд кулинары продемонстрировали на конкурсе, который состоялся в еврейском культурном центре «Мизрах». Любители спорта приняли участие в товарищеских встречах команд Хабаровского края и Еврейской автономной области по футболу и волейболу. Прошел также турнир по шахматам. А выступления коллективов народного танца из ЕАО выплеснулись на центральную площадь города, где в этот день проходили народные праздничные гулянья.

Участие ЕАО в Днях еврейской культуры – это не только организация выставок, но и презентация сборника стихов Павла Алексейчука «Моя судьба в судьбе Биробиджана», буклет из истории еврейского народа, спектакль «Трехгрошовая опера» по пьесе Б. Брехта, с которым биробиджанский народный музыкально-драматический театр «Когелет» познакомил жителей краевого центра. А завершился

фестиваль большим гала-концертом «Здравствуйте – Шалом!».

Как отмечали организаторы, концерт «Здравствуйте – Шалом!», в котором наряду с еврейскими исполнялись русские и корейские танцы, звучала украинская песня, можно назвать интернациональным. В нем также принимали участие Дальневосточ-

Художник Владислав Цап

ный симфонический оркестр, 20-й военный оркестр Дальневосточного военного округа, Яков Явно (США), украинский национальный хор «Криница», солисты краевого музыкального театра Татьяна Маслакова и Денис Желтоухов, молодежный народный ансамбль танца «Горенка», артисты краевого театра драмы, которые в рамках Дней еврейской культуры показали спектакль «Поминальная молитва» по пьесе Григория Горина. Ярким аккордом праздника прозвучало выступление популярного коллектива «Хор Турецкого» и великолепного джазового дуэта в составе Игоря Бутмана (саксофон) и Даниила Крамера (рояль).

Кто не любит веселиться! Но для евреев праздничное веселье – это еще и форма служения. Наши мудрецы подметили, что «радость снимает все барьеры между людьми». Веселье не признает авторитетов, радость объединяет. И только когда мы едины, возможно Избавление.

Фото В. Токарского, Г. Першиной и из фондов ДВХМ

Содружество культур

Стать самим собой

Елена СОЛНЦЕВА
Фото Валерия СПИДЛЕНА

Осенью 2007 года в дальневосточной столице состоялся десятый, юбилейный, фестиваль «Дни немецко-русской культуры».

Но говорить об этом событии как о подведении итогов за столь серьезный для творческого фестиваля отрезок времени почему-то не получается. Причина, наверное, в том, что Дни немецко-русской культуры в Хабаровске не застывшая традиция, а живой, постоянно развивающийся процесс. В поиске новых

тем и форм, а каждый фестиваль представляет собой тематически цельное «произведение», всегда рождается настоящее творчество. Его энергетика наполняет культурное пространство нашего региона, сокращает немислимые, на первый взгляд, географические расстояния, делая абсолютно реальным диалог самых разных культур. Очень точно выразил суть фестиваля один из его организаторов, пастор евангелическо-лютеранской общины св. Иоанна в Хабаровске Маркус Лезински: «Дни немецко-русской культуры не имеют конечной точ-

... СТАНЬ САМИМ СОБОЙ...

Маркус Лезински

Вокальный ансамбль «Диалог» и квартет Дальневосточного симфонического оркестра

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

«Неспящие в Хабаровске»

Эва Эгер. Мастер-класс современного танца

ки, это постоянное движение, новые встречи, новые открытия». Маркус Лезински подчеркивает, что фестиваль – яркая творческая акция, которая является гражданской инициативой, поскольку она не спущена сверху и не зависит от воли чиновников.

События юбилейного фестиваля организаторы объединили темой, которая всегда волновала людей – поиск себя и своего пути в этом мире. Отсюда и название «Стань самим собой...» – призыв немецкого философа Фридриха Ницше. Отталкиваясь от него, поэт Арсений Тарковский написал стихотворение «Стань самим собой», в котором есть такие строки:

Найдешь и у пророка слово, но слово лучше у него,
И ярче краска у слепца, когда отыскан угол зренья
И ты при вспышке озаренья собой угадан до конца.

По словам руководителей фестиваля Татьяны Мисевич и Татьяны Филобок, яркие вспыш-

Заключительный концерт фестиваля. Дальневосточный симфонический оркестр под управлением Эккарта Шлойфера. За роялем Олег Вайнштейн

ки таланта участников и гостей Дней немецко-российской культуры побуждают являть миру свои творческие открытия.

Этими яркими вспышками стали встречи с молодыми хореографами Эвой Эгер и Эльзой Артманн из Регенсбурга, которые представили программу современного танца и дали мастер-классы по основам современной хореографической техники импровизации и контактной импровизации. Одним из хайлайтов фестиваля была ночь искусств и спорта «Неспящие в Хабаровске» с участием театра КнАМ из Комсомольска-на-Амуре, «Мим и К^о» А. Толстокулакова, немецких хореографов и всех неспящих горожан. В огромном действе сплелись пантомима и этническая музыка, контактная импровизация, театральные эксперимент, фитнес, немое кино.

Фестиваль – это всегда интересные арт-проекты с акцентом на актуальное искусство, неординарные театральные постановки,

Эва Эгер и Эльза Артманн

кинофестивали, представляющие наиболее яркие работы современных немецких кинематографистов, презентации новых изданий, семинары и «круглые столы». В музыкальном разделе Дней немецко-российской культуры концерты Дальневосточного симфонического оркестра, выступления ведущих российских и зарубежных музыкантов. Уже несколько лет подряд в Хабаровск приезжает дирижер из Германии Эккарт Шлойфер, пианист из Санкт-Петербурга, лауреат международных конкурсов Олег Вайнштейн, который, к слову, всегда дает мастер-классы для студентов и преподавателей Хабаровского колледжа искусств.

Есть и еще одна особенность этого фестиваля. Помимо официальных событий, которыми наполнены октябрьские дни – открытия выставок, презентация, премьеры, концерты, перформансы – всегда проходят неформальные встречи хабаровчан с художниками, музыкантами, литераторами. И это главная задача, о которой говорят организаторы Дней российско-немецкой культуры и к которой стремятся – максимальное вовлечение зрителя в творческий процесс. Чтобы каждый мог почувствовать свою неординарность, найти свой путь и стать сами собой.

Содружество культур

Тина Штольт. Игра света и тени

Анастасия БЕРКОВСКАЯ
Фото Валерия МАЙОРОВА

В 2007 году в рамках международного фестиваля «Дни немецко-российской культуры» в Дальневосточном художественном музее состоялась выставка инсталляций художницы из Германии Тины Штольт. Экспозиция, получившая название «Тени времени», дала возможность зрителю вновь прикоснуться к образцам современного искусства.

Вглядываясь в инсталляции и рисунки Тины Штольт, постепенно приходишь к мысли о том, что ее авторское видение и индивидуальная манера реализации своих творческих замыслов недалеки от образцов классического искусства. И, по сути, имеют ту степень выразительности, которая уже была воплощена старыми мастерами или же художниками рубежа XIX–XX веков. Самые первые непосредственные ассоциации связаны с рисунками Родена, Шиле, Климта.

Искусство рисунка в руках Тины Штольт обращается в инсталляции. В них – облегченные

Тина ШТОЛЬТ

1964 – родилась в Гуммерсбахе (Германия).

1984–1991 – изучение истории искусства, графики и психологии в Марбурге.

1991–1993 – руководство печатной мастерской института графики и живописи (университет Philipps, Марбург).

1996 – ателье GEDOK в Любеке.

1996, 2001, 2005 – декорации театра танца, Бротфабрик/Бонк.

2002 – преподаватель Педагогического института Карлсруэ по классу печати и рисунка.

2008 – руководитель летней академии в Марбурге.

от излишней фактуры образа. Сохранив подвижность, женские обнаженные тела произвольно расположились на газовой ткани. Они почти прозрачны, легки, стремятся к полету, и в то же время обладают экспрессией чувственной плоти.

Прежде чем делать ту или иную выставку, художница сначала осматривает пространство, душой проживает потоки его незримых энергий. Монтаж экспозиции тоже является актом творения. В результате единое пространство инсталляции и выставочного зала играет решающую визуальную роль. Где бы ни экспонировались работы Тины Штольт – в стенах старого монастыря или бывшего промышленного цеха – в любое место они вносят гармонию. Создается впечатление перерождения пространства, которое вдруг наполняется осмысленной, чувственной энергией.

Визуальный контакт с инсталляциями Тины словно дает зрителю возможность раскрыть в себе особого рода ясновидение. Ты вдруг способен увидеть все то, что раньше было позволено только чувствовать: особую энергию, обретающую у Тины мягкую, грациозную, едва намеченную оболочку линии, формы, фигуры, образа. Впечатление усиливается, если в пространстве есть едва уловимое движение воздуха. Тогда инсталляции начинают жить своей жизнью, и создается естественное мерцание светотеней...

При знакомстве с художницей мне показалось, что Тина немногословна и менее всего склонна говорить о смысловой стороне творческого вдохновения. Конечно, она права. Тина Штольт убеждена, что главное – индивидуальная работа души самого зрителя.

– Изображенное – это рассказ о моих впечатлениях, а каждый посетитель находит что-то свое, – говорит Тина Штольт. – Прозрачность материалов, с которыми я работаю, важна: можно двигаться в любом направлении выставочного зала, выбирать любую точку обзора, варьировать взгляд. Именно в движении постоянно меняется угол зрения на фигуры.

– Тина, вы провели в Хабаровске мастер-класс «Пространство и рисунок. От рисунка к инсталляции». А каким образом вы сами проходите этот путь?

– Сначала я прихожу в то место, где планируется экспозиция. Инсталляция требует долгой подготовки, потому что она готовится именно для того места, в котором будет представлена. Инсталляцию нельзя отделить от контекста пространства. Я размышляю в том месте, мои ощущения обостряются, я начинаю рисовать прямо там. Делаю фотоснимки. Дома продолжаю рисовать, оставаясь в том особом состоянии. Несмотря на то, что готовая инсталляция выглядит набором незаконченных эскизов, для них я делаю большое количество зарисовок, из которых выбираю, как мне кажется, подходящие. Затем продумываю конструкцию, как может выглядеть инсталляция. И хотя происходит большая живописная работа с привлечением

печатной графики, я называю это рисунками.

– Кроме того, что представлено на выставке «Тени времени», у вас есть и другие работы. Расскажите о них.

– Да, у меня есть объемные инсталляции, но их, к сожалению, нельзя транспортировать. При определенном освещении эти конструкции из проволоки, обтянутой газовой тканью, образуют тени на стенах, за счет чего создается дополнительный особый рисунок, входящий в единое пространство композиции.

– Я знаю, что некоторые ваши инсталляции были представлены в соединении с современным танцем.

– Действительно, на презентации одной выставки, где были представлены разные художники, рядом с моими инсталляциями выступала японская танцовщица, которая видела мои работы впервые. Она импровизировала. Это было интересно и для нее, и для зрителей. Что же касается данного направления, время от времени я как декоратор работаю совместно с театром танца. Именно театральное искусство позволило мне понять решающее выразительное значение света. При перемене освещения меняется вся композиция в целом. Именно поэтому я ввожу в свои инсталляции световые эффекты.

– В вашем творчестве доминируют женские образы.

– Я художница и пользуюсь ощущениями своего тела, тем, как я воспринимаю мир. Для меня важна творческая самостоятельность. Для женщины-художницы не так просто занять самодостаточное место в мире мужчин, если вы понимаете, о чем я.

– Тина, вам как педагогу во время мастер-класса для русских студентов какие мысли важно было донести?

– Мне кажется, что русский образовательный метод в настоящее время только на пороге нового. Художественное обучение в России, на мой взгляд, консервативно. Но ваша школа готова к диалогу. Многие перемены в образовании происходят через личный контакт студентов с современными художниками, представляющими актуальное искусство.

Человек, который рядом

Портрет в музейном интерьере

Светлана ФУРЦОВА

Проработать более двадцати лет среди постоянно меняющихся экспозиций, картин и живописных полотен, которые уже «едут» на сотрудников, ежедневных проблем, требующих немедленного разрешения, – это можно объяснить только любовью и бесконечной преданностью своему делу. Впрочем, директор Дальневосточного художественного музея, заслуженный работник культуры РФ Валентина Александровна Запорожская считает, что у каждого на Земле своя миссия. Она нашла свое дело в музее, и вот уже 23 года ощущает себя абсолютно счастливым человеком.

По окончании педагогического института в Комсомольске-на-Амуре Валентина Запорожская работала учителем в средней общеобразовательной школе. Потом ее избрали секретарем горкома ВЛКСМ. Обычно сегодня мало кто любит вспоминать о своей комсомольской деятельности, но для Запорожской это был неоценимый опыт организационной работы, который впоследствии, когда ее перевели в край, пригодился в создании музея «История комсомольского движения на Дальнем Востоке». Музей был признан одним из лучших в стране; при нем работал молодежный клуб, проводились различные творческие акции и мероприятия. Клуб активно посещался студенческой молодежью, был востребован. Так что к моменту назначения Валентины Запорожской в 1985 году директором Дальневосточного художественного музея опыт музейной работы у нее имелся.

– Когда я приняла Дальневосточный художественный, в его фондах было около трех тысяч работ, сегодня насчитывается до двенадцати тысяч, – делится Валентина Александровна. – Не всякий музей может за такой сравнительно небольшой срок собрать столь внушительную коллекцию.

Сегодня ДВХМ – крупный научный и культурный центр, где проводятся не только экспозиции, но и музыкальные вечера, концерты, в которых принимают участие лучшие артисты города. И хотя музей давно вырос из того предназначения, которое диктовалось условиями 1990-х годов, он, как и раньше, продолжает тесно сотрудничать с региональными музеями Камчатки, Сахалина, Биробиджана, Комсомольска-на-Амуре, оказывая им помощь в организации и становлении музейного дела.

– За 23 года у меня было много благодарностей и грамот, – признается Валентина Александровна, – но самая приятная – благодарственная грамота за тесное сотрудничество и оказание помощи музею от главы администрации Комсомольска-на-Амуре Владимира Петровича Михалева. Одну из последних выставок, гравюры петровской эпохи, которую мы организовали у них в городе, посетили около 15 тысяч комсомольчан.

Дальневосточный художественный поддерживает постоянный контакт с Приморской государственной картинной галереей. Несколько лет назад во Владивостоке экспонировалась картина Тициана «Ревекка у колодца» из фондов нашего музея, а в феврале 2008-го хабаровчане получили от приморских коллег ответный визит – «Портрет брата Давида с мандолиной» Марка Шагала.

«Неделя с Марком Шагалом», или выставка одной картины, которая экспонировалась в зале Русского искусства ДВХМ, стала событием в культурной жизни Хабаровска.

Год от года музей набирает силу, расширяет образовательную и просветительскую деятельность, привлекая к сотрудничеству негосударственные организации. Так, благодаря министерству образования, выпустили специальный диск, где представлены уникальные музейные экспозиции, помещены сведения о художниках, различных направлениях в живописи и графике.

Около десяти лет министерство природных ресурсов поддерживает художников из числа коренных народов Приамурья и Дальнего Востока, помогая им в реставрационной, комплектационной и издательской деятельности. Около 90 работ художников, среди которых хорошо знакомые в крае Илья Лиханов, Николай У, были подготовлены к зональной выставке, которая состоялась в галерее имени А. Федотова Хабаровского отделения Союза художников России.

За год в музее проходит около 30 различных выставок, это составляет четыре процента от всего фонда. Чтобы этот процент был большим, необходимо расширять площади.

Верный принципу не только сохранять, но и преумножать художественные ценности, музей, несмотря на нехватку площадей, продолжает приобретать новые картины. Так, лет десять тому назад музей в свое пользование приобрел работы замечательного красноярского художника Андрея Поздеева. Сегодня его имя широко известно в мире, работы хранятся в Третьяковке, Эрмитаже, Русском музее, а также за рубежом.

В течение 20 лет в музейных фондах скопилось более 5 тысяч работ из коллекции современного искусства – картины, скульптура, экспонаты. Это создает предпосылки для создания музея или галереи современного искусства, ведь чтобы воспитывать и формировать вкус молодежи, уверена Валентина Александровна, нужно, чтобы они видели, понимали и учились воспринимать искусство.

Так что среди проблем вопрос площадей стоит на первом месте.

В музее работает единственная на Дальнем Востоке библиотека искусств, имеется небольшой читальный зал.

Особую гордость директора составляет современное оснащение музейных залов. Одним из первых наш музей вошел в автоматизированную систему каталогов.

Как подчеркивает Валентина Александровна, Дальневосточный художественный один из немногих региональных музеев, где люди работают по 20–35 лет.

Показателем высокого уровня работы можно считать тот факт, что творческий коллектив сотрудников музея за последние пять лет трижды удостоен премии губернатора края в области изобразительного искусства – за проект «Два мира», альбом, посвященный ДВХМ, а также передвижной проект «Близкое искусство».

Однако, несмотря на ощутимые успехи и достижения, Валентина Александровна мечтает о создании при музее детской студии, где хабаровские художники проводили бы для учащихся мастер-классы, обучали их элементам живописи, об открытии в городе зала современного искусства. Фондохранилище, оснащенное по последнему слову техники, доступное для посетителей, – тоже одно из заветных желаний директора. Ибо Дальневосточный художественный, как визитная карточка краевой столицы, должен и может соответствовать мировым стандартам.

За свой труд Валентина Александровна Запорожская награждена орденом Дружбы народов.

Фото Галины ПЕРШИНОЙ

Выставки

Вадим Флиссак (справа) и Игорь Кравчук на открытии выставки.

«Фигуры» из Санкт-Петербурга

Светлана ФУРСОВА

Персональная выставка «On rarer» Санкт-петербургского художника-графика Вадима Флиссака состоялась в выставочном зале галереи современного искусства Регионального творческого союза на Соборной площади.

Хотя последние годы Флиссак живет и работает в Санкт-Петербурге, начало его творческого пути связано с Хабаровском. Здесь он учился на художественно-графическом факультете Хабаровского государственного педагогического института, здесь живут друзья, педагоги, коллеги.

В экспозицию вошли девять работ Вадима Флиссака из его новой серии «Фигуры». Это большие интерьерные картины, выполненные на фотобумаге высокого качества, где «фигуры» – яркие цветовые пятна в белом пространстве – прекрасно сочетаются с другими предметами интерьера. Не менее интересны небольшие графические листы, созданные в технике «сухой иглы». Художник как бы столкнул эти две техники в едином пространстве выставочного зала.

Как отмечают организаторы выставки, для города, где современное искусство практически исчезло, выставка Вадима Флиссака стала событием в мире изобразительного искусства. Ибо язык, на котором художник разговаривает со зрителями, это международный язык, восходящий к аван-

гардизму, в основе которого лежит русское искусство начала XX века. Освобожденное от всяческих идеологий и наслоений, оно возвращается к нам сегодня.

Однако элитное искусство всегда развивалось обособленно, в отрыве от общепринятых канонов, поэтому в самой идее выставки заключался известный риск: поймут ли? Не зря проект готовился и обсуждался в течение длительного времени. «Несколько лет назад, – признался Вадим Флиссак, – представить цикл «Фигуры» в Хабаровске для меня было невозможно. Хотя смысл творчества художника, занимающегося работой в экспериментальной технике, заключается в самом творчестве, а вовсе не в реакции зрителей».

Сегодня Вадим Флиссак работает в различных графических техниках – офорты, литография, рисунок, коллаж, смешанные техники. Он создает объекты из разных материалов, а также инсталляции, авторские книги, занимается дизайном печатных изданий. Его работы находятся в собраниях Государственного Русского музея, Дальневосточного художественного музея, а также в художественной галерее Калининграда, Британской национальной библиотеке, Государственной библиотеке Саксонии.

Постоянный поиск новых форм, стремление к эксперименту не самоцель, а желание художника быть услышанным и понятым современниками.

Выставки

Мироощущение двух художников

Татьяна ДАВЫДОВА,

искусствовед, член Союза художников России,
заслуженный работник культуры РФ

Два совершенно разных художника Николай Вагин и Станислав Шаронов решили организовать и объединиться на время выставки «Два художника одной России». Этот союз казался многим невозможным. Тем не менее ожидания не оправдались: художники замечательно сосуществуют произведениями, и отдаленность во взглядах на искусство создала атмосферу неожиданной гармонии.

С. Шаронов. **Переходный возраст.** Бумага, картон. 74x54. 1999

Николай Вагин и Станислав Шаронов

Станислав Германович Шаронов – художник-живописец. Интеллигент в понимании минувшего века, что включает, прежде всего, большую требовательность и в служении искусству и на ниве педагогической деятельности. Шаронов из той русской интеллигенции, которую всегда терзала боль и ответственность за все, что происходит в обществе. Эти качества не способствуют получению наград, званий и широкой известности. Творчество Станислава Шаронова совпало с нелучшим временем для здоровья нации, и тем не менее он не изменил своим принципам, у него никогда не было намерения уехать, он не чувствует себя человеком мира. У художника Малявина в шумном царстве яркого красочного карнавала присутствует гимн здоровой жизни, но чем дальше он был от России, тем больше и больше блекли пышные многоцветные сарафаны русских румяных красавиц. На чужбине закончился праздник красок Малявина, поблекла живопись, не стало источника вдохновения. У Шаронова есть привязанности, есть чувство долга и, что самое мощное, неразрывная связь с культурой предшественников.

На выставках 1990-х годов, эпохи плюрализма и гласности, картины Шаронова останавливали зрителя. Безумная, нелепая жизнь, изображенная в картинах, сначала вызывала смех у зрителя, а затем неодолимую тоску. «Цыганка» с подбитым глазом «втайне» торгующая сигаретами в розницу, «Ветеран на рынке», «Уборщица» со значком на телогрейке, свидетельствующем о высшем образовании, бродячие мальчишки пионерского возраста. В его произведениях нет скучного жанра, копирующего действительность, нет живописного репортажа с улицы. Произведения саркастичны и покоряют точными живописными характеристиками: безумный красочный каскад, охвативший рынок

С. Шаронов. **Деревенский полдень в поселке Шумнаш.** Холст, масло. 42x74

С. Шаронов. **Старый рыбак.** Бумага, картон. 84x60. 1988

С. Шаронов. **Маленький солдат.** Картон, масло. 80x50. 1989

С. Шаронов. **Родительский дом.** Холст, масло. 89х193. 1997

С. Шаронов. **Цыганка.** Холст, масло. 111х72. 1990

всю жизнь – все в ней меняется и продается: сигареты, люди, совесть. Натюрморт «Родительский дом» в голодные 1990-е воспринимался историческим, ибо предметы, изображенные в нем, казалось, вернулись к нам из социалистического рая – домашнее молоко, яйца, масло... Талант и профессионализм позволяют художнику легко работать с формой и чувствовать живописную слаженность композиции. Порой натюрморт – «мертвая натура» – нам передает время честнее, чем газетные сводки. Для будущего натюрморты Шаронова будут ценным подарком не только в плане живописи. Они уже сейчас нам интересны, как будто уходит с этими простыми вещами теплота и искренность, что очень дорогое, очень душевное.

Шаронов замечательно мог устроиться, если бы писал в угоду новому классу – зарождающейся буржуазии. Ей угодить несложно. Но трудно представить, чтобы кто-то картину Шаронова, например «Продавец ваучера», повесил в роскошной квартире. Культура меценатства и коллекционирования давно в России отсутствует, поэтому творчество Станислава Шаронова два десятилетия оказалось невостребованным. Как известно, именно произведения, созданные не на заказ, не в угоду сиюминутной моде, переживают время, именно такие работы более всего представляют интерес для будущего, для музеев, галерей и коллекционеров.

Горизонт творчества Станислава Шаронова охватывает разные стороны жизни. Портретист Шаронов обладает редким даром схватывать натуру в момент, когда она более всего на себя похожа: «Маленький солдат», «Портрет ветерана». Этому всегда следовали лучшие портретисты России.

Опять же в лучших традициях старых мастеров художник относится к технике карандаша с большим пиететом. Солидная часть выставочных произведений Шаронова выполне-

на в карандаше. Эта техника как вид искусства более всего связана с непосредственными наблюдениями, с умением отбирать, вырабатывает чувство стиля, будит воображение. Истинный любитель карандаша всегда философ, поскольку в изображении того или иного предмета задача дойти до сути предмета, как в передаче материального чувства предмета, так и в эмоциональном отношении. Огромное разнообразие самых простых вещей запечатлено в натюрмортах «Утюги», «Деревенский натюрморт», «Натюрморт старого двора». Наброски, выполненные в карандаше, создали на выставке атмосферу откровения, приблизили зрителя к таинству созидания, рождения будущих произведений. Из набросков соткана вечность. Такие

наброски еще и своеобразный мастер-класс, который свидетельствует о профессионализме автора.

«Русский человек, природный человек» – вспоминаются слова при взгляде на удивительно тонкие пейзажи Станислава Шаронова. Огромный спектр изменчивой природы в пейзажах, созданных непосредственно с природы. «Тында», «Пригород Хабаровска», «Русские березы» – ничто так не тревожит чувства художника, как непосредственное общение с природой. «Трапезная Новодевичьего монастыря» – воздух, солнце, длинные тени. Точный глаз художника может нам передать, с какого места и в каком часу писался этот этюд.

Вторая половина выставки принадлежит

С. Шаронов.
Прядение из козьей шерсти.
Холст, масло. 110x85. 1987

Николаю Ивановичу Вагину. Родился он на Камчатке, в селе Соболево. Выпускник художественно-графического факультета Хабаровского государственного педагогического института, художник-живописец, педагог. Картина выставки «Светлая память», на мой взгляд, большая удача художника, поскольку в известном сюжете он сумел передать чувства, касающиеся едва ли не каждого, передать возвышенно и проникновенно. Майский праздник, весна, время цветения черемухи – сюжет близкий и понятный, герои картины родные ему люди. «Все мы родом из детства», и ценности этих людей впитал художник, их отношение к жизни ему дорого и уважительно, поэтому сюжет в его звучании обрел некую монументальную значимость. Тающий запах черемухи, простые вещи – лук, хлеб, известные фронтовые «сто грамм», а в центре картины – два ветерана. День Победы, и они расположились в саду, быть может, на своих шести сотках – все, что осталось в их жизни. Два ветерана, два совершенно разных характера, и, что неожиданно, они не вызывают покаянной жалости. Напротив, чувствуется, что в их беседе нет горечи, память о достойно прожитой жизни запечатлена в картине.

Картина «Братишка» не лишена иронии, она дань красивой юношеской мечте о дале-

ких морских путешествиях. Забыть невозможно созданный в воображении еще подростком просоленный ветром и штормами героический образ «Братишки». Картина решена в холодной серо-синей гамме, а мерцающие блики на воде, как Млечный Путь, манящий в неведомое пространство будущего. Прав был Бодлер: «...без воображения нет художника». Конечно, судьбе было угодно распорядиться иначе, мечта материализовалась, но немного в другом качестве: созерцательность юного моряка пригодилась, «братишка» стал художником. Помимо мечты хорошо, когда на жизненном пути встречаются люди, благодаря которым строится в правильном направлении будущее. Так случилось, что встреча с художником Василием Николаевичем Высоцким оказалась судьбоносной для Николая Вагина. Высоцкий посоветовал Николаю, каким образом можно стать профессиональным художником, он не стал отговаривать юношу, пугать или ориентировать на мифическую перспективу, посоветовал поступать на худграф. Возможность была реальной, а талант находится вне плоскости образования. Николай Иванович Вагин в искусство поднялся не на скоростном лифте. Ему не повезло, он не входил в разряд художников, которые бесплатно пользовались государственной заботой. Но

Н. Вагин.

После дождя.

Холст, масло. 70x90

Н. Вагин. **Светлая память** Холст, масло. 120х90

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

Н. Вагин.
Старая Булава.
Холст, масло. 90x110

Н. Вагин.
Братишка.
Холст, масло. 74x90

он сам выбрал свой путь. В 1970-е годы работал на архитектурном факультете, затем в художественном музее. В 1980–1990-е годы стал основательно задумываться о том, что общение со зрителем необходимо, а участие в выставках дает движение и творческую осознанность. Запечатлеть повезло тем художникам, которые захватили время поездов на творческие дачи – в Крым, на Байкал, в Подмосковье, Прибалтику. Здесь происходили встречи с настоящими мастерами. Дальний Восток стал территорией для творческого вдохновения Николая Вагина. Есть чему позавидовать – Камчатка, Сахалин, Приморье, Тихий океан. Что еще нужно для тонкой романтической души? Покой и вечность, земля легенд и мифов, известный памятник древней цивилизации село Сикачи-Алян.

В картине «Летний день» все погружено в цвет лета – зеленый, в котором растворяются контуры предметов, все обаяние в состоянии, переданном за счет воздуха, возникает ощущение беззаботного детства. Холодная сине-серая гамма полотна «Алеутский клык», вечно пасмурная с резко очерченными скалами северная природа с ее отстраненностью – в ней нет присутствия человека. «Старая Булава» – рыбацкий поселок, в котором проходит жизнь не одного поколения, суровая природа определяет и нелегкую жизнь. На первый взгляд лаконичный язык формы и живописи, но как сложен цвет, сколько вмещает нюансов, которые сливаются в звучание основного тона. В многоцветной природе он находит лейтмотив. В «Сикачи-Аляне» солнце будто выбелило пространство, но белый цвет может быть удивительно многокра-

Н. Вагин.
Сикачи-Алян.
Холст, масло. 90x110

сочным и создавать ощущение бесконечного пространства и вечности, что свойственно эпическим произведениям.

К сожалению, закончились времена, когда художников вместе с геологами летчики могли дружески забросить на вертолете в самые глухие места, например на Охотское побережье или Чукотку. Поэтому почти исчезли с выставок эпические пейзажи нашей родины,

Н. Вагин.
На Амуре.
Холст, масло. 90x120

написанные по этюдам, привезенным с Байкала, Камчатки; пейзаж-картина теперь большая редкость. Чувство любви к родине в художественном произведении не всегда соотносится с размером полотна. Вспомним знаменитый пейзаж А.К. Саврасова «Грачи прилетели». Как часто бывает, что в небольшом полотне художника запечатлены простые сюжеты, легко узнаваемые, но в них так пронзительно переданы чувства восхищенной души, что вызывает ответную благодарность. «Сумерки», «После дождя», «Большая вода». Приютившийся у берега реки поселок рыбаков, умытая свежим дождем деревушка, голубые сумерки с прозрачным воздухом. Пейзажи Николая Вагина имеют свойства откровений, поэтому получаешь удовольствие оттого, что твои ощущения совпадают с чувствами автора.

Оценивать художника – вещь бесполезная и опасная. Независимо от того, к какому художественному методу примыкает художник, судить его будут потомки по тем законам, которые он сам для себя установил. Наверное, неслучайно столь разные художники Станислав Шаронов и Николай Вагин объединились и организовали выставку. При разном мироощущении и отношении к искусству они не считают искусство игрой холодного разума, пытаются максимально выразиться и найти ответное понимание, благодаря которому творчество обретает смысл.

Вспомним имя

Солнечный художник с детскими глазами

Елена ГЛЕБОВА

Почти год назад, в сентябре, хабаровские художники провожали в последний путь Сергея Петухова.

И вроде бы время должно лечить, но ощущение от этой потери становится только острее. Уже весна отправила восвояси надоедливую зиму, уже Амур унес на своих волнах сверкающие шепчущиеся льдины, а холсты так и остались нетронутыми. Незадолго до своего ухода Сергей заготовил их великое множество, чтобы работать, работать, работать. Потому что впереди очередная зональная выставка – для художников событие значимое, этапное. Но человек может лишь предполагать. Не получилось начать с чистого листа, с чистого холста...

В семьдесят первом году теперь уже прошлого века первокурсники худграфа отправились на свой первый пленэр в живописное село Вятское. Тогда многие увидели, насколько одержим Сергей Петухов в работе. Он делал огромное количество акварелей, и, как вспоминает его однокурсник Александр Рябчук, этюды эти были почти готовыми картинами. В пространстве приамурских пейзажей обитали звери и птицы, рыбаки уходили на своих лодках в сторону заката, закручивались простые и сложные сюжеты.

Накануне диплома весь курс махнул на Сахалин писать красоты острова, а Сергей вместе с Анатолием Дашкеевым поехал на БАМ. Работы, которые он оттуда привез, не отличались чем-то особенным, но соответствовали духу времени и сразу попали на краевую молодежную выставку «БАМ-75». Свой диплом Петухов тоже посвятил строителям легендарной магистрали, и, видимо, поэтому многие видели его будущее вполне традиционным, без особых взлетов и падений. Все оказалось с точностью до наоборот.

Александр Михалевич жил в ту пору на Севере и ненадолго приехал в Хабаровск. Лет пять не был в городе, ходил по мастерским, общался с друзьями. Случайно встретил Сергея, и тот зазвал его к себе. «Я зашел к нему в мастерскую и испытал настоящее потрясение, – рассказывает Александр Михалевич. – Передо мной стояла картина, в которой я сам себе ничего не мог объяснить. Она называлась «Август» и вся была пронизана тайной: плотные, насыщенные августовские краски, ночь, две неясные фигуры. Я понял, что это совсем не тот Серега, которого, как мне казалось, я знал раньше, что это художник – настоящий, сформировавшийся. И что мне за ним тянуться и тянуться, как ученику за мастером. Своей картиной Сергей сделал настоящий подарок, и даже спустя годы я помню те ощущения».

Примерно те же чувства испытал и Александр Рябчук, когда после длительного отсутствия вернулся в Хабаровск и попал на молодежную выставку. Холсты Сергея Петухова – сверкающие, фантастические по цвету, абсолютно новые по форме – ошеломили.

Такой уж человек Сергей: всегда изум-

лял, потрясал. Восторженное отношение к жизни – качество, свойственное в основном детям. В Петухове жил ребенок, искренний и открытый. Вдохновенно читал стихи французских поэтов, отчаянно дискутировал с братьями по творческому цеху, петушился, вполне оправдывая свою фамилию, доказывая свою правоту. И воспринимал мир в чистых и ярких красках, выплескивая этот восторг на холсты. Очень точно подметил Александр Ле-

петухин: несмотря на все «выкрутасы» Сергея, к нему очень хорошо относились, потому что понимали, какой он на самом деле – добрый, порядочный, надежный. «Петухов скрывал это за внешней бесшабашностью, но случись, не дай Бог, война, он стал бы героем...»

Как и многие художники, Сергей не любил, когда его видели за работой. Закрывался в мастерской, отгораживался от житейской суеты, погружаясь в тишину и сосредоточенность. В настоящем творчестве очень много от священнодействия. Однажды, абсолютно случайно, Александр Рябчук застал Петухова в этом процессе и был потрясен. Сергей холст не писал, а словно бы месил тесто – пальцами, локтями, всем своим существом. Наверное, именно так и Творец создавал наш мир.

Звенящие, сияющие картины Петухова рождались в муках. В поисках нужного цвета он мог их переписывать десятки раз, сдирая мастихином краску до основания, ломая кисти. Александр Рябчук называет это служением искусству. Александр Лепетухин, которому тоже довелось наблюдать за работой Петухова, говорит, что у этого художника был истинный талант делать настоящую живопись. Для Виктории Романовой Сергей Петухов один из тех, кто олицетворял город и край, в котором жил, потому что его работы несли свежесть, духовную чистоту и необыкновенную энергетику, присущую именно этой земле.

Многие художники подтверждают: Петухов один из лучших. Никому еще не удалось написать ледоход на Амуре так, как это делал Сергей. Весна, очищающая, дающая новые жизненные силы, начиналась для него с этюдов на амурском берегу. Позднее они превращались в удивительные по красоте картины. Но в этот раз не произошло встречи восторженного художника с рекой. Холст остался нетронутым.

В Приамурье есть самое дорогое для Сергея Петухова – нанайская деревня Сикачи-Алян. Почти вся жизнь связана с ним. В детстве отец брал его на творческую дачу, а когда уже сам стал профессиональным художником, приезжал сюда на этюды. Он всех знал в Сикачи-Аляне, и его все знали. Живописные работы Петухова в рамках, сколоченных из веточек деревьев, и сейчас можно встретить в домах местных жителей. Старшее и среднее поколение хорошо помнят этого художника.

Неподалеку от деревушки, на верхних камнях, Сергей любил рыбачить и, надо сказать, отлично знал в этом деле толк. А еще он был заядлым собирателем археологических древностей. По утрам или после дождя отправлялся на поиски и всегда находил что-то интересное, необычное. Песчаные берега Амура открывались для него подобно тайным ларцам. За долгие годы у Петухова образовалась великолепная коллекция древней керамики, каменных орудий труда, наконечников стрел,

ритуальной скульптуры северных народов. Он даже оформил специальные стенды для своих находок, отчего его мастерская напоминала небольшой этнографический музей. Сергей был знаком с духовными традициями аборигенов, понимал их душу, уважал мир, в котором они жили. А иначе не появились бы светлые и радостные полотна с нанайскими ребятишками на качелях среди золотой листвы, не роди-

лись бы окутанные нежностью женские образы в окружении сикачи-альянских пейзажей.

Магический Сикачи-Алян с его легендами и уникальной «каменной галереей» дарил тайные знаки и символы. В мастерской Сергея Петухова меня поразила небольшая работа, в которой он зашифровал ночной обряд камлания. Объемные мазки краски, напоминающие серебро волн, камешки, приклеенные на поверхность холста и изображающие людей и богов, – от всего этого исходил какой-то неземной свет. Так бывает, когда всматриваешься в старинные шаманские зеркала. Дух перехватило, а Сергей объяснял сюжет, рассказывал о действующих лицах этого сакрального обряда. И смотрел удивленными детскими глазами, словно бы заново постигая эту тайну. Таким и запомнился.

В тот день, когда его провожали в последний путь, произошла странная вещь. Во время прощания в выставочном зале Союза художников кто-то из друзей принес и поставил возле портрета большой красивый подсолнух. Первая мысль: откуда он мог взяться в середине сентября, да еще после засушливого лета? Но вдруг все стало понятно. Это ведь Сергей! Почему-то он ассоциировался именно с подсолнухом – такой же открытый, солнечный. И всегда удивляющий.

ПЕТУХОВ Сергей Иванович (1953–2007).

Родился в Хабаровске в семье известного художника Ивана Сергеевича Петухова.

В 1976 году окончил художественно-графический факультет Хабаровского государственного педагогического института и сразу же стал здесь преподавать.

Творческая деятельность берет начало в 1975 году: три работы С.И. Петухова, тогда еще студента, участвовали в краевой молодежной выставке «БАМ-75». В дальнейшем были всесоюзные, региональные, краевые, городские выставки.

В 1981 году впервые побывал на Академической творческой даче им. Репина, где написал одну из своих лучших работ «Черемуха». В 1985 году принят в Союз художников России.

Работы художника находятся в собраниях Дальневосточного художественного музея, галереи им. А.М. Федотова Хабаровского отделения Союза художников России, Комсомольского-на-Амуре музея изобразительных искусств, Сахалинского областного художественного музея, в частных коллекциях.

Любимые жанры С.И. Петухова – тематическая картина, пейзаж, портрет. Любимая тема творчества – национальное село Сикачи-Алян Хабаровского края. Среди наиболее известных работ «Весна», «Салют Победы в Хабаровске», «Вечер в Ургале», «Осенний Амур», «Вечер на Нижнем Амуре», «Камни Сикачи-Аляна», «Утро», «Ледоход на Амуре» и др.

Нелли Патехина осталась в памяти самых разных людей. Да для нее, в сущности, и не было людей «простых», неинтересных. Она быстро сходилась со всеми, создавая ощущение защищенности, внимания и тепла. Те, с кем она знакомилась в больничной палате, тоже становились ее друзьями.

Она работала, пока позволяли силы и после тяжелой операции, когда на короткое время возникла призрачная надежда на улучшение. «Никогда» – страшное слово, и Нелли постоянно, при каждом вдохе чувствовала, как сильна ее болезнь. Были долгие месяцы, проведенные в квартире, когда не было сил про-

Вспомним имя

Она говорила на языке цветов

Виктория ШИШКИНА,
искусствовед, кандидат наук, член Союза художников России

Нелли Ивановна Патехина, Нелли, или просто Нелля, как мы чаще всего звали ее.

Кажется, я знала ее всегда. Большинству из нас многое дается от природы просто так, словно дар, о котором мы и не задумываемся, просто и стремительно проживая день за днем. Нелли за каждый день надо было бороться. Ее сердце билось с немислимой быстротой при каждом резком движении или шаге, но при этом каким-то образом вмещало всех, кто ее знал. При такой уязвимости, тонкости и непредсказуемой протяженности жизни Нелли очень многое успела и смогла. Хотя, обреченная на неподвижность и замкнутость, казалось, должна была незаметно угаснуть.

ти несколько ступеней и посидеть с альбомом и карандашом в руках на скамеечке под тополями во дворе.

Она рисовала «мягкими материалами», часто используя сангину, уголь и пастель, много писала «спешащей» и «текучей» акварелью. Конечно, Нелли могла реализовать себя и в других техниках, создавать большемерные, крупные композиции, были бы силы держать кисть и карандаш. Ее миром на долгие годы стало пространство небольшой комнаты, где рядом с кроватью на столике всегда лежали лекарства, а в окна смотрели высокие тополя. Когда было совсем тяжело, коробочки, пузырьки и скляночки становились безотказными натурщиками, тогда появлялась россыпь набросков с ними.

Летом тополя, словно занавес, притеняли распахнутые окна и скамейку, до которой

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

нужно было еще добраться, а если оставались силы, рисовать соседских ребяташек, деревья, травы и цветы. Годами видеть из окна один и тот же двор, зачастую недостижимый даже летом... Какие разные получались на ее этюдах эти старые тополя с обломанными ветвями: то в естественной черно-белой графике зимнего дня, то в теплых лучах угасающего солнца.

Одни и те же стены – со старинными часами, увешанные работами; папки с акварелями и набросками на столе.

Как это могла делать Нелли? Просто, видимо, ее слабое тело имело большую душу, в которую она вмещала и всех нас, и безмерное желание творить. Как мог обреченный на страдания человек поддерживать и утешать нас, а главное, всегда помнить о нас? Душа, открытая миру.

Те, кто близко не знал Нелли, увидев ее работы на персональной выставке в Дальневосточном художественном музее, а затем и в га-

лерее «Арт-подвальчик» Хабаровского краевого фонда культуры, говорили об ощущении покоя и гармонии, удивляясь той простоте и естественности, с которой она, используя возможности акварели, писала свои мотивы. За этой кажущейся простотой дар большого и чуткого мастера.

Нелли любила и понимала цветы, тонко чувствуя их душу, состояние, настроение. Всегда расстраивалась, если не было сил держать в руках кисть, чтобы написать угасающий букет. Цветы, самые разные, полевые и садовые, были для нее желанным подарком. Натюрморты с цветами, наполненные светом и воздухом, такие простые и такие разные по настроению: то светлые и радостные, то тревожные и печальные, с поникающими лепестками, написанные на одном дыхании. Нелли часто экспериментировала, стараясь найти для каждого букета или цветка наиболее выразительный прием выявления формы.

Книги, журналы, альбомы, принесенные

Сашей Лепетухиным, наполняли жизнь, небогатую событиями, новыми впечатлениями и встречами. Иногда Нелли рассматривала маленькие альбомные репродукции с лупой, желая уточнить какую-то деталь. Ведь ей как художнику очень не хватало живого видения и общения с искусством, возможности побродить по музею.

Она много читала, была интересным собеседником, всегда находилась в курсе художественной жизни города, хотя источником информации были лишь телевизионные репортажи с вернисажей да обсуждение увиденного глазами друзей по телефону. Ей были всегда интересны суждения других людей, не раздражало несовпадение мнений и пристрастий. Собственная творческая работа, несуетность, склонность к размышлению, природный художественный вкус сделали Нелли хорошим ценителем искусства.

Рассматривая и обсуждая творческие работы, она всегда оживлялась. Художественные предпочтения Нелли отличались широтой и свидетельствовали о глубоком и личностном понимании древнерусского, классического и современного искусства. Она делала интересные замечания по поводу технических и композиционных приемов традиционной китайской живописи жанра «цветы-птицы». Мысль яркая, не закосневшая, свободная, делала ее суждения интересными.

Потом пришло увлечение флористикой. У Нелли было свое понимание возможностей этого материала. Она избегала банальных композиционных ходов и приемов, имитирующих станковую живопись. Травы и листья, подобранные с тактом и вкусом, создавали ощущение бескрайних просторов или ассоциировались с формальными поисками. Листья и стебли словно хранили дыхание осени, но были, к сожалению, слишком хрупким материалом. Кто еще кроме Нелли в наше время Интернета и электронной почты мог бы прислать открытку, сделанную своими руками из сухоцветов! Маленький, хрупкий, рукотворный дар.

Каждая встреча с Нелли обязательно сопровождалась показом своих этюдов, акварелей и рисунков, сожалением о том, что многое сделать не удастся. Каждая встреча – это воспоминания о студенческих годах на художественно-графическом факультете, о пленэрах и поездках по отдаленным селам. У Нелли всегда было чувство тепла и благодарности к тем, кто учил ее, и тем, с кем впоследствии ей довелось недолго работать.

Ей было отпущено так мало, но в этом малом она смогла многое увидеть, о многом рассказать и многому нас научить. Она была открыта миру, открыта каждому из нас и состоялась вопреки всему.

Состоялась как большая личность и замечательный художник.

Валерий Шаврин и Елена Паевская

Вспомним имя

Светлая пристань Валерия Шаврина

Анна ПЕТРОВА

Валерий Александрович Шаврин – известный дальневосточный драматург, режиссер, член Союза писателей СССР и заслуженный артист РСФСР. Спектакли по его пьесам шли во многих театрах страны, но большую часть своей жизни В. Шаврин посвятил работе в театрах Владивостока и Хабаровска. Однако наиболее тесные узы связали его с Хабаровским краевым театром драмы.

Валерий Шаврин родился в 1930 году на Урале. В 1943 году его семья уехала в эвакуацию в Ташкент. У мальчика были ярко выраженные гуманитарные способности, его школьные сочинения, как одни из лучших, отправлялись на конкурс в Москву. Но Валерий Шаврин после школы поступил в Ташкентский горный техникум. Получив специальность горного электромеханика, будущий драматург работал на шахтах Киргизии и Узбекистана, был технологом на заводе радиодеталей.

Уже в 1950-е годы В. Шаврин постоянно принимал участие в самодеятельности. При ташкентском Доме ученых был

создан самодеятельный драматический театр, в котором Валерий Шаврин выступал как актер и имел большой успех. В одном из спектаклей любительского театра В. Шаврина увидел режиссер театра ТУРКВО (Туркестанского военного округа) и пригласил к себе. Здесь он проработал около пяти лет, здесь же познакомился с молодой актрисой Еленой Паевской, которая впоследствии стала его женой.

Первым произведением В. Шаврина исследователи называют пьесу «Кто друг?», написанную в 1958 году. Первоначально она называлась «Друзья и враги Артема Чередниченко», ее рукопись хранится в фондах ХККМ им. Н.И. Гродекова. Героями пьесы стали студенты горного техникума. Один из них попадает в дурную компанию, но друзья не оставляют товарища в беде, и только их вера помогает ему одержать победу. В первом же своем произведении Шаврин определил круг проблем, которые будут волновать его на протяжении всего творческого пути: вопросы нравственности, тема настоящей дружбы и любви, их проверка обстоятельствами и временем. По рукописям пьес, хранящимся в фондах ХККМ, можно судить, как тщательно молодой драматург работал над своими произведениями. Пьеса «Кто друг?» была поставлена в театре ТУРКВО и пользовалась успехом у зрителей.

В конце 1950-х годов Валерий Шаврин и Елена Паевская получили приглашение Владивостокского краевого драматического театра им. М. Горького и покинули Ташкент.

На этой сцене молодой яркий актер создал немало запоминающихся образов. В соавторстве с композитором А. Ковалевым он написал пьесу «Приморская лирическая», которая была поставлена главным режиссером театра Г. Ивановым в 1960 году к 100-летию города.

Жанр пьесы – лирическая комедия, что, однако, не мешает авторам ставить серьезные вопросы. Главные герои – трое демобилизованных моряков-тихоокеанцев, которые начинают поиски своего места в жизни. Не каждому из них легко дается этот путь, но все они готовы держать ответ перед жизнью и, в конечном итоге, находят себя.

В Хабаровске В. Шаврин заявил о себе сначала в качестве драматурга. В 1962 году главный режиссер краевого театра драмы М.С. Амитов поставил его новую пьесу «Разбуженная совесть». Сюжетом послужила история о том, «как преступник, бежавший из тюрьмы и вынужденный скрываться под чужим именем на одной из строек, под воздействием коллектива и любви девушки порывал с прошлым»¹.

Критики отмечали: «Активность режиссерской мысли чувствуется в стремительности и четкости мизансцен, в смелом и откровенном использовании «условных» приемов». Наиболее яркая, сильная удача спектакля – главный герой Анатолий Сысоев в исполнении М.С. Храброва... Храбров сумел тонко и глубоко показать дорогу к жизни Толика Сысоева и его жестокий внутренний суд над собой»².

После успешной премьеры Валерий Шаврин и Елена Паевская были приглашены в Хабаровск и дополнили труппу краевого театра драмы. В сезоне 1962/63 года режиссер М. Шнейдерман поставил новую пьесу драматурга – водевиль-шутку «Чудесное превращение», в которой сам Шаврин сыграл главную роль Туни Ядкина. В этом спектакле наиболее ярко раскрылось его комедийное амплуа. Актерское мастерство В. Шаврина находилось на грани буффонады, цирка, для его игры была характерна изобретательность, каскады остроумных трюков и актерских находок, которые вызывали взрывы смеха в зрительном зале.

Другую комедийную роль – мошенника и авантюриста Тодороса – В. Шаврин сыграл в сатирической комедии греческого драматурга Д. Псафаса «Требуется лжец». Смешной, трогательный, достоверный и убедительный, он умел в любой роли заставить зрителя поверить ему.

В спектакле «Ярость» по пьесе Е. Яновского В. Шаврин с большим обаянием и юмором сыграл секретаря укома Путьнина, в пьесе С. Алешина «Палата» – трогательного Гончарова. «Так и напрашивается сравнение этого образа с Василием Теркиным. Мастер на веселую прибаутку, острое слово, по-солдатски прямой, душевно открытый, шавринский Гончаров завоевывает безоговорочное расположение и симпатии зрительного зала», – писала в своей статье «Ветер жизни» театровед К.М. Дрерман.

Но Шаврину были подвластны не только комедийные характеры. Его первая серьезная драматическая роль на сцене Хабаровского театра драмы была сыграна им блестяще в спектакле «Шифровка для Блюхера».

В сезоне 1963/64 года В. Шаврин дал театру новую пьесу – психологическую драму «Семья Плахова», которую поставил главный режиссер Я. Цициновский. Пьеса была написана незадолго до этого во Владивостоке и впервые показана в театре им. Горького. В ней история человека, воспи-

тавшего троих приемных детей. И драматизм заключен не в самом этом факте, а в отношении Ивана Плахова к предстоящему объяснению с детьми как к окончательному жизненному экзамену. Что связывает его с ними – мнимая связь по крови или более высокое и надежное духовное родство? Так возникает вечная тема отцов и детей, тесно связанная с темой судьбы человека.

В 1965 году состоялись гастроли Хабаровского краевого театра драмы в Москве. Спектакль «Семья Плахова», показанный в числе других пьес, получил неоднозначные отзывы. Критики отмечали многие достоинства пьесы: сценичность, увлекательность и остроумие, сочный язык, выигрышные роли. Однако некоторые исследователи говорили о слабом конфликте. Действительно, во многих пьесах В. Шаврина нет конфликта в обычном понимании этого термина, но есть конфликт нравственности с безнравственностью, или конфликт «хорошего с еще лучшим».

В 1965 году В. Шаврин был принят в Союз писателей СССР, а в следующем удостоен звания заслуженного артиста РСФСР. В 1966 году драматург решил обратиться к режиссерской работе и был назначен главным режиссером Хабаровского театра юного зрителя. Им были поставлены пьесы «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого, «Изобретательная влюбленная» Лопе де Вега и ряд других интересных и ярких спектаклей. Истинным праздником для ТЮЗа стала постановка пьесы К. Симонова «Парень из нашего города».

Однако В. Шаврин зарекомендовал себя не только прекрасным режиссером. Благодаря своему актерскому дарованию и опыту он стал режиссером-педагогом, уделяя много внимания работе с молодыми актерами С. Лычевым, С. Перекальским, И. Желтоуховым, П. Теряевым, В. Пороши-

ным и др. Как педагог В. Шаврин был строг, требователен, очень организован и пунктуален, ценил каждую минуту.

В 1968 году В. Шаврин вернулся в Хабаровский театр драмы, и в том же сезоне поставил свою очередную пьесу «Мои знакомые». Действие происходит на даче, расположенной на берегу Амура. Встречаются выпускники педагогического института. «Расставались институтские друзья единомышленниками, а встретились людьми разными – по судьбам, по взглядам, по выбору жизненных путей. И вновь перед зрителем чисто житейские перипетии, на основе которых автор поднимает вечные вопросы чести и долга, дружбы и преданности. «Много хороших качеств отпущено человеку, и все-таки самое золотое – умение дружить», – говорит Ирина, героиня, которой автор, несомненно, в какой-то мере доверил свои мысли. Герои в пьесах В. Шаврина часто оцениваются с точки зрения умения или неумения дружить, хранить верность друг другу и однажды выбранному делу. Преданность служит нравственным критерием человека, выявляет его глубинную суть.

На этот раз сотрудничество В. Шаврина с Хабаровским драмтеатром продлилось недолго: директор театра Г.А. Сащенко уехал в Севастопольский театр драмы и пригласил туда Шаврина и Паевскую. Последующие два сезона они отработали в Севастополе, однако в 1972 году вернулись в Хабаровск, соскучившись по дальневосточной земле, которая уже стала им родной.

Севастополю драматург обязан появлением одной из лучших своих пьес «Светлая пристань». Написанная в городе-герое, она была поставлена уже в Хабаровске.

«Драматург показывает нам обитателей одной коммунальной квартиры в портовом южном городе. Семья Бережных, их друзья, соседи, гости связаны настоящим и прошлым. Это сплетение биографий придает событиям исторический фон: прошедшая война воспринимается как источник драматического переживания героев, общность их судеб также связывается с войной. Режиссер В. Шаврин, верный своему же авторскому замыслу, вводит в действие эмоциональные наплывы, драматической функцией которых должна стать как раз эта связь бытия и памяти»³.

По мнению современных автору критиков, недостаток пьесы заключался в отсутствии конфликта, деяния, борьбы. Но Шаврина-драматурга интересует другое – духовный мир персонажей, их характеры, эволюция их взаимоотношений, чувствований. Для пьесы «Светлая пристань» характерны сглаженный конфликт, тонкий лиризм, мягкий юмор, внимание к душевным переживаниям человека. «Светлая пристань» стала большой удачей В. Шаврина и как режиссера, и как драматурга.

И вновь на сцене Хабаровского театра драмы яркие и обаятельные герои в исполнении В. Шаврина: отец Карри («Продавец дождя» Р. Нэша), за исполнение роли которого В. Шаврин получил диплом краевого конкурса за лучшую актерскую работу сезона, Володя («Валентин и Валентина» М. Рощина), Варламов («Сталеваары» Г. Бокарева), Победоносиков («Баня» В. Маяковского).

В 1975 году состоялась премьера одной из самых популярных пьес В. Шаврина – трагикомедии «Шут», режиссером которой выступил сам автор. «Ее герой Шутов – деловой специалист – вот-вот должен стать руководителем комбината, но неожиданно для всех просится в вахтеры. Он

не утратил боевых качеств [...] сам директор боится его. Он остался жить в дедовском домишке на окраине, в котором обрели семейное тепло мальчишка Валька, фронтовая подруга Шутова Марьяна, студентка Зоя» (Иванов). Марьяна во время войны вынесла Шутова с поля боя, но сама попала в плен. За нежелание отвечать немецкий палач отрезал ей язык. Игравшая Марьяну Е. Паевская не только молчит, но и не пытается прибегнуть к помощи жестов. «И все-таки зритель понимает ее прекрасно, понимают ее и окружающие в спектакле; ее взгляда не выдерживают люди с нечистой совестью, но иной раз она смотрит прямо-таки ласкающим взглядом. И сколько самых сложных чувств выражают ее глаза, когда Марьяна смотрит на Шутова, на его приемного сына Вальку! Подлинно трагедийной силы достигает актриса в момент смерти Шутова. Она кружит раненой птицей среди людей»⁴.

Роль Шутова В. Шаврин сыграл сам, создав на сцене образ человека высокой нравственности, ищущего правду. Пьеса «Шут» несколько отличалась в ряду остальных произведений В. Шаврина, в ней присутствовало трагедийное начало, пронзительность и острота переживаний.

Трагикомедия «Шут» оказалась лебединой песней В. Шаврина. Он работал над ней уже тяжело больным. Последним его произведением стала лирическая пьеса «Не забывайте август», которая так и не была поставлена. 16 февраля 1978 года В. Шаврина не стало.

Истоки драматургии В. Шаврина лежали в его понимании жизни, герои его пьес носили отпечаток характера самого автора. Валерий Александрович Шаврин был очень добрым, чутким и отзывчивым человеком, внимательным к окружающим людям; придерживавшийся железной дисциплины в работе, он отличался порядочностью и огромным чувством ответственности. Обладая многогранным талантом, В. Шаврин был увлекающимся человеком, душой компании, он как никто умел сплотить коллектив.

В. Шаврин не занимал ответственных должностей, однако пользовался большим уважением и любовью коллег, несмотря на свой авторитет, был очень прост в общении. Работавший с ним актер Хабаровского краевого театра драмы, ныне народный артист РФ С.Н. Лычев вспоминал, что к Шаврину можно было прийти с любой проблемой, поговорить по душам, молодые актеры всегда могли рассчитывать на его помощь и поддержку.

Всю свою жизнь В.А. Шаврин посвятил театру. Несколько лет назад на здании Хабаровского краевого театра драмы установлена мемориальная доска памяти заслуженного артиста РСФСР В.А. Шаврина и народной артистки РСФСР Е.Н. Паевской.

ЛИТЕРАТУРА:

1 Иванов, А. С. Дорога длиною в век: 100 лет театру драмы Хабаровска / А. С. Иванов. – Хабаровск, 1994. – 288 с.

2 Левикова, А. Рождение человека / А. Левикова // Вост.-Сиб. правда. – 1962. – 29 июля

3 Калиш, В. Свет и тень / В. Калиш // Тихоокеан. звезда. – 1973. – 18 марта.

4 Ефименко, В. Во имя революции / В. Ефименко // Омск. правда. – 1972. – 4 нояб.

Вспомним имя

Встреча с Кимой Дрерман

Елена ГЛЕБОВА

О Киме Матвеевне Дрерман впервые я узнала лишь в прошлом году, хотя живу в Хабаровске достаточно долго. Говорили, что когда-то она была знаковой фигурой в театральной среде города, своего рода «мотором» регионального отделения Союза театральных деятелей (в то время – Всероссийского театрального общества). И вздыхали: таких уж нынче нет. Но это представители старшего поколения. Молодые хабаровчане о Дрерман в лучшем случае едва слышали. Впрочем, что удивляться. Не актриса, не режиссер и не писатель, даже не политический деятель эпохи социализма, коим до сих пор устанавливают мемориальные доски.

Память – хрупкая вещь, и тут уж как повезет. Кого-то незаслуженно забывают, кто-то, перемещаясь из десятилетий в столетия, обрастает легендами и покрывается бронзой. Но иногда память о человеке просто ждет своего времени. И тогда все вдруг сходится: люди, события, чудом обнаруженные фотографии и архивные материалы. Видимо, время пришло и для Кимы Матвеевны Дрерман.

Из тех воспоминаний, которые удалось собрать (к счастью, еще немало людей, которые знали ее лично), сложился этот портрет. Конечно, он далеко не полный, ведь Кима Матвеевна была человеком закрытым, не окружала себя многочисленными друзьями и приятелями, никого не впускала в свою личную жизнь, и теперь о чем-то можно лишь догадываться.

Кима – довольно редкое и странное имя. Впрочем, тогда оно вполне соответствовало времени: аббревиатура от «Коммунистического интернационала молодежи». Был ли Хабаровск родиной Кимы Матвеевны? Никто этого не знает. До войны она жила с мамой Диной Ефимовной Яблоко в крохотной комнатке при Доме пионеров (сегодня в этом здании находится ТЮЗ). Здесь же располагалась библиотека, которой Дина Ефимовна заведовала. Эту женщину, сдержанную и строгую, хабаровская детвора очень любила. Она учила их ценить книги, устраивала творческие вечера. Многие наши земляки, оставившие впоследствии заметный след в культуре Хабаровского края, были читателями Дины Ефимовны Яблоко.

Об отце в семье Кимы Дрерман никогда не говорили: это была закрытая тема. Лишь годы спустя выяснится, что он осужден по политической статье с применением высшей

Хабаровский Дом актера. В центре – К.М. Дрерман. 1980

меры наказания. Его имя высечено на мемориале памяти жертв сталинских репрессий, который установили в конце 1990-х у часовни на городском кладбище.

До войны Хабаровск жил обычной размеренной жизнью. Но были в нем особые точки творческого притяжения. К примеру, городской драматический кружок, которым руководила легендарная личность – Наталья Павловна Крамида. Она создавала интереснейшие спектакли и подходила к своему делу чрезвычайно серьезно и профессионально. А в качестве критиков приглашала на премьеры ведущих российских режиссеров, актеров, благо в то время в Хабаровск приезжали с гастрольями крупнейшие театры. Попасть в драмкружок Крамиды казалось почти нереальным. Например, Галина Ивановна Завода, ставшая со временем известным режиссером краевого радио (и с ее именем связана целая эпоха радиокомитета) два года набиралась смелости обратиться к Наталье Павловне. В драмкружке Галина Завода познакомилась с Кимой Дрерман: та уже всюю участвовала в постановках.

В один из дней давали «Горе от ума» Грибоедова, где блистала Инна Кондратьева (впоследствии она стала женой Товстоногова, сыграла Аглаю в его знаменитом спектакле «Идиот»). Кима Дрерман исполняла роль Софьи. Надо сказать честно: природа не отметила эту девочку красивой внешностью. Полноватая, с глазами, похожими на горошины черного перца, и длинным носом, которым она к тому же все время шмыгала (эта привычка осталась у Кимы Матвеевны на всю жизнь). Но было в ней, видимо, что-то особое, что-то приподнимающее над привычным понятием красоты. Не случайно находившийся в то время в Хабаровске ре-

Кима Матвеевна Дрерман. Последняя фотография

жиссер Ленинградского Нового театра Борис Михайлович Сушкевич, приглашенный Натальей Павловной Крамидой на детский спектакль, отметил в «Горе от ума» не «звезд» вроде Инны Кондратьевой, а работу Кимы. Он говорил о ясности мысли, которую несла исполнительница роли Софьи, о достоверности всего, что она делала на сцене.

Все, кто знал Киму Дрерман, говорили, что она казалась не по годам серьезной и собранной. Ее речь, как очень точно выразилась Галина Ивановна Завода, не рассыпалась на множество словес, а была словно окантована лаконичной мыслью. Эта характерная черта навсегда сохранится у перwokлассного в дальнейшем театроведа и критика.

Но это дело будущего, а пока – живет в городе на Амуре девочка, которая любит театр, и кажется, что знает о нем все. Однажды подружки по театральной студии пришли домой к Киме, в ту самую каморку при Дворце пионеров, и ахнули. Буквально все пространство было заполнено книгами, журналами, газетными вырезками. Те, что не помещались на столе, кипами лежали на полу – кладезь интереснейшей информации об актерах, режиссерах, драматургах, новейших театральных постановках страны. И стало понятно, чем жила и дышала Кима.

Окончание школы совпало для их поколения с началом Великой Отечественной войны. Это был такой отрезок времени, когда никто ничего не планировал. Все жили одним: надеждой, что этот кошмар скоро кончится. В Хабаровске не гремели взрывы, но общее напряжение чувствовалось во всем. Приходили эшелоны с ранеными, воспитанники драмкружка давали в госпиталях концерты и спектакли, и так продолжалось около двух лет. А потом Наталья Павловна Крамида решительно стала настраивать своих учеников на поступление в театральный вуз. Из Хабаровска понеслись многочисленные письма и телеграммы во все концы страны. Ответа не было. Потом кто-то подсказал, что в Томск эвакуирован Ленинградский театральный институт им. Островского. Написали туда уже без всякой надежды, но в сентябре неожиданно получили ответ. В нем говорилось, что институт объявляет набор студентов, но ничего не обещает, даже общежития. Несмотря ни на что, из Хабаровска в Сибирь выехала четверка отважных: Инна Кондратьева, Анна Пономарева, Галина Завода и Кима Дрерман. Трое из них видели себя актрисами, Кима же – только театроведом.

Хабаровские девчонки успешно прошли все туры и стали полноправными студентками. Общежитие располагалось в большой мансарде здания комитета по искусству. Учеба перемежалась с выездами на поля, где не очень сытая молодежь копала морковку для студенческой столовой. А через пару месяцев институт перевели в Новосибирск, пристроив его в помещении оперного театра. Жили неподалеку, в промерзшем здании, где не было ничего кроме двухъярусных кроватей, спали в пальто (можно только предположить, какие зимы бывают в Сибири!), но это казалось полной ерундой по сравнению с тем, что они учились в знаменитом театральном вузе у блестящих педагогов и мастеров.

Одним из них был Иван Иванович Соллертинский – художественный руководитель Ленинградской филармонии, театровед, музыковед, литературовед, публицист, историк, владеющий как минимум двумя десятками языков. А кроме того, блестящий оратор. Не случайно на его лекции, которые он читал на курсе у театроведов, сбегался весь институт. Этот уникальный человек, назло войне, формировал позитивное пространство. За один год он превратил Новоси-

бирск в «филиал Ленинграда»: здесь устраивались симфонические концерты, артисты Ленинградской филармонии и академического театра им. Пушкина участвовали в работе лектория по искусству.

В 1943 году Соллертинский скоропостижно скончался. Последним его приютом стало Заельцовское кладбище Новосибирска. В траурной процессии шли множество людей – все, кто его знал, любил, боготворил. Вечером того же дня музыканты решили дать концерт памяти Соллертинского. Озябшие, голодные студенты вернулись с кладбища в свое промерзшее общежитие, и сил двигаться уже не было. А Кима Дрерман пошла. Такой уж человек – с обостренным чувством долга.

Потом она рассказывала подругам удивительную, мистическую историю. С первыми звуками музыки в распахнутую ветром форточку влетела птица. Какое-то время она кружила над изумленными зрителями и так же внезапно улетела. И никто не сомневался: с ними просталась душа Ивана Ивановича...

Разомкнулось блокадное кольцо, и театральный институт вернулся в Ленинград. Страшное это зрелище – город руин. Практически уничтоженный, но не сломленный. В такой ситуации лишь надежда дает силы жить дальше. Ну а молодость, как известно, все преодолет.

Среди студентов Кима Дрерман была одной из лучших, и это неудивительно (достаточно вспомнить Хабаровск, книжно-журнальные кипы и постоянную погруженность в тему театра). Не случайно именно ее и только ее особо выделял преподававший в то время Леонид Антонович Малюгин – яркий театральный критик, драматург, в будущем написавший комедию «Старые друзья», сценарий к фильму «Поезд идет на восток», множество театрализованных биографий известных людей. Леонид Малюгин – автор пьесы «Насмешливое мое счастье» об А.П. Чехове, а затем и книги «А.П. Чехов. Биографическая повесть-хроника» в соавторстве с Ириной Евгеньевной Гитович, литературным критиком и исследователем творчества этого писателя. Творческая характеристика значительная, многое из того, что создал Леонид Малюгин, стало классикой, но, как и многие люди его круга, он не миновал агрессии со стороны советской власти. В конце 1940-х Малюгин, а вместе с ним театральные критики Ю. Юзовский, А. Гурвич, И. Альтман, Е. Холодов (Меерович), Я. Варшавский и другие попали в список «безродных космополитов», а центральные СМИ прошли по ним с наслаждением и хрустом. Сегодня остается только удивляться газетной стилистике тех лет. Трудно удержаться от нескольких цитат.

«Этой группе безродных космополитов не дороги интересы Родины, интересы советского народа. Зараженные упадочной идеологией буржуазного Запада, раболепствуя перед иностранщиной, они отравляют здоровую творческую атмосферу советского искусства тлетворным духом буржуазного ура-космополитизма, эстетства и барского снобизма. Выступление этих эстетствующих антипатриотов, людей без роду, без племени, направлены против всего нового, передового в советской драматургии и театре («Культура и жизнь». 30 января 1949).

«Эти буржуазные критиканы и их прихвостни, поставившие перед собой цель – срывать работу советских драматургов и театров, систематически шельмовать советских писателей, подвергать яростным атакам каждое новое произведение, появляющееся на сценах наших театров. Поч-

ти все лучшие советские пьесы, созданные после войны и получившие признание самых широких масс народа, были встречены яростными, наглыми атаками антипатриотической группы» («Советское искусство». 5 февраля 1949).

«...вредные, антипатриотические идейки и теорийки, тормозящие дальнейшее развитие нашей драматургии, находили и находят своих апологетов в среде ленинградских театральных критиков и театроведов» («Литературная газета». 9 февраля 1949).

«– Мудрая, вдохновляющая помощь партии пришла, как всегда, вовремя, и мы благодарно принимаем эту помощь, – сказал художественный руководитель театра К. Зубов. (*Малого театра – Прим. ред.*) Актеры и режиссеры МХТ с гневом и возмущением говорили в своих выступлениях о враждебной, антинародной деятельности воинствующих буржуазных эстетов, последовательно клеветавших на советскую драматургию, тормозивших развитие советского искусства» («Советское искусство». 12 февраля 1949).

Малюгина и Дрерман связывала очень важная нить, которая прервалась лишь в 1968 году после смерти Леонида Антоновича (но вряд ли она прервалась для Кимы Матвеевны). Было ли в их отношениях что-то личное, сокровенное – навсегда останется тайной. В любом случае – «это дружба двух людей с одинаковым мерилем ценностей и знанием этих ценностей, людей, которые понимали друг друга с полуслова» (Г.И. Завода).

В 1948 году, закончив театроведческий факультет Ленинградского государственного театрального института им. Островского, Кима Дрерман вернулась в Хабаровск, и с этого момента ее профессиональная жизнь была связана только с ним.

Многие отмечают: Кима Матвеевна все делала на очень высоком уровне. В шестидесятых годах Дрерман возглавляла Дом народного творчества. При ней он превратился в настоящий центр культуры всего нашего края. Рождались народные театры (достаточно вспомнить нанайский театр в Найхине, два театра – русский и еврейский – в Биробиджане), появлялись хоровые коллективы, среди которых лучшим был городской молодежный хор под управлением Владимира Чернина. Сюда, за тысячи километров, из Москвы приезжали специалисты из самых разных областей культуры, чтобы поддержать, поделиться опытом. И Хабаровск в их глазах не выглядел далекой провинцией. За всем этим стояла женщина с внимательными черными глазами, сдержанная в словах и движениях, строгая в оценках.

Она была человеком высокой культуры и колоссальных знаний. Один столичный режиссер, имея в виду недюжинный интеллект Дрерман, назвал ее Карлом Марксом, и полшутливое прозвище закрепилось за ней. Народный артист России Эдуард Сергеевич Мосин, который достаточно долго работал с Дрерман, вспоминает: когда бы он ни заглянул к Киме Матвеевне, она либо что-то читала, либо работала над очередной рецензией или статьей в газету. А если ей попадалось что-то очень уж интересное, восклицала: «Это блестящая книга!» И поправляла черную, как вороново крыло, челку.

Музыковед Ирина Павловна Соболевская утверждает: Кима Матвеевна – уникальная женщина. Она щедро делилась знаниями, и все, чем занималась, было не во имя собственной славы и процветания, а во имя тех людей, которые находились рядом. Вряд ли бы удалось Владимиру Чернину, музыканту яркого дарования, создать в одиночку город-

ской молодежный хор, который впоследствии был включен в состав краевой филармонии и получал самые высокие оценки. Да, Чернин являлся творческим началом этого коллектива, а Дрерман – тем самым двигателем, который обеспечивал все «технические» моменты, без которых просто ничего бы не получилось. У Кимы Матвеевны было чутье на талантливых людей, и она не жалела времени и сил, чтобы создать для них максимально комфортную атмосферу, оградить от всего, что мешает творчеству.

Так, например, произошло и с молодым режиссером Станиславом Таюшевым (сегодня театроведы говорят об «эпохе Таюшева» в театральном пространстве Хабаровска 1970-х), который очень ярко заявил о себе в ТЮЗе. Кима Матвеевна к тому времени уже была ответственным секретарем регионального отделения Всероссийского театрального общества (ВТО). Вот лишь один момент. Таюшев ставит спектакль «Дракон» по пьесе Шварца, находящейся в то время в разряде полузапрещенных. На сдачу приходят «начальники от культуры», а проще – партийные инструкторы, с единственной целью: запретить. Но они еще не знают, что Кима Матвеевна готовит бой. И проводит она его блестяще. Спектакль сыгран, начинается обсуждение, представители власти в один голос твердят о том, что постановка никуда не годится, и в это время в кабинет входит делегация москвичей (понятно, что Кима Матвеевна позаботилась об этом заранее, подключив Владимира Оренова, ныне именитого критика и режиссера, а тогда куратора дальневосточных отделений ВТО). Среди них – заместитель главного редактора журнала «Новый мир», председатель секции режиссуры ВТО, другие не менее значимые персоны. И оценки они дают совсем иные: отличная режиссерская работа, актуальная тема. Чиновники идут на попятную: ну если уж Москва не возражает...

Есть и другие примеры, которые показывают, каким человеком была Кима Дрерман. В краевом драмтеатре Алексей Найденов совместно с художником Татьяной Сельвинской ставит спектакль «Власть тьмы». Талантливая, трагическая по звучанию работа. И почему-то сразу понятно, что вряд ли она минует препоны на пути к зрителю. Так и получилось. Режиссера и художника обвиняли в излишнем пессимизме, подключили к обсуждению педагогов («Власть тьмы» была в школьной программе), которые утверждали, что «нельзя этот мрак в зал». Все шло к тому, чтобы спектакль запретить. Выслушав обвиняющую сторону, слово попросила Кима Дрерман. Она говорила очень просто: «Вы производите впечатление людей, у которых никто не умирал. У вас кто-нибудь умирал? Вы когда-нибудь плакали? А вас никто не оскорблял, вы никогда не чувствовали себя униженными?» Ни педагоги, ни чиновники не ожидали таких вопросов. За этой ситуацией наблюдал Владимир Оренов, и он говорит, что в тот момент Дрерман говорила не как театральный критик, а как человек, который беспокоится за души «обвинителей», и в глазах у нее стояли слезы. «Почему мы отвергаем горечь нашей жизни? – продолжала она. – Ведь и в ней есть счастье...» После этих слов, слезы появились уже на глазах тех, кто только что ратовал за запрет «Власти тьмы». Во время голосования спектакль приняли единогласно.

Или такой штрих. Из Магадана в Хабаровский театр музыкальной комедии решили перевести Юлия Гриншпуна в качестве главного режиссера. Все знали, что он талантливый человек, но беспартийный и к тому же еврей, «что не

очень желательно», по словам чиновников от культуры. На заседании, где решался вопрос назначения Гриншпуна, кто-то из инспекторов промолвил: «Все-таки должность идеологически значимая, а тут – не член партии, да и пятая графа... (Графа в паспорте о национальной принадлежности. – Прим. ред.) Не лучше ли назначить его не главным, а очередным?» Кима Матвеевна встала, достала свой паспорт и сказала: «Я работаю в этом городе много лет. Я живу в крае, где есть Еврейская автономная область. В пятой графе моего паспорта написано «еврей». Скажите, пожалуйста, как вы меня за это хотите наказать?»

«Дрерман была мощной и реальной силой. Она билась за добро и истинную красоту, как не бился никто. Она была театральным камертоном Хабаровска» (В.Б. Оренов).

В Киме Матвеевне сочетались достоинство и доброжелательность, жесткость в оценках и абсолютно точное понимание того, что хорошо и что плохо. Ни перед кем не заискивала, не льстила. Смело открывала двери чиновничьих кабинетов и решала необходимые вопросы. К ней прислушивался сам Алексей Климентьевич Черный – первый секретарь крайкома партии, фигура по тем временам более чем крупная. Когда Оренов по молодости своих лет начал чем-то восторгаться, он замечал, что Дрерман слегка морщится. Она не любила всех этих «Ах, любите ли вы театр?!» и оценивала людей по двум критериям: насколько человек профессионален и насколько он способен увлечься идеей. Кима Матвеевна была человеком дела и, собственно говоря, всегда учила заниматься делом.

Перед молодым столичным куратором она поставила конкретную задачу: наладить мост между Москвой и Хабаровском. Мост появился, и с этого момента театральная жизнь в городе на окраине России забурлила. Каждую неделю из столицы приезжали ведущие критики, лекторы по эстетике, педагоги по речи, режиссеры, актеры. Организуя лабораторию театральной критики, Кима Матвеевна настаивала, чтобы ее вел не кто-нибудь, а сам Лакшин. И он приезжал. В каком-то из московских театров проходила громкая премьера, и уже через короткое время в Хабаровске появлялись ее участники и проводили творческие встречи с городской интеллигенцией.

Кима Дрерман была в курсе всего, что происходит в хабаровских театрах. Она заботилась об актерах, знала, кому нужно отдохнуть и поправить здоровье, кого премировать путевкой за хорошую работу в течение сезона. Если возникала проблема с гримером, мгновенно организовывался проезд специалиста, который, как говорят сейчас, давал мастер-класс. Ни одна премьера, ни одна актерская работа не оставались неоцененными ведущими критиками, да и сама она писала рецензии, делала передачи на радио. За ее публикациями следили, хотя Дрерман – жесткий критик, никогда не раздававший пустых похвал, но при этом предельно корректный по отношению к тому, о ком говорила. Любовь Васильевна Теряева, более сорока лет служившая в хабаровском ТЮЗе, вспоминает, как важна была лично для нее оценка Кимы Матвеевны, пусть даже отрицательная. «Она понимала душу актера, и потому была для меня эталонным театральным критиком».

Особым притягательным центром стал Дом актера, где происходили интереснейшие встречи, кинопоказы редких фильмов, дискуссии. В Хабаровск приезжали молодые Гинкас и Яновская, Левитин, Баровский... А как замечательно проходили творческие вечера хабаровских мастеров сце-

ны, придуманные, к слову, тоже Кимой Матвеевной. Зал на сто мест был всегда переполнен, а кому и здесь не хватило места, толпились в «сенях», служивших курилкой. Этот ритм никогда не ослабевал, и во всем чувствовалась рука Дрерман.

Уже много лет театралы Хабаровска живут без Дома актера (это тема отдельного и непростого разговора), а Дальний Восток – единственный регион России, где нет такого творческого центра. Да и людей уровня Кимы Матвеевны, думаю, тоже нет. А тогда, в 1970–80-х годах, среди ответственных секретарей региональных отделений ВТО Дрерман входила в пятерку самых значительных фигур театральной России.

«Вся жизнь Кимы Матвеевны Дрерман состояла из ежедневной кропотливой работы. Но она могла выходить на такое обобщение, что люди думали не про обстоятельства дела, а про свою душу. В ней было что-то от исповедника, но она не кичилась этим...» (В.Б. Оренов).

Хабаровску Дрерман посвятила в итоге около сорока лет. А потом уехала. Она была очень одиноким человеком, ее ничто не держало в этом городе. Так случилось, что Кима Матвеевна прикипела сердцем к одной молодой семье, словно бы это были ее дети, и вместе с ними переехала в Астрахань. Трудно предположить, что произошло в дальнейшем, но одно лишь известно: продав через какое-то время свою квартиру, она поселилась в Ленинграде, в Доме ветеранов сцены, где доживают свой век одинокие старики. И место там, говорят, замечательное – на берегу залива, в окружении роскошного парка, но что-то разрушает эту благостную картинку. Мне кажется, только от безысходности можно уйти из своего дома и поселиться в казенных стенах.

Года три назад (наверное, в 2005-м) Кима Матвеевна ненадолго приехала в Хабаровск. Сходила на могилу к своей маме, навестила давних знакомых и друзей. Звонила в региональное отделение СТД и просила помочь Лие Манусовне Тубкис, работавшей когда-то концертмейстером в театре музыкальной комедии. Дрерман переживала об одиноком больном человеке, говорила, что нужно посодействовать ее устройству в Дом ветеранов сцены...

Это была последняя встреча с Кимой Матвеевной. Она вернулась в Ленинград и буквально через пару месяцев умерла.

В материале, который собирался медленно, по крупинкам, не хватало одной важной детали – фотографий Кимы Матвеевны. Точнее, я располагала только одним снимком из архива хабаровского СТД, который уже публиковался в «Словеснице Искусств»: улыбающаяся Кима Матвеевна в окружении коллег (мы предположили, что это ее юбилей). Но очень уж хотелось разыскать другие «остановившиеся мгновения», всмотреться в ее лицо, в поворот головы, движение рук. Многочисленные звонки и вопросы к тем, кто знал Дрерман, оказались напрасными: ничего не сохранилось. Но в последний момент произошло то, что я назвала для себя чудом. Лия Манусовна Тубкис в ворохе старых бумаг, конвертов и писем обнаружила небольшую цветную фотографию Кимы Матвеевны. Последнюю ее фотографию. Она сделана в Ленинграде, в том самом парке, где находится Дом ветеранов сцены. Женская фигурка в окружении золотой листвы и морского залива, в который опрокинулось небо. И взмах руки – приветственный и прощальный.

Вспомним имя

Жил-был Маэстро...

Ирина ПОЛНИКОВА

Фото Валерия ТОКАРСКОГО

В 2006 году Хабаровск попрощался с народным артистом России Виктором Тицем. На следующий день после его ухода, в воскресенье, в Концертном зале филармонии состоялся концерт Дальневосточного симфонического оркестра с японскими пианистами. Его еще в начале сезона задумал сам маэстро. В тот вечер в зале многие плакали, потому что понимали: мы остаемся жить без Тица.

«Его увозили прямо с репетиции...»

А я все верила, что он справится. Что выкарабкается обязательно. Ведь, казалось бы, намечился просвет. Как раз перед Новым годом, когда стал возможен даже санаторий «Усури» с отделением реабилитации. Врачи говорили, что нужно еще немного усилий, и он вернется. Ну как можно, в такой сезон – и без него? А ведь сезон юбилейный: Дальневосточному симфоническому исполнялось ровно семьдесят. Столько планов, идей, проектов: международный фестиваль «Новые имена» с приглашением зарубежных музыкантов – учеников Тица, которых он вел в Сеульской консерватории или брал на свои мастер-классы, приглашая молодые таланты в Хабаровск из Китая, Японии...

Были и другие планы: как только станет Виктору Зигфридовичу чуть полегче, и он сможет перенести перелет, нужно пробиваться либо в Новосибирский кардиоцентр, либо в Бакулевку, искать спонсоров для операции.

...Его увезли прямо с репетиции в Концертном зале филармонии. Вызвали «скорую», когда заметили, что как-то изменился маэстро в лице, стал оседать. Это потом уже выяснилось, что он спешил к оркестру после консультации с врачом и почти у самого ОДОРА «чиркнул» стоявший на парковке автомобиль. Остановился, чтобы принести извинения, объяснить, а закончилось хватанием за грудки.

Это еще можно было пережить, и без особых последствий, если постараться, конечно. Ну, хам и хам, люмпен и люмпен, не всех же красота в нашем мире спасает. Сказки все это. Но тут другое. Неприятный инцидент наложился на известие, которое непросто было пережить. Виктор Зигфридович узнал о страшном диагнозе одного из своих ведущих музыкантов. «Нет ни малейшей надежды. Это только вопрос времени...» С тем Виктор Зигфридович и ехал к своему оркестру, настраиваясь, как себя не выдать. И что особенно невыносимо: музыкант был еще в строю и сидел в первых рядах скрипок, по левую руку от маэстро, как многие, многие годы...

...Я была не из тех, кто ходил на симфонический всегда – в любом настроении, при любой погоде, бросив все дела и настроившись только «на высокое». Не получалось так, к сожалению. Но из верной оркестру публики я бы себя выбирать не стала. Из любви к нему, из большого уважения к самому Виктору Зигфридовичу. И потому многое из того, что удалось пережить в залах, где дирижировал Тиц, останется со мной. На уровне ощущений, подсмотренных жестов, каких-то особых впечатлений, эмоций...

Помню, каким он был счастливым, когда в программе «Новые имена» появилась комсомольчанка Даша Новикова: девочка словно с портретов Зинаиды Серебряковой – с толстой тяжелой косой и красивым лицом. Она играла Первый концерт Рахманинова, с которым могли справиться исключительно сильные, мужские руки. Когда она вступала, и оркестр замолкал, я наблюдала, как смотрел на нее Тиц: с высоты своего подиума, но не свысока. Оценивал, подбадривал – глазами, одними только глазами. И, отойдя в тень, был очень горд, когда ей стали бисировать.

Сейчас Дарья Новикова учится в Москве. Как и Арсений Аристов, и Саша Ли, и Даша Кучёнова – все они впервые вышли на большую сцену в сопровождении нашего симфонического, именно благодаря тому, что на их пути встретился такой мощный музыкант. Действительно, народный артист, хотя ему в Москве и «рубили» это звание дважды...

А с каким восторгом всегда проходили концерты под Старый Новый год! Билетов было не достать, как и на открытие сезона. Публика знала, что в программе концерта будут экстремные, что-то рискованное, вне программы. Играли легкий

репертуар, и почти всегда под занавес был Штраус, и бросало в дрожь от того, как звучали скрипки и духовые и каким в тот момент был сам маэстро.

Когда праздновали 65-летие оркестра, Тиц придумал для каждого своего музыканта выигрышный номер. Солировали даже те, кто работал в симфоническом только первый сезон, а звезды – Вера Дубовик, Валерий Третьяк, те просто купались в овациях, но кто бы ожидал, что он упросит ведущую альтистку Юлию Павельеву... спеть? И так это было замечательно. А потом еще вывел на авансцену ансамбль контрабасистов, в котором играли не только молодые люди, но и дамы. Своим джазовым выходом музыканты буквально подняли зал...

Помню, что после того успеха Виктора Зигфридовича стали уговаривать, чтобы он взял да продолжил «тему» и подготовил программу из мелодий группы «Битлз». Представляете, какой будет бум?! Не согласился. Не желал подыгрывать публике, считал это занятием пустым...

...Стоит перед глазами пустая сцена – однажды такой ход был им придуман в завершение представления под Старый Новый год. Гаснет большой свет, а перед каждым музыкантом зажигается свеча. Дирижер уходит за кулисы, и оркестр начинает без него «проигрывать»: заканчивают свои партии духовые, задувая огонь свечи, затем уходят виолончели, альты и скрипки, пока на сцене не оставалась одна Вера Дубовик. Первая скрипка оркестра. Она и ставила точку. А потом – всплеск, море света, и с фужером шампанского появлялся Тиц...

«Он всегда и во всем держал планку...»

Главный редактор журнала «Словесница Искусств» Елена ГЛЕБОВА:

– Я всегда испытывала перед ним трепет и немного волновалась перед интервью с маэстро, ведь музыкального образования у меня нет. Готовилась, звонила, чтобы договориться о встрече, и ни разу не получила отказа. Виктор Зигфридович был очень занятым человеком, но редкой воспитанности. Интеллигент, каких, увы, мало. «Давайте подумаем, когда...», – слышала я и всегда приходила точно к назначенному времени. Тиц был чрезвычайно пунктуален. Он замечательно отвечал на вопросы: всегда предельно точно и лаконично формулировал мысль, о чем-то мог рассказать с юмором. Во время интервью ему ничто не мешало: ни холодный кабинет, какие у оркестра бывали, когда он боролся за его самостоятельность, ни люди на лестнице, куда он выходил курить, а курил он всегда много...

Однажды я спросила Виктора Зигфридовича, не раздражает ли его иногда публика, судя по всему впервые пришедшая на концерт, когда вдруг начинает аплодировать между частями произведения? А спросила потому, что не раз наблюдала, как Тиц в такой «неподходящий» для оваций момент, резко поднимал вверх дирижерскую палочку, заставляя зал смолкнуть. Он с улыбкой ответил: «Нет, это ведь новички...»

Как-то я писала о Тице очерк для журнала «Дальневосточный федеральный округ» и тогда впервые узнала об удивительной судьбе Виктора Зигфридовича, о его корнях. Он ведь из семьи репрессированных немцев. Его родную тетю в начале сороковых выслали в Казахстан, в голую степь, на смерть фактически. А вот семье Тица, как он говорил, повезло: их отправили в Иваново. Господь уберет...

В Иваново он пошел в музыкальную школу, успел закончить даже два курса училища перед возвращением в Москву, хотя там пришлось начинать все заново: поступил на первый курс, ради знаний, ради школы. Он ведь коренной москвич, консерваторию закончил, затем аспирантуру...

Я не помню, чтобы Тиц «тиражировал» в средствах массовой информации трагические страницы своей биографии. Я никогда не слышала о том, чтобы он требовал для себя каких-то благ, привилегий. С удивлением узнала, что когда после десятилетнего перерыва он вернулся работать к нам в оркестр, им с женой пришлось два года жить в комнатке при филармонии. Но вот для музыкантов оркестра делал очень многое, вплоть до решения квартирного вопроса.

Я считаю, что именно Виктор Зигфридович во многом сформировал в нашем городе классическое музыкальное пространство, воспитал несколько поколений настоящих слушателей. Он всегда и во всем высоко держал планку.

Для Тица не было мелочей. Мне рассказывали, как маэстро вел себя перед концертом. Он облачался в идеально отутюженный фрак, и сколько бы времени в запасе у него ни оставалось, никогда не позволял себе даже присесть. Ведь все должно быть идеально! Или такая деталь: после выступления он никогда не забывал подвезти домой Ирину Викторовну Никифорову...

Я понимаю, что человек жив, пока его помнят. Хорошо, что на здании Концертного зала филармонии будет установлена мемориальная доска в честь маэстро Тица, состоялись концерты его памяти. А со временем, кто знает, может быть, появится и музыкальный фестиваль имени Тица.

«Пусть пригоняет машину, в любое время помоем...»

Ирина НИКИФОРОВА, заслуженная артистка России:

– Когда Виктор Зигфридович заболел, мы все старались оберегать наш оркестр и говорили всем желающим «покомандовать», что музыканты – наши дети. «Какие дети? Это – работники...» А вот для Тица они и были всег-

да детьми. Он прекрасно понимал, что кроме выбора репертуара, упорных репетиций, пошива новых костюмов, в чем он был чрезвычайно щепетилен, нужно заботиться и о том, чтобы музыкант был устроен, чтобы зарплата у него была достойной. Вот и устраивал: детей – в сады, ясли, заболевших – к хорошим врачам, квартиры выбивал, звания талантливым исполнителям. И при этом оставаться верным рыцарем Прекрасной дамы по имени Музыка? И ведь он это умел...

Я передать не могу, какая это потеря, и не только для Хабаровска – для всего Азиатско-Тихоокеанского региона, ведь именно маэстро поднял наш симфонический на международный уровень, его узнали, успели полюбить. С ним за честь почитали работать многие иностранные исполнители и дирижеры...

Вот у нас выступал Эммануэль Ледюк – француз, обучавшийся у Тица. И так случилось, что именно он в 2006 году провел за дирижерским пультом концерт, посвященный памяти маэстро. Когда в первом отделении мы вместе с министром культуры выходили к зрителю, нас колотило от волнения, я боялась на людях разреветься и сдерживалась невероятным напряжением сил. А в зале плакали, особенно когда исполняли «Адажио» Альбини в тицевской инструментовке...

... Как-то однажды мне удалось «засмуцать» Тица. Мой сын Саша устраивался на бензозаправку – в такой комплекс, где можно и протестировать автомобиль, и привести его в порядок. Там зашел разговор о фамилии. Его и спросили, мол, что – Никифорова родственница тебе? «Да, с Тицем работает...»

Что тут произошло, когда все поняли, что Никифорова – та самая, и Тиц – он маэстро и есть. Знаете, что народ просил сказать Виктору Зигфридовичу? Чтобы он не смущался и, если надо, «пригонял бы к пацанам свою тачку», и они помогут ее в любое время.

Маленькая домра в руках большого артиста

Марина ДУБИНИНА,

преподаватель Хабаровского колледжа искусств

В Хабаровске состоялся Третий Дальневосточный фестиваль народной музыки «На амурских просторах». В рамках этого события в краевой столице побывал выдающийся музыкант, домрист-виртуоз Александр Цыганков. Несмотря на загруженность, Александр Андреевич нашел время для творческой встречи со студентами и преподавателями Хабаровского колледжа искусств.

Александр Андреевич Цыганков, народный артист России, лауреат международных конкурсов, профессор Российской академии музыки имени Гнесиных, родился в 1948 году в Омске. Обучался в музыкальной школе, затем поступил в Омское музыкальное училище, которое закончил за три года. В 1967-м Александр едет в Москву и поступает в институт имени Гнесиных в класс известного педагога, домриста Рудольфа Васильевича Белова. После окончания института, в 1972 году, становится лауреатом I Всероссийского конкурса исполнителей на народных инструментах в Москве, разделив первую премию с Т.И. Вольской. С тех пор Александр Цыганков много концертирует в нашей стране и за рубежом, являясь активным пропагандистом русской народной музыки.

Как композитор Цыганков создал фундаментальный репертуар для домры, обогатив исполнительскую технику новыми виртуозными приемами, которые до него не применял никто. Произведения Цыганкова входят в репертуар любого домриста, начиная с учеников младших классов музыкальной школы и заканчивая концертирующими музыкантами. Осваивая виртуозный, но удобный репертуар, домристы повышают свой технический и творческий потенциал.

Первые произведения Александр Цыганков написал еще во время учебы в Омском училище. Как вспоминает Александр Андреевич, он очень увлекался инструментальной игрой, а это уже какие-то навыки сочинения.

– Кроме того, – делится Цыганков, – вокруг меня постоянно звучали прекрасные обработки народных мелодий для баяна – Паницко, Шалаева. А для домры подобного репертуара не было. Обидно. У балалаечников – Трояновский, у скрипачей – Сарасате, а у нас буквально несколько пьес, и все. Хотелось самому играть народную музыку, я был влюблен в яркий виртуозный стиль с уже отработанными интересными приемами скрипичной музыки. И я задумался: а нельзя ли использовать эти виртуозные приемы в обработках для домры?

Осуществив свою мечту, Александр Цыганков стал таким же кумиром для домристов, как «Трояновский – у балалаечников, Сарасате – у скрипачей».

Музыкальная миниатюра «Травушка-муравушка» стала одним из первых произведений Цыганкова, написанных им в годы учебы. Позже, в институте, он пишет ставшую не ме-

нее популярной у домристов пьесу «Плясовые наигрыши».

Не прекращая концертной деятельности, Александр много и упорно работает над созданием репертуара для домры. Использует в своем творчестве самые различные формы и жанры: обработки русских народных песен, фантазии, парафразы, вариации на темы самых разных мелодий, не только русских, но и других народов. Как, например, «Интродукция и чардаш» на тему венгерского танца, кубинская «Голубка», экспромт в стиле кантри, цыганская «Мар дядя».

В своих композиторских опытах Цыганков также обращается к танцевальным мелодиям, он создает сюиту «Старгородские мотивы», состоящую из четырех пьес, которые являются блестящими обработками популярных городских танцев. Пишет Александр и оригинальные произведения для домры, яркие самобытные пьесы, в которых часто применяет современные приемы композиторской техники. К числу таких можно отнести «Скерцо-тарантеллу», «Капричио», «Поэму», «Элегию». Цыганков не боится экспериментировать, вводя в обработки народных песен элементы эстрады и джаза, которые оживляют знакомые мелодии и преподносят их в новом, современном звучании. Это особенно ощутимо в «Частушках» или пьесе-шутке на тему русской песни «Перевоз Дуня держала».

Продолжая традиции Паганини, создавшего «24 каприса для скрипки соло», Цыганков пишет каприсы для домры соло, используя в них технические приемы домровой игры высшей сложности.

И в каком бы жанре ни работал виртуоз, его музыка неизменно полна оптимизма, юмора, интересных и оригинальных находок.

Проработав более тридцати лет концертмейстером в классах домры и балалайки, я обрадовалась, узнав что в Хабаровск приезжает Александр Цыганков. Хотелось еще раз услышать любимую музыку в исполнении автора. Но когда старейший педагог колледжа искусств В.А. Никиточкин предложил мне выступить в дуэте с самим Цыганковым, это было равносильно подарку судьбы. Однако, работая с разными учениками, я знала, что аккомпанемент струнным щипковым инструментам – дело непростое, потому что характер звукоизвлечения на этих инструментах отличается особой четкостью, подчеркнутой артикуляционностью, даже суховатостью.

Попадать в отдельные звуки и аккорды чрезвычайно сложно, для этого надо много репетировать, работать над каждым эпизодом, отшлифовывая его месяцы, а то и годы. А тут сразу, без репетиций, выходить на сцену, да не с кем-нибудь, а с Александром Цыганковым! Безумие и только. Согласилась сразу. Впервые, положила на опыт и интуицию блестящего педагога В.А. Никиточкина, а во-вторых, решила, что общение с таким интересным музыкантом, как Александр Цыганков, способно дать очень многое в профессиональном плане.

Когда Александр Андреевич появился в колледже, наше сумрачное помещение словно озарилось светом, настолько притягательны были улыбка и облик музыканта. Меня представили, и, так как до начала концерта оставалось минут пятнадцать, мы сели репетировать. В процессе репетиции Александр Андреевич советовал обратить внимание на то, что является основой хорошего ансамбля: согласованность в темпах, баланс звучания, единый характер звукоизвлечения, логику развития музыкального материала.

И вот мы на сцене. Легкий кивок головы, или, как говорят музыканты, ауфакт, и меня закружил водоворот музыки. Куда делось волнение? Я находилась в состоянии опьянения рядом с таким мастером. Он не просто вел, он меня держал, не давая рассыпаться, упасть, провалиться. Я все время чувствовала рядом его надежное плечо, его руку.

Если по ходу действия что-то забывала, он моментально реагировал и старался сгладить невольную шероховатость. Порой я не узнавала своего звука, таким он становился мягким, теплым, задушевым. А все потому, что рядом был мастер, который заражал своей игрой, от этого рождалась новая интерпретация, когда даже ошибки превращались в находку, а ансамблевая игра приобретала черты импровизации. Я еще раз убедилась в том, как важны во время коллективной импровизации взаимопонимание и любовь друг к другу: «Любите, и вас полюбят, как скажешь, так тебе и ответят».

В перерывах между игрой Александр Андреевич рассказывал о том, как появилось на свет то или иное произведение, что создавало атмосферу непринужденности, непосредственности, устраняло тот ненужный «академизм», который, подобно оркестровой яме, отделяет исполнителя от слушателей, находясь по другую сторону рампы. Цыганков открыто шел на контакт с аудиторией в зале, и ему отвечали тем же.

Концентрируя по всему миру, Александр Цыганков любит играть с рядовыми музыкантами, что говорит о педагогической направленности его таланта. Ведь педагогика – это не только умение произносить расхожие истины или читать нравоучения. Это способность вести за собой, раскрыть ученику глаза на мир, направить его в нужное русло.

В концерте также принял участие заслуженный артист России Геннадий Калмыков, известный музыкант, который вынес на академическую сцену колледжа истинно русские инструменты – гармони. Явление нечастое в концертной практике. А выступление директора колледжа искусств Сергея Назарова в дуэте с Калмыковым, без сомнения, явилось украшением концерта. После исполнения программ мастера долго беседовали с преподавателями и студентами о состоянии и путях развития отечественной культуры.

Вечером в зале краевой филармонии состоялся большой концерт, в котором в сопровождении Магаданского оркестра народных инструментов пели и играли солисты и участники фестиваля народной музыки, в том числе Александр Цыганков, исполнивший несколько произведений для домры высочайшей сложности. В его исполнении было все: фантастическая виртуозность, мягкая певучая кантилена, глубокий смысл, легкость исполнения, артистизм.

Именно так может звучать маленький хрупкий инструмент домра в руках большого музыканта!

Музейные редкости

Простая шкатулка из узорчатой меди

Татьяна МЕЛЬНИКОВА,

кандидат исторических наук, главный хранитель
Хабаровского краевого краеведческого музея
им. Н.И. Гродекова

«Сия шкатулка из узорчатой меди, простой работы, сделана собственноручно о. Иоанном Вениаминовым (впоследствии митрополит Московский и Коломенский Иннокентий. – Прим. авт.). В шкатулке этой о. Иоанн поднес своей невесте подарок в тысяче восемьсот двадцать первом году. Все вышеизложенное удостоверяю своей подписью и именной печатью. г. Хабаровск мая 13-го дня 1896 года. Дочь Митрополита вдова жена священника Ильи Иванова Петелина, Екатерина Иванова Петелина».

Этот написанный от руки документ с красной сургучной печатью сопровождает уникальный предмет из фондов Хабаровского краевого краеведческого музея им. Н.И. Гродекова – «шкатулку из узорчатой меди простой работы». Она действительно незатейлива по своей конструкции – прямоугольный ящик с откидной крышкой. Сделана скорее из бронзы, чем меди, но действительно узорчатая. Ее поверхность украшена чеканным растительным орнаментом. Диковинные фигурные листья плотно покрывают стенки шкатулки.

Автор этой шкатулки – будущий митрополит Московский и Коломенский Иннокентий – родился 26 августа (по старому стилю) 1797 г. в селе Агинском Иркутской губернии в многодетной семье болезненного пономаря Попова. В шесть лет мальчик прекрасно читал. После смерти отца в семилетнем возрасте был определен за казенный счет в Иркутскую духовную семинарию. А под руководством дяди – монаха Иркутского монастыря – увлекся столярным, слесарным и кузнечным ремеслами. В семинарии Иван показал себя очень способным учеником, преуспевал во всех науках, но его любимым занятием все-таки была механика, а книгой – «Волшебные силы природы» профессора Галле. В семинарии он построил водяные часы, колокольчик которых звонил через каждый час, придумал карманные солнечные часы, получившие распространение не только у семинаристов, но и во всем Иркутске. Более того, архиерей Иркутского собора разрешил мальчику следить за соборными часами и в случае необходимости ремонтировать их.

В семинарии же, как лучший ученик, Иван – Иоанн получил фамилию Вениаминов в честь умершего иркутского архиерея Вениамина, любимого и уважаемого жителями города. После окончания Иркутской семинарии Иоанн Вениаминов был рекомендован в Московскую духовную академию. Но... влюбился! Раздумывал недолго – женился. Именно тогда и была создана шкатулка, которая хранится сегодня в фондах Хабаровского краевого краеведческого музея. Самовольная женитьба (Иоанн не испросил на нее разрешения ректора семинарии) не осталась без наказания. За любовь и женитьбу на любимой Иван Вениаминов поплатился дважды. Он не поехал в Москву в академию и вместо вступления в сан священника получил лишь место дьякона иркутской церкви Благовещения. Но что не сделаешь ради любви!

А судьба наградила потом Вениаминова многотрудным, но интересным, принесшим ему мировую известность поприщем. В 1823 г. Вениаминов был назначен священником на остров Уналашка. Первоначально он отказался от этого предложения. Как писал один из священников, коему также была предложена данная должность, «лучше я пойду в солдаты, как поеду в Америку». Однако после бесед с Крюковым, поверенным Российско-Американской компании, Вениаминов изменил свое решение.

И вот 7 мая, продав свой дом и все имущество (но не шкатулку из узорчатой меди), Вениаминовы выехали из Иркутска. До Якутска они добирались по Лене на лодке, тысячу верст от Якутска до Охотска верхом «через топкие болота, дремучую тайгу, быстрые, многоводные реки». В Охотске сели на корабль Российско-Американской компании. На остров Уналашка Вениаминовы добрались чуть живыми:

морская качка отняла почти все силы. А поселились миссионер и его семья в землянке, которую он сам и вырыл. На первой службе, проведенной 1 августа 1824 г. в деревянной часовне, присутствовала только семья отца Вениаминова. Впереди были два десятка лет службы на Алеутских островах во благо православной веры и Российского государства, завоевание уважения и любви алеутов – коренных жителей Уналашки, глубокое изучение их культуры, быта, языка. Как писали впоследствии, «умение миссионера объясняться с дикарями на их родном языке, его величавая наружность, столь ценимая дикарями, его ловкость при управлении байдаркой, умение тут же, на глазах дикарей сделать ту или иную вещь произвели на диких сильное впечатление. К его землянке стали собираться алеуты целыми толпами, ибо его беседы на их родном языке пришлось им по сердцу». Что было дальше? В 1840 г. увидела свет монография о. Иоанна Вениаминова «Записки об островах Уналашкинского отдела», сделавшая имя автора известным не только всей читающей России, но и за границей. А уналашкинские алеуты до сих пор исповедуют православие. Однако там, на покрытом голыми, мрачными скалами, обдуваемыми постоянными ветрами острове, нашла последнее успокоение любимая жена Вениаминова.

В этих трагических обстоятельствах митрополит Филарет предложил отцу Иоанну принять монашество. На основании высочайшего повеления дочери священнослужителя были определены в Патриотический институт, а сыновья в семинарию. 29 ноября 1840 г. Филарет постриг Вениаминова в монахи с наречением имени Иннокентия. В конце декабря 1840 г. была утверждена Камчатская епархия и первым епископом Камчатским, Курильским и Алеутским стал Иннокентий Вениаминов. В этом сане он прослужил 27 лет.

Двадцать семь лет постоянных разъездов по огромной территории епархии: от Лены до американских колоний на Уналашке, от устья Уды до Ледовитого океана. Зимой ездил на нартах, летом на лодке, во время странствий питался юколой, изредка запивая ее чаем, а летом его, как всех дальневосточников, терзали оводы, слепни, комары и прочий гнус. Надо отметить, что это было героическое время в истории дальневосточной окраины Российской империи. После подписания Айгунского и Пекинского договоров началось освоение юга Дальнего Востока России.

В эти сложные годы Иннокентий Вениаминов стал духовной опорой и верным соратником губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского: «своим красноречием, своей пламенной верой в Промысел Божий, своей горячей любовью к отечеству поддерживал, падавший подчас, дух своего друга Муравьева-Амурского».

В возрасте 71 года И. Вениаминов получил назначение на Московскую митрополичью кафедру. «26 мая 1868 года новый митрополит Московский и Коломенский служил первую литургию в Успенском соборе Москвы. Обширный храм был буквально переполнен молящимися». Умер митрополит Иннокентий, «угасая постепенно», 31 марта 1879 года – в великую субботу.

Не знаю, возил ли Иннокентий Вениаминов шкатулку из узорчатой меди с собой как воспоминание о безвременно умершей жене или передал дочери Екатерине перед постригом. Хотя, хочется верить, что шкатулка всегда была с ним...

Фото Валерия Токарского

Персона

Хранитель истории

Анна МОРОЗОВА

Зосима Васильевич Востоков – почетный гражданин города Хабаровска, известнейший краевед, один из авторов книги «Хабаровск и хабаровчане», которая давно уже стала библиографической редкостью, создатель уникальной картотеки, где отражена практически вся история Дальнего Востока, автор «Биографического словаря деятелей Восточной Сибири».

Утро он начинает с чашечки кофе, и, несмотря на запреты врачей (возраст-то солидный – девяносто один год!), не может отказать себе в этом удовольствии. Он убежден, что жизнь должна приносить радость – от работы и любимого увлечения, от пространства, в котором находишься. А вокруг этого человека то, что он ценит больше всего на свете – книги. Они выстроились на стеллажах, улеглись в аккуратные стопки на столе, подоконнике и даже на полу. Но есть среди этой бесчисленной «армии» в солидных и скромных переплетках одна, которая всегда под рукой и любима до последней строчки – «Приключения Тома Сойера» Марка Твена. Дух странствий и приключений, твеновский юмор – все это ему так близко и так знакомо.

Родом Зосима Васильевич из деревни Козуево на Вологодчине. Своим редким именем он обязан близкому другу отца и служившему в местном приходе священнику – и того и другого звали Зосимой. Мальчишка рос любознательным, уже тогда в нем пробуждался пытливый исследователь. Ну разве не интересен факт, что его родное Козуево когда-то было крепостным помещьем помещика Межакова, а в гости к нему любил наезжать сам Гиляровский! И хотя история вещь увлекательная, Зосима Васильевич подумывал вначале о карьере доктора и даже принялся изучать гипнотизм. Но в 1934 году подростка забрали в НКВД по доносу о его «подозрительном увлечении». Выручил Востокова председатель краеведческого общества доктор Никитин, чей авторитет в то время был непререкаемым. Он объяснил энкавэдэшникам, что гипнотизм – серьезная наука, и она не противоречит советской науке в целом. Парня отпустили, но родители на всякий случай отправили его к сестре в Крым – подальше от глаз столь бдительной организации. Там он и поступил в Феодосийский гидрометеорологический техникум, став океанологом. А дальше совсем неблизкое путешествие на Камчатку, куда молодого специалиста направили по распределению.

В поезде, которым добирался до Владивостока, чтобы туда морем попасть в страну вулканов, Востоков узнал о начале Великой Отечественной войны. Зосима Васильевич рассказывал, что, прибыв во Владивосток, он сразу направился в управление гидрометеослужбы. А поскольку всех мужчин уже забрали в армию, начальник срочно отбил телеграмму в Москву с просьбой оставить Востокова в его распоряжении. И так в итоге сложилось, что Зосиму Васильевича, как солдата, перебрасывали с одной гидрометеостанции на другую, где срочно требовался специалист. Во время войны он работал на Сахалине, потом – в Китае, на гидрометеостанции Порт-Артурской военной базы, позднее в Приморье, на острове Аскольд, в поселке Терней, в бухте Ольга, в поселке Аян Хабаровского края.

Хабаровск стал тринадцатой точкой на его карте путешествий. Здесь Зосима Васильевич с 1967 года, здесь его жизнь пошла совсем в другом направлении – он работал фотографом и всерьез увлекся краеведением. Началось с поисков материала о первом приамурском поэте Леониде Петровиче Волкове, которые привели краеведа в знаменитую Ленинку в Москве. Здесь он и отыскал единственный сборник стихов Волкова, изданный в 1902 году, переснял его на микроплёнку и отпечатал на фотобумаге в виде небольшой книжицы. К слову, таким образом Востоков сделал мини-копии многих уникальных изданий и рукописей и подарил их Дальневосточной государственной научной библиотеке, чтобы историки, библиотекари, исследователи, студенты могли пользоваться редкими материалами. Такими, как Сибирский литературно-краеведческий сборник, охватывающий 1882–1906 годы, или книга А. Сиденснера «Адмирал Геннадий Иванович Невельской», вышедшая в 1914 году в Санкт-Петербурге. Эти и многие другие исторические и литературные редкости, хранящиеся в отделе краеведения ДВГНБ, – дары Зосимы Васильевича Востокова.

Очень верно сказала о нем Татьяна Кирпиченко, библиограф-краевед: «Главная черта Востокова – душевная щедрость». И свою уникальную фактографическую картотеку, и «Биографический словарь деятелей Восточной Сибири», и рукопись «Хроника Хабаровска» (со дня основания до конца XX века), и собрание микрофильмов, и многочисленные статьи, посвященные историческим событиям и выдающимся личностям, – все это Зосима Васильевич создавал не для себя. Хотя однажды известный хабаровский краевед Леонид Александрович Востриков назвал Востокова «скупым рыцарем», поразившись обилием собранного и систематизированного материала, и предложил готовить на его основе публикации для широкого круга читателей. Скупость – слово неприменимое к Востокову, просто он никогда не был публичным человеком и предпочитал оставаться в тени.

Вначале Востриков и Востоков начали писать совместные газетные статьи, потом издали книгу «Хабаровск и хабаровчане», которая в 1991 году получила диплом Всесоюзного общества «Знание» как лучшее произведение научно-популярной литературы. Книгу эту теперь отыщешь лишь в библиотеках да в частных собраниях увлеченных краеведением людей. Денег на ее переиздание, так же, как и на издание «Биографического словаря деятелей Восточной Сибири» (он отпечатан Зосимой Васильевичем на машинке в двух экземплярах), за многие годы так и не нашлось. Хотя если полистать газетные публикации о Востокове, как правило, юбилейные, всюду встречаешь выражения «уникальный человек», «уникальные материалы», «нужно обязательно переиздать»... Может, время еще не пришло?

Когда Зосима Васильевич был помоложе и еще мог выходить из дома, он всегда приезжал в «научку», участвовал в работе клуба «Краевед». И всегда говорил: «Мне так легко дышится в библиотеке!» Не так давно он передал в дар ДВГНБ свою фактографическую картотеку и собрание микрофильмов. Краеведческий материал Востокова, собранный им с потрясающей скрупулезностью и аккуратностью, стал частью собрания крупнейшей на Дальнем Востоке библиотеки.

Публикация

С миру по нитке

Леонид ВОСТРИКОВ

Зосима ВОСТОКОВ

Сострадание, милосердие, великодушие, сочувствие – эти черты, характерные для человеческого общества, не только не одобрялись, но нередко осуждались в нашей стране. Филантропия, если перевести с греческого, буквально означает «любовь к человеку». Как ни странно, такое понятие долгое время считалось чуждым социализму, объявлялось буржуазным пережитком.

«Филантропия – помощь, оказываемая некоторой частью неимущего населения отдельными представителями эксплуататорских классов и специальными буржуазными организациями», – разъяснялось советским «Энциклопедическим словарем», выпущенным в Москве в 1955 году. Филантропия рассматривалась как вид подрывной деятельности, как дискредитация пролетарских идей о взаимоотношении классов. В «Словаре иностранных слов» (М., 1975) о филантропии говорится еще хлеще: «Это одно из средств буржуазии маскировать свой паразитизм и свою эксплуататорскую сущность посредством лицемерной, унижительной «помощи бедным» в целях отвлечения их от классовой борьбы».

Пожертвование – одна из форм филантропии, или благотворительности, то есть безвозмездная передача денег или натуральных ценностей в распоряжение нуждающихся сограждан, после Октябрьской революции 1917 года считалась предосудительным занятием, благотворительные общества были упразднены, не исключая Александро-Ксенинскую общину сестер милосердия. В социалистическом государстве нет места филантропам, поскольку в нем не должно быть ни богатых, ни бедных. Сколько благородного гнева обрушил «лучший, талантливейший поэт нашей эпохи» В. Маяковский на эмигрировавшего из страны певца Ф. Шаляпина, пожертвовавшего большую сумму денег в пользу голодных детей Советской республики. Нам не нужны ваши подачки, господин артист! Верно, когда еще был жив В.И. Ленин, жертвования голодающим детям Поволжья в 1917 году, оказанные Международным фондом доктора Ф. Нансена, принимались с благодарностью и не считались «маскировкой классовой борьбы». Но в страшный голод 1930 года Сталин и его железные наркомы не допустили ни малейшей слабости и гнилого либерализма, отвергли предложение о помощи, тем более что авторитетный Нансен в том же году умер.

Благотворительность, милосердие в широком смысле, сочувствие к страданиям других основываются на врожденном чувстве альтруизма, или бескорыстной заботы о благе других людей. Во время казарменного социализма, в период застоя «альтруизм» стал едва не бранным словом, которое нужно выбросить из пролетарского лексикона. «Буржуазная этика обычно прикрывает лицемерной проповедью альтруизма хищную эксплуататорскую сущность капитализма, непримиримость противоречий между личными и общественными интересами», – пояснялось в упомянутом «Словаре иностранных слов». В «Философском словаре», изданном в 1980 году, говорилось, что «в условиях социализма понятие альтруизм сохраняет значение при характеристике узко личных отношений людей, а в сфере общественных отношений действуют принципы новой

коммунистической морали (коллективизм, сотрудничество и взаимопомощь, сознание общественного долга)». Жизнь показала, что коллективизм принудительный не объединяет, а разобщает людей; в капиталистических же странах взаимоотношения людей строятся, как оказалось, не только на принципах буржуазного индивидуализма. В последние годы в нашей стране получило распространение мнение о том, что альтруизм основывается на религиозных воззрениях о любви к ближнему, на всепрощении, полном неприятии мирских благ. На страницах газеты «Советская культура», журнала «Огонек» ныне появились материалы о благочестивой жизни современных монахов и монахинь, денно и нощно молящихся о ниспослании милосердия к людям, которые в миру погрязли в грехах. Но атеизм не должен противоречить альтруизму, хотя в «Энциклопедическом словаре» (М., 1955) утверждалось, что он, альтруизм, «отвлекает» внимание трудящихся от факта непримиримости классовых противоречий и лицемерно прикрывает классовый и национальный гнет». Надо ли удивляться тому, что под влиянием таких идеологических «установок» в нашей художественной литературе, в кинематографии альтруисты изобличались, высмеивались, объявлялись пособниками «врагов».

Во время Великой Отечественной войны, к началу которой официально объявляли о построении социализма «в отдельно взятой стране», пришлось поступиться некоторыми принципами и прибегнуть к жертвованиям, верно, не в пользу «части неимущего населения», а в пользу государства. Одобряться индивидуальные денежные взносы на строительство танков и самолетов, взнос теплых вещей для армии, безвозмездное донорство. Закрыли глаза на «опиум для народа», хотя в печати изобегали употреблять слова «пожертвование», «благотворительность», «милосердие». Бесплатный концерт называли шефским, собственно, шефским считался любой безвозмездный труд.

Идеологи казарменного социализма сознательно замалчивали историю отечественной и мировой филантропии, имена благотворителей предавались забвению, хотя многие сохранялись в памяти народной. Народ помнит добро.

По преданию, едва не первым благотворителем на Руси был московский князь Иван Данилович Калита, который не показывался на улице без мешка (калиты) с медными деньгами. В истории удерживается имя боярыни Ульяны Осорьбиной-Лазаревской, современницы Ивана Грозного, раздавшей все свое имущество бедным, нищим и обиженным богом калекам. Впрочем, подобные «экстремисты» среди богачей-филантропов встречались нечасто.

Большой размах и многообразие приобрела благотворительность при Петре I, который и сам был не прочь раскошиться. При нем модным стало покровительствовать людям

искусства и науки. Мало кто из современной молодежи, да и не только молодежи, знает, что один из представителей династии богачей-горнозаводчиков Демидовых учредил для Петербургской академии наук ежегодные денежные премии с вручением медалей за выдающиеся труды по географии, медицине, этнографии и другим наукам, выполненные русскими подданными. Согласно завещанию, Демидовские премии продолжали присуждаться в течение 25 лет и после смерти учредителя, причем они считались самыми почетными научными наградами в России. Примечательно, что Демидовской премии были удостоены исследователи природы Приамурья – ботаник К.И. Максимович, зоолог Г.И. Радде, этнограф-миссионер И.Е. Вениаминов (за исследование коренного населения Алеутских островов).

Внук основателя династии Прокофий Акинфиевич Демидов (1710–1786) открыл Московский воспитательный дом, выложил по тем временам совершенно фантастическую сумму 100 тысяч на народные училища. Впрочем, он заслужил известность еще и тем, что в день своего 50-летия устроил в Петербурге даровую народную пьянку, которая привлекла несметное количество гостей. Если верить прессе тех лет, то около 500 человек, опившись до «изумления», с тем и закончили свои земные дела.

Никита Акинфиевич (1724–1789) покровительствовал науке, переписывался с Вольтером, учредил золотую медаль «За успехи в механике». Никита Никитич пошел в отца, даже в чем-то превзошел его. Он прожил 55 лет, в сущности не очень много, однако оставил после себя немало. Он построил фрегат и передал его Черноморскому флоту, выставил целый полк солдат из своих крепостных мужиков и работных людей. В Петербурге на его средства построили четыре чугунных моста, в пользу воинов-инвалидов 1812 года пожертвовал 100 тысяч рублей.

Самым крупным покровителем науки и просвещения из всех Демидовых был Павел Григорьевич (1738–1821), внук любителя механики Никиты. Будучи прекрасно образованным, он переписывался с европейскими светилами науки – К. Линнеем, Ж. Бюффеном, лично собрал (часть купил) превосходные ботанические и зоологические коллекции. К ним он присовокупил 100 тысяч рублей и передал в дар Московскому университету. В Ярославле он основал юридический лицей, названный Демидовским, причем его биографы затрудняются назвать общую сумму пожертвований. В завещании он просит передать 50 тысяч рублей на открытие будущего Сибирского университета, который, как известно, был основан в Томске спустя 67 лет после смерти завещателя. В благодарность за добрые дела в Ярославле перед лицеем в 1829 году поставили памятник П.Г. Демидову, который после революции был снесен, поскольку напоминал о «проклятом прошлом».

Щедростью и экстравагантностью отличался А.Н. Демидов (1812–1870), который почти всю жизнь прожил в Европе, купил княжество Сан-Донато, женился на племяннице Наполеона I Матильде – словом, жил в свое удовольствие. Впрочем, все на свете относительно – брак оказался бездетным. Все же князь Сан-Донато не забывал Россию, распорядился передать полмиллиона рублей на строительство и содержание петербургского дома призрения. По договоренности с братом Павлом он пожертвовал 200 тысяч рублей на открытие лечебницы в столице.

Важно заметить, что большинство Демидовых отличалось любознательностью, сообразительностью, уважительным отношением к науке, воздержанностью и даже самоограничением в собственных потребностях. И в этом отношении они отнюдь не были исключением. Купец П.Д. Ларин (1736 – 1778), несмотря на богатство, вел очень скромный образ жизни, жертвовал значительные суммы на просвещение, тем не менее ос-

тавил завещание, поразившее современников. Купец завещал весь капитал, более 800 тысяч рублей, на строительство и оборудование гимназии в Петербурге, расширение лицея в Одессе, на устройство публичной библиотеки и другие просветительные цели.

В отечественной литературе сложился стереотип русского купца – первостатейного жулика, невежды и кутилы, готового пойти на любую подлость ради наживы. Конечно, все эти хлыновы, дикие, кабанихи были взяты А.Н. Островским из жизни, но не следовало бы забывать, что великий русский драматург создал также образы Василькова, Фрола Федуловича и других предпринимателей, отнюдь не монстров, «протобестий» и «надувал морских». А если вспомнить горьковских Егора Булычева, Фому Гордеева, не говоря уже о реально существовавших Е. Багрове, С. Морозове... Впрочем, М. Горький создал и железных, храповых, зыковых, артамоновых...

Дальневосточники знают, что одна из первых научных экспедиций была предпринята на Амур в 1855 году по распоряжению Сибирского отдела Русского географического общества под руководством иркутского учителя Р.К. Маака. Но многие ли знают, что ученый отряд был снаряжен благодаря С.Ф. Соловьеву, который пожертвовал для этой цели полпузда сибирского золота? Если бы он не предпринял такой шаг, то экспедиция из-за крайне скудных собственных средств ученого общества не могла бы состояться. Ревнитель науки ассигновал 5 тысяч рублей на издание трудов Амурской экспедиции, которые были напечатаны в 1859 году, то есть на четвертый год после окончания трудного путешествия. По нынешним понятиям – очень оперативно.

Пожертвования «на Амур» были и посущественней. По сообщению журнала «Вестник Азии» (1909 № 2), первый амурский сплав, проведенный в 1854 году, стоил 110 тысяч рублей, а второй – в 1855 году – обошелся в 174 тысячи рублей. Оба сплава, как нетрудно подсчитать, обошлись в 284 тысячи рублей. Далеко не все в России знали, что 112 тысяч рублей на сплавы пожертвовали два сибирских промышленника – С.Ф. Соловьев и А.Г. Кузнецов. И современные исследователи, находясь в плену вульгаризаторских представлений, редко упоминают об этих людях – патриотах России.

Таких россиян – людей с широкой душой – было немало. Как тут не вспомнить золотопромышленника И.М. Сибирякова, который пожертвовал 350 тысяч рублей на строительство медико-биологической лаборатории профессора П.Ф. Лесгафта, впоследствии получившей мировое признание, 100 тысяч рублей на открытие Томского университета, выделил средства на организацию экспедиции Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева. Его брат, А.М. Сибиряков, получил известность как щедрый жертвователю (ныне бы сказали «спонсор») на полярные экспедиции, одержимый за одну навигацию пройти от Архангельска до Владивостока.

Примечательно, что богатч-филантроп С. Морозов, живший в роскошном «маврланском замке ради жены», «по отношению к себе был скуп, даже ходил в стоптанных ботинках», – писал М. Горький.

Стремление делать добро, творить благо у многих людей является потребностью души, ее выражением, избыток денег вовсе не обязательно служит основанием для филантропии. Известны феноменально скупые миллионеры, и далеко не каждый состоятельный человек способен поделиться своим богатством и неимуществами людьми, с теми, кто попал в беду. Не потому ли родились пословицы «Сытый голодного не разумеет», «Своя рубашка ближе к телу»?

Мы уже говорили о том, что любовь к человеку, милосердие и другие высоконравственные черты у многих людей связываются с религией, с верой в бога. В какой-то степени такой

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

взгляд популяризируется, как говорится, средствами массовой информации, поскольку отдельные журналисты и газетчики любят бить в колокола, не посмотрев в святцы. Они обычно ссылаются на Моисеево десятизаконие, или 10 заповедей, на евангельский призыв «Возлюби ближнего твоего, как самого себя». В самом деле, церковники выдают Десятизаконие за кодекс нравственности, умалчивая о том, что первые четыре заповеди к нему отношения не имеют. А доверчивым журналистам, очевидно, в голову не приходит мысль о том, что для полной надежности нужно самим заглянуть в Библию и внимательно прочитать в эти самые 10 заповедей. Какое отношение к нравственности имеет требование единобожия, запрещение употреблять все имя Бога и поклоняться другим богам, а также запрет на труд в субботу?

Уместно заметить, что любовь к людям, замешанная на религии, вообще-то не бескорыстна, в ее основе заложен эгоизм, надежда на то, что акты милосердия и благотворительности зачтутся на том свете, в загробной жизни. Получается, что любить людей – значит верить в бога. Человеку, попавшему в беду, вообще-то все равно, откуда исходит помощь, он благодарен тому, кто ему помог, кто проявил милосердие. Понятно, что милосердие, проявленное церковью, увеличивает число верующих, в этом отношении тысячелетняя история религии накопила громадный опыт, с которым трудно конкурировать атеистам.

Благотворители, как правило, не любят анонимности, они испытывают вполне оправданное стремление к общественному поощрению, к гласности. Это хорошо учитывали до революции благотворительные комитеты и общества, которые предавали огласке фамилии всех жертвователей, газеты печатали списки людей независимо от величины пожертвований суммы. Ныне эта традиция утрачена, хотя обезличка не способствует интересам дела.

Длительное время в России пожертвования были индивидуальным занятием, затем стала складываться общественная система благотворительности. В короткое царствование Павла I, который, к слову сказать, запретил употреблять слово «общество», благотворительную деятельность отдельных людей объединило так называемое ведомство императрицы Марии. Затем уже при Александре I основали филантропическое общество, которое в 1866 году преобразовали в Императорское человеколюбивое общество. Оно просуществовало до 1917 года. За столетие от него отпочковалось немало дочерних обществ: в 1819 году – Общество попечения о тюрьмах, в 1867 году – Российское общество Красного Креста, в 1869 году – дамские комитеты, в 1870 – Православное миссионерское общество. Примечательно, что последнее общество основал митрополит Московский Иннокентий, бывший епископ Камчатский и Алеутский, который в свое время освящал одну из хабаровских церквей. Любящие счет миссионеры подсчитали, что их общество за 25 лет своего именем Господа Бога собрало 4 миллиона 94 тысячи рублей пожертвований. Однако этому обществу трудно было тягаться с купеческой вдовой сибирячкой Александрой Ксенофоновной Медведниковой, которая завещала в пользу неимущих москвичей 5 миллионов рублей. Ее превзошел купец Г.Г. Солодовников, завещавший на устройство сельских школ 12 миллионов рублей.

Существовал и такой вид благотворительности, при котором все участники жертвовали одну и ту же сумму независимо от размера собственных доходов. Акция «с миру по нитке» была весьма эффективной и демократической. В 1891 году русский врач В.А. Манассеин на Всероссийском съезде врачей предложил создать особый фонд из добровольных отчислений в сумме одного рубля, только одного, рубля в год каждым врачом. Этот фонд вскоре получил название «Манассеинский рубль», он предназначался медикам, попавшим в беду, их се-

мьям. Фонд просуществовал до 1918 года, его упразднили, объявив мелкобуржуазной затеей, подрывающей устои социалистического общества. Попутно заметим, что по статусу орден орденов царской России все награжденные были обязаны ежегодные взносы на благотворительные цели. Как видим, благотворительность входила составной частью в систему государственной политики.

В Хабаровске за его относительно короткую историю, всего 60 лет до революции, благотворительность стала неотъемлемой частью жизни общества. Она проявлялась в различных формах, были и свои медведниковы, и солодовниковы. Купчиха Елизавета Ивановна Голдобина в 1890-е годы пожертвовала на постройку детского приюта 10 тысяч рублей и 3 тысячи рублей – на строительство здания музея в Хабаровске.

Организованное благотворительство началось в 1885 году, когда супруга приамурского генерал-губернатора баронесса С.А. Корф организовала дамский комитет, который в 1890 году преобразовался в хабаровское благотворительное общество. Как и в других подобных комитетах, пост председателя обычно занимала первая дама – супруга высшего администратора. В 1893 году председательское место занимала В.Ф. Духовская. Члены комитета избирались тайным голосованием, эта общественная должность считалась очень престижной, за нее боролись, число кандидатов всегда превышало число вакансий. За 1890–1894 гг., судя по отчету, хабаровское благотворительное общество собрало за счет пожертвований 37 572 рубля, на различные нужды израсходовано 21 366 рублей, в среднем ежегодно тратили 4 273 рубля. Наиболее частой формой благотворительности была материальная помощь вдовам с детьми, одиноким немощным людям, которым общество в Хабаровске оказало помощь, выглядело следующим образом: 1890 год – 79 человек, 1891–91, 1892–114, 1893–155, 1894–106 человек. Надо ли пояснять, что эти люди оказались в положении хуже некуда. Для получения материальной помощи требовалось прошение и заключение двух членов комитета, которые проводили обследование нуждающихся. В 1891 году баронессе С.А. Корф удалось открыть в Хабаровске приют для одиноких престарелых жителей, правда, очень маленьких, всего для четверых человек. Дом патронировала одна из членов комитета, в штате были экономка-кухарка, сиделка и чернорабочий.

В 1894 году в Хабаровске учредили Приамурский отдел Русского географического общества, на его «обзаведение» Александр III выделил всего 10 тысяч рублей. Жаждавшие реального дела, хабаровчане решили построить естественноисторический музей, не какую-нибудь халупу, а вместительное трехэтажное здание. Прикинули проектную стоимость, получилось около 70 тысяч рублей. Пустили шапку по кругу и начали строительство. Новоселье справляли три раза, так как здание строилось по частям. Соответственно и шапку пускали трижды. В 1900 году музей был открыт полностью.

В основном за счет пожертвований была открыта публичная библиотека Географического общества, причем, начавшись с нескольких сотен книг, уже через год собрание превысило 10 тысяч томов, а в 1898 году библиотека насчитывала около 36 тысяч книг, не считая комплектов газет и журналов. Самое большое и ценное пожертвование сделал первоисследователь Приамурья, один из основателей Хабаровска М.И. Венюков. Альтруист и подвижник, он в последние годы вел очень скромный образ жизни, хотя благодаря небольшому имению и занятиям литературным трудом имел некоторый капитал. Он умер в муниципальной больнице Парижа, куда обычно госпитализировали самых бедных граждан. Венюков завещал часть капитала в пользу школы его родного села и крестьянской школы станицы его имени на реке Уссури, а свою богатую библиотеку с картами и рукописями он отказал Хабаровску.

Вопреки утверждениям идеологов сталинизма и времен застоя филантропическая деятельность и в условиях буржуазного государства могла принимать интернациональный характер. В 1899 году империалистическая Англия начала войну с двумя независимыми африканскими государствами – республиками Оранжевой и Трансвааль. В них жили буры – потомки голландцев, некогда эмигрировавших из Европы в поисках лучшей жизни. Всему миру было очевидно, что Англия ведет захватническую войну, а буры отстаивают свою свободу. Им сочувствовали многие государства, в их числе и царская Россия. Одиозной фигурой стал командующий английским корпусом генерал Г. Китченер, и, наоборот, всеобщую симпатию завоевал президент Республики Трансвааль П. Крюгер. Русская общественность организовала сбор денег в пользу буров. Не остались в стороне от этого благородного дела жители Хабаровска. Редакция газеты «Приамурские ведомости» с благословения генерал-губернатора Гродекова в январе 1900 года открыла подписку в пользу буров. Собранные деньги передали Российскому обществу Красного Креста. Верно, летом возникла «своя» война с китайским движением «большого кулака», поэтому начались пожертвования в пользу русских вдов и детей, потерявших кормильцев. Дела с Китаем были улажены в 1901 году, когда окончилась война и в Африке. Могущественная Англия все же взяла верх над бурами и тем самым расширила площади своих колоний.

Чаще интернациональная помощь оказывалась пострадавшим от землетрясения или других стихийных бедствий. Зимой 1908 года, а если быть точными, то 29 декабря того года, рано утром в Южной Италии произошло страшное землетрясение. Стихия полностью разрушила город Мессина и ближайшие селения, под развалинами оказались сотни тысяч людей. В газетах называлась цифра погибших – 200 тысяч человек. Во многих государствах, в том числе в России, начали сбор пожертвований. Он развернулся и в Приамурском крае. Пожалуй, большинство туманно представляло себе, где, собственно, находится остров Сицилия с городом Мессина. Пожертвования принимались в январе – феврале 1909 года. Приамурский «фонд Мессины» перевалил за 5 тысяч рублей, из которых 3 тысячи принадлежало хабаровчанам. Генерал-губернатор П.Ф. Унтерберг внес 50 рублей, чиновник для особых поручений доктор медицины Н.В. Слюнин – 10 рублей, народный учитель А.М. Лукашов, имеющий большую семью и весьма умеренный «оклад жалованья», – 7 рублей... В списке значились и учащиеся, которые, вероятно, сэкономили на завтраках, их взносы состояли обычно из двугривенного, изредка полтинника. В список жертвователей, систематически публикуемый местными газетами, попадали все, независимо от суммы взноса. Конечно, такого рода гласность приносила моральное удовлетворение.

Правил не бывает без исключения. Находились люди, которые по каким-то соображениям предпочитали сохранять инкогнито, причем некоторые делали солидные взносы. В газетах так и писали: «100 рублей от анонима» или «50 рублей от лица, пожелавшего остаться неизвестным».

Не было недостатков и в своих бедах, российских. В 1891 году значительная часть европейских губерний из-за засухи остались без хлеба. Повсеместно объявили сбор в пользу голодающих. Приамурцы, в большинстве выходцы из Европейской России, по себе знали, что такое недород. Вероятно, этим можно объяснить активность переселенцев-стодесятников в Амурской и Приморской областях. Они собрали для голодающих более 8 тысяч пудов пшеницы не считая другого хлеба.

В январе 1907 года собирали на погорельцев Сызрани, потом Екатеринодара, Самары – много горело городов русских.

Всем миром переживали и свои местные несчастья. Если сельские хозяева в Европейской России страдали от засухи, то в Приамурье и Приморье, наоборот, от наводнений. В август-

е 1896 года в Южно-Уссурийском крае из-за проливных дождей залило хлеба, картофельные поля, затопило десятки деревень... Кое-что выкроил из краевого бюджета приамурский генерал-губернатор С.М. Духовской, но эта сумма была перекрыта пожертвованиями. Но в целом для земледельческих районов Приамурского края неурожайные годы выпадали редко. На это обратил внимание еще Ф.Ф. Буссе, заведующий переселением крестьян в Южно-Уссурийский край в конце XIX века. Между тем недороды хлеба продолжали сотрясать Европейскую и Центральную Россию. В газетах, журналах печатали воззвания такого рода: «Россию вновь постигнул тяжелый неурожай. Широкая площадь Поволжья и Сибири вновь испытывает все его тяжелые последствия. Восемнадцать губерний и областей с 30-миллионным населением переживают экономическое разорение и, что еще тяжелее, все ужасы голода. Размеры бедствия громадны, они превышают размеры голода 1906–1907 годов, а в некоторых местах – 1891 года». И затем, как водится, «просим пожертвовать, кто сколько и чем может...».

Весьма распространенными были пожертвования «на медицину». В 1894 году осенью в нескольких верстах от Николаевска-на-Амуре, преимущественно на народные деньги (собрано около 1500 рублей), открыли лепрозорий – пансионат-лечебницу для прокаженных. Больных, их собрали 23 человека, разместили в довольно просторном и теплом бараке, а второй дом был предназначен для персонала, столовой, амбулатории и хозяйственных служб. Но возникло одно затруднение – в Николаевске не нашлось людей, желающих ухаживать за больными. Мало того, что люди боялись заразиться, само пребывание среди прокаженных, несчастных с отпавшими конечностями, с лицами, обезображенными язвами, провалами, вызывало тягостное состояние. На такое были способны немногие альтруисты высочайшей пробы. Даже среди верующих, недостатка в которых не было, мало находилось фанатиков. Дали объявление в «Приамурских ведомостях». Что же, все-таки нашлись самоотверженные люди, которые отправились в лепрозорий на Нижнем Амуре. Казна по отношению к больным проказой была скорее скупой, чем щедрой.

19 декабря 1899 года хабаровский кружок любителей драматического искусства в гарнизонном собрании с разрешения Н.И. Гродекова поставил благотворительный спектакль в пользу прокаженных. Чистый доход получился «не очень» – 91 рубль 33 копейки, но и такие деньги оказались нелишними.

История Приамурского края знает и вовсе необычные пожертвования, так сказать, в натуре. В мае 1915 года просвещенный рыбопромышленник К.Л. Лавров безвозмездно передал в ведение Приамурского управления государственных имуществ и земледелия целый рыболовный лососевый завод, устроенный на небольшой речке в низовьях Амура. Под влиянием первого профессионального амурского ихтиолога В.К. Бражникова, который изучал амурских лососей в 1899–1901 годах, а также ихтиолога В.К. Солдатова, работавшего десятилетие спустя, Лавров выписал из-за границы дорогостоящие аппараты для инкубации оплодотворенной икры, построил цех с проточной водой, организовал отлов производителей, осуществил оплодотворение так называемым способом Врасского, заложил икринки в аппараты – словом, в точности выполнил все манипуляции и процедуры, предусмотренные инструкцией. Начальная производительность рыболовного завода Лаврова, а это было осенью 1912 года, составил 1 миллион икринок. Через год она увеличилась вдвое.

Для принятия необычного дара на место выезжала специальная комиссия во главе с управляющим П.И. Делле. Управление не смогло добиться штатов для «подарка», начиная со сторожей и кончая заведующим. Предприятие было заброшено, оборудованные растащили и даже фамилию жертвователя забыли.

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

Мы уже говорили о том, что почти исключительно на одни пожертвования вот уже тысячелетие на Руси существует православная церковь, на так называемую десятину – некоторые секты. Иннокентьевская церковь, сначала деревянная, потом каменная, построена за счет «подай, Господи». И внушительный Градо-Успенский собор был воздвигнут в основном на народные средства. Его строительство обошлось в 300 тысяч рублей, чуть ли не в 5 раз дороже, чем краеведческого музея. Один только колокол, пожертвованный хабаровским купцом М.В. Киселевым, стоил 4 150 рублей. Весил он 185 пудов и отличался «замечательно громким звоном».

Отзывчивым сердцем обладал один из строителей Уссурийской железной дороги инженер путей сообщения Н.Ф. Дормидонтов. В день открытия работ на хабаровском участке он выступил на торжественном обеде с предложением собрать немного денег для многодетных рабочих-укладчиков полотна. Обошли с блюдом собравшихся и получили в итоге 200 рублей. Об этом рассказали читателям «Приамурские ведомости» в сентябре 1894 года.

Железную дорогу проложили чуть в стороне от села Переяславка, в котором иногда приходилось ночевать инженерам и техникам. К Рождеству 1895 года крестьяне закончили строительство одноклассной школы-трехлетки. Дормидонтов решил устроить в ней елку для детей Переяславки. Он специально с помощниками ездил в Хабаровск, а тем временем в школе, как условились, установили большую, под потолок, пушистую елку. Ее украсили привезенными игрушками, золотой канителью, усыпали серебряными блестками. 5 января 1896 года в школе собрались все дети, не только ученики, но и малыши, за исключением, разумеется, грудничков. Николай Федорович поздравил всех с Новым годом. Заиграла гармонь, вокруг елки пошел веселый хоровод. Дети быстро освоились, пели песни, разучили незатейливый танец «прыг-скок», потом по громкому возгласу «Дед Мороз, заходи!» в классе появился самый натуральный дед с мешком за плечами. Каждый получил подарок – полотняный мешочек со сладостями, перевязанный цветной лентой. Дети постарше крепились, а малыши сразу же развязывали мешочек и принимались за конфеты или фигурный медовый пряник. Дормидонтов был счастлив – елка удалась. Конечно, она выглядела очень скромной по сравнению с нижегородской елкой, которую устроил детям писатель М. Горький. На тот праздник пригласили тысячу детей, причем второй филантроп – фабрикант С. Морозов, помимо 300 пудов шоколада, конфет и пряников, закупил 4 тысячи аршин ситца. Но и переяславскую елку Дормидонтова дети помнили долго.

В апреле 1899 года в Хабаровске учредили не совсем обычное благотворительное общество – общество дешевых столовых. Его председателем избрали видного общественника – чиновника Алексея Ивановича Неудачина. Он играл заметную роль в Приамурском отделе Русского географического общества, состоял уполномоченным Хабаровского отделения Общества по борьбе с заразными болезнями. Новое общество уже 30 мая открыло столовую, стоимость полного обеда не превышала 20 копеек. По хабаровским ценам это было недорого, хотя не шло в сравнение со стоимостью обеда в дешевых столовых Москвы или Петербурга. Там обед стоил пятак.

Поначалу все шло хорошо, благопристойно и благоприлично. В столовой – обыкновенной избе-пятистенке – было чисто, обеды варили вкусные, публика приходила чинная. Неудачину через месяц-другой надоело заглядывать в столовую, уламывать поставщиков провизии, чтобы запрашивали божеские цены, да и другие члены правления охладели к делу, пустили его на свой ход, и в результате столовая превратилась в грязную харчевню для пропойц и профессиональных уголовников. На следующие выборы Неудачина забаллотировали, председателем избрали И.В. Удодова, который водворил

порядок, хотя общество из-за недостатка средств вынуждено было сократить число обедов.

Раза два в год, обычно к Пасхе и Рождеству, выдавались награды «за усердие, ревностное отношение к службе и безупречное поведение». Доходы промышленников, купечества, владельцев гостиниц, бань, зрелищных предприятий и доходы других людей, имеющих собственное дело, были различными и не отличались постоянством, как не были постоянными и цены на различные товары. Многие виды продовольствия ценились выше, чем в Европейской России, например сахар и фрукты, но были и очень дешевые. Во время массового хода лососей пятифунтовая горбуша шла по пятаку, а кета на выбор стоила гривенник. Конечно, цены по годам изменялись, на ту же рыбу в неурожайный сезон они поднимались в 3–5 раз. Понятно, что в городах жизнь была дороже, чем в сельской местности, а Хабаровск как центр края пользовался репутацией самого дорогого по ценам на продовольствие.

Все предприниматели регистрировались в городской управе и облагались акцизным сбором с оборота, за своевременным поступлением которого следили специальные чиновники-агенты. Уклонение от налогов, как и утаивание части доходов, грозило неприятностями в виде ощутимого штрафа, предания гласности. Жулики особенно боялись «распубликации», огласки. Идти против общественного мнения рисковали немногие.

Судя по выплачиваемым налогам, хабаровским купцам вроде Тифоня, Богданова, Пьянкова, Плюснина грех было жаловаться на судьбу. Их ежегодная прибыль исчислялась десятками и даже сотнями тысяч рублей. Налоговая система была довольно сложной, но в принципе взимание в пользу государства определялось размерами годовой прибыли по отношению к общему капиталу, находящемуся в обороте. Если доход не превышал 4 процентов, то налог составлял 3–4 процента. В случае, когда доходы составляли 9–10 процентов, предприниматель вносил в казну 6 процентов от этого дохода. В 1894 году конфуз получился с почтенным В.Ф. Плюсниным. Кто-то из газетчиков узнал, что за прошедший 1893 год владелец трех доходных домов и еще кое-какого недвижимого имущества уплатил городу Хабаровску налога, смешно сказать, 300 рублей. По самым осторожным подсчетам, он должен внести не меньше тысячи – разница ощутимая. Добытчик этой информации предложил ее редакции «Приамурских ведомостей». Там схватились за голову, но печатать сенсационный материал отказались, так как газета официальная, еще неизвестно, как его воспримет начальство.

За материал ухватился редактор «внепартийной и независимой» газеты «Дальний Восток» В. Панов, который тиснул информацию из Хабаровска 19 августа 1894 года, предварительно позаботившись о том, чтобы номер вышел тиражом. Панов не ошибся – газету вырывали из рук. В.Ф. Плюснин прессу уважал, состоял подписчиком едва не всех, впрочем, не очень многочисленных местных газет. Прочтя разоблачительный материал, Плюснин написал объяснение в управу, внес полную сумму налога, сославшись на «возмутительный недосмотр» конторщика. Месяц купец 1-й гильдии не выходил из дома, переживая случившееся. Не будем гадать, как получился «недосмотр», но грех Плюснин постарался искупить. По нашим, вне сомнения, неполным подсчетам, за 1895–1907 годы он пожертвовал на различные благотворительные цели 8–10 тысяч рублей. В эту сумму не вошли деньги, отданные хабаровским предпринимателем на церковь. Одно несомненно, она превышает жертвования на «мирские цели», ведь В.Ф. Плюснин чуть ли не 30 лет состоял церковным старостой. А староста должен во всех отношениях подавать пример. В особенности как неистощимый жертвователь на церковные нужды.

Печатается по книге «Хабаровск и хабаровчане. Очерки о прошлом». Хабаровское книжное издательство. 1991

Летопись

Театральные традиции Нижнего Амура

Ольга РАКОВА,

руководитель отдела культуры администрации
Николаевского района Хабаровского края, заслуженный
работник культуры РФ
г. Николаевск-на-Амуре

***Особое место в развитии культуры
Николаевского района Хабаровского
края занимает театральное искусство.
Любительские театральные коллективы в
Николаевском районе существовали уже в 20-
е годы прошлого столетия.***

Так, в отчетном докладе Николаевского-на-Амуре уездного исполкома II съезду Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, состоявшемуся в 1924 году, в разделе «Политико-просветительная работа» отмечалось, что в городе существовал уездно-городской клуб на хозрасчете, при нем работал театр, в котором в последнее время ставились спектакли классического и политического характера. Осуществлял постановки драматический коллектив Владивостокского театра. Там же имеется другое упоминание о театральной жизни города Николаевска-на-Амуре, которая в основном сосредотачивалась в партклубе, где изредка демонстрировались кинофильмы и устраивались спектакли.

В фондах муниципального архива Николаевского района имеется и более раннее упоминание о любительском театре в Николаевске-на-Амуре. Это приказ Удско-Кербинского уездного революционного комитета № 102 от 7 апреля 1923 года по городу Николаевску-на-Амуре: «Российский коммунистический Союз молодежи, принявший шефство над Красным флотом, проводит в городе Николаевске-на-Амуре с 4 по 11 апреля «Неделю Красного флота», имеющую целью отделить материальную поддержку в деле его восстановления. В течение этой недели будут устраиваться спектакли и проводиться сбор по подписным листам и кружечный сбор».

Театральные кружки создавались при избах-читальнях. В докладе окружного отдела образования о состоянии политпросветработы за 1928 год упоминается, что в Николаевском районе имелись три сетевые избы-читальни, а при них драматические кружки.

Поскольку искусство являлось составляющей частью идеологии, творческая интеллигенция всегда находилась под пристальным вниманием коммунистической партии. В июле 1928 года состоялось Всесоюзное совещание при ЦК ВКП (б) по вопросам агитации, пропаганды и культурного строительства. В области театрального искусства первоочередной задачей было выдвинуто укрепление связей театра с борьбой трудящихся за социализм. После совещания процесс перестройки деятельности театров усилился. Особое внимание партийные организации уделяли обновлению их репертуара. Далькрайисполком в 1929 году принял постановление «О реорганизации театрального дела на Дальнем Востоке». При Дальневосточном краевом отделе народного образования им было создано управление театрально-зрелищными предприятиями, в подчинении которому передавались театры. Управление обязывалось развивать материально-техническую базу, обеспечивать высокий идейно-художествен-

ный уровень репертуара театров, осуществлять плановый обмен их коллективами между городами.

В годы первой пятилетки во многих городах Советского Союза появились театры рабочей молодежи (ТРАМы). Особенность их состояла в том, что они объединяли подлинных энтузиастов сцены из среды молодых рабочих и свой репертуар теснейшим образом связывали с повседневной жизнью. Выполняя указания Далькрайкома ВКП(б) краевое управление театрально-зрелищными предприятиями в 1931 году открыло ряд театров, в том числе театр рабочей молодежи в городе Николаевске-на-Амуре.

Театр рабочей молодежи в Николаевске-на-Амуре был создан в 1931 году по решению V съезда районного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, в материалах которого сказано: «Открытие в городе Николаевске-на-Амуре ТРАМа считаем целесообразным, обязать Горсовет выделить по бюджету необходимые средства на его содержание и привлечь к этому хозяйственные и профсоюзные организации. Поставить вопрос перед Горсоветом о постройке театра в городе».

Видимо, ТРАМ просуществовал лишь до 1939 года, так как в отчете о работе Николаевского-на-Амуре городского Совета депутатов трудящихся за 1939 год в разделе «Культурные учреждения города» отмечено, что в городе отсутствует театр. А театр, расположенный в Доме Красной армии, имел статус областного театра.

В конце 1940-х годов в Нижне-Амурской области театральное любительское искусство получило массовое развитие. Ему способствовало проведение смотров театральной самодеятельности. С февраля по апрель 1949 года в Николаевске-на-Амуре проходил областной смотр театральной самодеятельности, в котором приняли участие 49 театральных коллективов и 540 человек, в районном смотре – 39 коллективов и 890 человек. Проведенный смотр показал, что драматические коллективы значительно выросли. Если в прошлые годы они представляли в основном одноактные пьесы, то в 1949 году большинство коллективов сумели поставить такие спектакли, как «Любовь Яровая», «Лес», «Доходное место», «Молодая гвардия» и др.

В годы первых пятилеток, когда в Хабаровском крае росли новые города, рабочие поселки, театральное искусство активно развивалось. На Дальний Восток поехали талантливые актеры. Уже к началу первой пятилетки в крае работали два театра – Благовещенский драматический и Хабаровский краевой театр музыкальной комедии. Вслед за ними были организованы Комсомольский, Николаевский-на-Амуре, Биробиджанский и другие театры. Искусство стало массовым. Театры края за 10 лет (1937–1947 годы) дали 21 979 спектаклей. Большинство зрителей Нижне-Амурской области смотрели спектакли Николаевского-на-Амуре театра.

Особое место в развитии художественной культуры в Николаевском районе занимал областной профессиональный драматический театр, который действовал в городе Николаевске-на-Амуре с 1937 по 1948 год.

Из объяснительной записки к годовому отчету областного драматического театра за 1941 год известно, что Нижне-Амурский областной драматический театр был организован в 1937 году, утвержден отделом по делам искусств Хабаровского крайисполкома и зарегистрирован Нижне-Амурским областным финансовым отделом.

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

Точная дата закрытия театра неизвестна, поскольку документы на этот счет отсутствуют. В фондах муниципального архива Николаевского района имеются ведомости окончательного расчета работников театра в 1948 году. Этот год можно считать последним годом его работы.

В театре работали мастера сцены со всего Советского Союза. Это подтверждает состав труппы в 1947 году, в котором было указано предыдущее место работы артистов: Арбенин Владимир Борисович, 1909 года рождения, театр Ленсовета в Санкт-Петербурге, Грозов Вадим Григорьевич, 1906 года рождения, Москва, (театр Ленсовета), Францевич Марина Андреевна, 1903 года рождения, Херсон, Юровский Юрий Вадимович, 1912 года рождения, образование высшее, (Московский ГИТИС), последнее место работы – Воронеж. Из архивных материалов известно, что семь актеров были награждены орденами и медалями за участие в Великой Отечественной войне, сражаясь на 2-м Белорусском фронте (Сидоров Сергей Тимофеевич), Западном фронте (Родовец Кирилл Павлович), 2-м Прибалтийском (Гладышева Анна Александровна).

Представление о репертуаре театра и его гастрольной деятельности в 1941–1942 годах дают документы муниципального архива Николаевского района. Во второй половине 1941 года, деятельность театра начинается в тот момент, когда советская страна вступила в Великую Отечественную войну. Репертуар был нацелен прежде всего на воспитание патриотизма. С начала открытия сезона 21 октября и до конца года было выпущено шесть спектаклей, среди которых «Таня» А. Арбузова, «Сашка» Финна, «Страшный суд» Шкваркина, «Честь» Мдивани, «Мой сын» Гергеля и Литовского, «Парень из нашего горда» К. Симонова.

По докладным запискам о работе театра за 1942–1944 годы, которые представлялись в Хабаровский краевой отдел искусств и исполком Нижне-Амурского областного Совета депутатов трудящихся можно проследить его гастрольную деятельность. Нижне-Амурский областной драмтеатр по окончании своего зимнего сезона 1941/42 года с 1 июня 1942 года выезжал во вторую гастрольную поездку. Труппа побывала в целом ряде отдаленных воинских частей, в таких населенных пунктах, как Софийское, Де-Кастри, Мангал, Мариинское, Богородское, на приисках Сомнительный, Дид Биран, Белая Гора, Колчан, Михайловск. Зрителями были командиры и бойцы Красной армии, рабочие приисков. Всего театром за три месяца было дано 66 спектаклей, которые посмотрели более 20 тысяч зрителей. Репертуарный план сезона 1942/43 года предусматривал 12 новых постановок. Преобладали в нем спектакли по пьесам советских драматургов, посвященные событиям Великой Отечественной. К примеру, «Русский лес» и «Петр Крылов» Финна, «Урок жизни» Головчинера, «Сестры» Германа.

Из доклада исполкому Нижне-Амурского областного Совета депутатов трудящихся директора и художественного руководителя А. Боровского о работе театра в 1943–1944 годах узнаем, что состоялись летние гастроли в населенных пунктах Ульчского и им. П.Осипенко районов Хабаровского края: в Софийске, Де-Кастри, Мариинском, Херпучах. Причем за это время летних гастролей театр сумел подготовить два новых спектакля: «Светит, да не греет» А. Островского и «Жди меня» К. Симонова.

Непросто приходилось театру в это время. По штатному расписанию труппе требовались 21–22 человека, а работали всего 16. Кроме того, театр не имел собственной площадки. Дом Красной армии отказал в своем помещении, а клуб моряков, который планировали ему передать, нуждался в ремонте и соответствующем оборудовании. Склад театра располагался в помещении отделения «Дальтехснабнефти», который был явно непригоден для хранения реквизита. А когда труппа выехала на гастроли, было предложено освободить и имеющийся склад.

Вопрос о работе драмтеатра рассматривался на заседании исполнительного комитета Нижне-Амурского областно-

го Совета депутатов трудящихся 26 мая 1944 года. Отметив неплохие итоги работы и творческий рост актерского коллектива, исполком решил обратиться с просьбой к командующему Дальневосточным фронтом генерал-полковнику Пуркаеву обязать командующего Северо-Армейской группой войск генерал-майора Черемисова выделить Николаевскому-на-Амуре облдрамтеатру в помещении Дома Красной армии одну комнату для проведения репетиций и одну для канцелярии театра. Из сохранившихся приказов директора театра следует, что 29 июня 1945 года театр выезжал на гастроли в Хабаровск.

О том, что театр пользовался успехом у жителей Нижне-Амурской области, говорят цифры. В 1946 году артисты дали 50 спектаклей, хотя по плану предусматривалось 48. Общее число зрителей – 18,1 тысячи человек (по плану 17,2 тысячи). Сборы от спектаклей составили 219,9 тысячи рублей (по плану 201 тысяча рублей). Кроме того, сыграно 26 выездных спектаклей.

Из документов за 1948 год (последний год работы театра), в архиве сохранился лишь отчет за первый квартал. За этот период театром было поставлено 46 спектаклей, которые посетил 7 501 зритель, сборы от спектаклей составили 74 600 рублей.

В 1950–1960-е годы в Николаевском районе стало активно развиваться любительское театральное искусство. При домах культуры и клубах создавались театральные студии и кружки. Театральные традиции получили развитие в деятельности народного любительского театра в Николаевске-на-Амуре уже в начале 1960-х. В докладной записке в крайком профсоюза работников культуры № 129 от 10 декабря 1964 года заведующего отделом культуры Н.Пикулева говорилось о том, что Николаевский-на-Амуре городской отдел культуры и горком профсоюза работников культуры ходатайствуют перед краевым Советом профсоюзов о том, чтобы с мая 1965 года предусмотреть ставку режиссера и художника-оформителя народного театра в Николаевске-на-Амуре. Городской драматический коллектив, работавший второй год, боролся за звание народного театра, и к маю 1965 года такое звание ему планировалось присвоить. Однако произошло это позднее.

За успешную работу в 1968 году Николаевский-на-Амуре горком КПСС просил краевое управление культуры присвоить театральному коллективу звание «Народный театр». Городской театральный коллектив создан в 1963 году на базе клуба моряков, затем работал при районном Доме культуры. За это время самодеятельные актеры сыграли 50 спектаклей для горожан, выезжали со своими постановками в села Николаевского района. Что касается репертуара, в апреле 1966 года за постановку пьесы Медведченко «Камень на дороге» коллектив театра получил диплом I степени. В 1968 году были поставлены спектакли У. Сарояна «Эй, кто-нибудь!», А. Арканова и Г. Горина «Свадьба на всю Европу».

Об успешной работе народного театра в 1970-е годы свидетельствует статья В. Самойловой «Народный театр ждет Вас»: «Народный театр при городском Доме культуры работает уже много лет. За свои творческие успехи он в 1969 году получил звание народного. Потом по разным причинам старый коллектив распался. В 1979 году Н.В. Дудина начала работать режиссером народного театра. Репертуар его разнообразен: от фантастической детской сказки до спектаклей большой гражданственности: «Гудят колокола памяти» по произведению Р. Рождественского «Реквием».

Можно сказать, что театральное искусство занимало особое место в становлении художественной культуры в Николаевском районе. И хотя развивалось оно в основном как самодеятельное, те годы, когда здесь существовал профессиональный Нижне-Амурский областной драматический театр, сыграли важную роль в формировании художественной культуры и театральных традиций на Нижнем Амуре.

Листая прошлого страницы

Вячеслав СОБОЛЕВСКИЙ

В.П. Соболевский, заслуженный артист России

В конце августа 1960 года, сразу же после окончания консерватории, я созвонился с Юрой Трофимовым – моим соратником по Одесской консерватории (блестящим баянистом): «Ну что, старик? Рискнем? Поедем на Дальний Восток, в Хабаровск?»

Юра – человек с юмором, и мы договорились встретиться в Москве. Я взял в руки два чемодана и... вперед!

Встретились. Решили ехать поездом – страну посмотрим, Байкал... Родители от такой информации были в шоке: где Одесса, а где Хабаровск! Купили карты географические и стали искать незнакомый город. Нашли. И стало им еще хуже, но мы уже все решили, и потому родителям ничего не оставалось, как готовиться к проводам. Мама моя купила мне белые бурки с отделкой из коричневой кожи (которые я так в Хабаровске и не надел. В первую зиму проходил в туфельках – форсил. Я же был АРТИСТОМ филармонии!).

Решили взять билеты в купейный вагон. Нам крупно не повезло. Соседкой по купе оказалась женщина с грудным ребенком, который, как мы решили, не хотел уезжать из Москвы в такую даль и плакал не переставая. Пришлось выходить в тамбур. Правда, скоро стало ясно, что семь суток в тамбуре не простоишь, и мы перешли в ресторан, где проели все деньги, отданные нам на дорогу родителями. В Новосибирске пришлось бежать в сберкасса и снимать деньги с аккредитива (родительская забота – подарок сыну в дальнюю дорогу).

Наконец наш «долгоиграющий» поезд остановился в Хабаровске. Администратор филармонии меня не встречал. Он... перепутал расписание поездов. (Как эта картина в дальнейшем часто повторялась! И обязательно эта «забывчивость» совпадала с ночным расписанием.) Позвонил Чернину. Он успокоил: все в порядке, номер заказан в гостинице «Амур».

Добрался до гостиницы, где получил одноместный номер. Все чисто, наглажено и красиво. Со мной было два чемодана. Один с моими вещами, второй – с нотами. Все бы хорошо – жить бы в гостинице да жить, но после каждого месяца проживания начинался второй двойной тариф. Для филармонии это было дороговато, и меня каждый месяц «кидали» из одной гостиницы в другую, и каждый месяц я собирал свои два чемодана. Было даже весело и интересно! Неудобство одно – нет инструмента для занятий.

В конце концов мне это надоело, и я попросился на частную квартиру, где был бы инструмент и я мог бы заниматься. Такую квартиру мне нашли – на Саперной улице в индивидуальном доме. Хозяйкой была известная в городе женщина: в прошлом администратор Хабаровского театра драмы Валентина Николаевна Титаренко, ее муж – юрист, интеллигентнейший человек плюс молодая дочь, впоследствии ставшая тоже известным театральным администратором – Ирина Панджариди. Стало привычным: «Два чемодана вперед!» – и я уже в многокомнатном частном доме.

Если когда-нибудь удастся напечатать свои воспоминания не в журнальном варианте, то описание жизни в доме Валентины Николаевны и ее обитателей будет достойно особого внимания! Это вам не «воронья слободка», а нечто более интересное. Основная особенность жильцов заключалась в том, что все имели вузовское образование, а главное, были уверены в своем высоком предназначении служить искусству.

А сама Валентина Николаевна! Она выращивала и потрясаяще солила помидоры и огурцы в огромных бочках, стоявших в погребе. Ни до, ни после я не едал ничего более вкусного! Там же она выращивала шампиньоны. По вечерам мы засиживались в этом погребе. С закуской проблем не было, а об остальном нужно было позаботиться самому. И мы старательно «заботились».

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

Дом Валентины, который дал нам первое представление о людях особой категории – ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКАХ...

В моей комнате стояло старенькое пианино. Как потом выяснилось, на нем можно было играть только после длительного посещения подвального помещения. Постепенно количество жильцов в доме увеличивалось. Поселилась выпускница Ленинградской консерватории Анжела Рубин. В этом же году приехал в Хабаровскую филармонию после Ленинградской консерватории баритон Валерий Иванов. Организовав концертную бригаду, уже через десять дней мы выступали в поселке Хор, где я играл соло и аккомпанировал певцам. Это был мой первый концерт на Дальнем Востоке.

Приехали на работу в Хабаровскую филармонию после окончания Киевской консерватории и три замечательных музыканта – баянисты Николай Худяков, Иван Шипельский и Анатолий Хижняк, который поселился в «моей» комнате. И уже очень скоро появились афиши концертов «Дальневосточного трио-баянистов».

Успех был огромный! В ту пору были очень распространены так называемые смешанные концерты, в которых принимали участие артисты разных жанров, вплоть до клоунады. Поездки по селам, стройкам тех лет, незабываемые гостиницы, дороги, в которых застревали перевозившие нас машины, и мы, весело толкавшие их... Сегодня вспоминается, что не было никаких трагедийных ощущений, что вот, мол, нет условий, а мы все – выпускники ведущих вузов страны... Было весело, и было сознание того, что делаем большое дело. Ведь нас так хорошо, душевно встречали люди в маленьких поселках, на станциях...

Пройдет несколько лет, и «дальневосточное трио» плавно перейдет в «Уральское трио», будет покорять слушателей западных краев России, а также близкого и дальнего зарубежья. Все трое получают почетные звания «народных артистов», а их приезды в Хабаровск станут настоящими праздниками для любителей музыки, педагогов и студентов музыкального училища, в котором они вместе с замечательным преподавателем Виктором Арсеньевичем Никиточкиным (ставшим заслуженным работником культуры) и создали одно из лучших отделений народной музыки на Дальнем Востоке. Позднее гастрольные тропки не раз устраивали нам встречи, чему мы были несказанно рады. Мы много в молодости сотрудничали, много вместе ездили...

В то время филармония не могла похвастаться большим количеством коллективов. Не было симфонического оркестра, камерного оркестра, не было и своего помещения, и филармония ютилась в нескольких комнатухах при музыкальном училище. Впоследствии вместо одной группы стало три, появились эстрадные группы Синайского, Марка Уханова и другие – детские, кукольные и т. д. Все это было делом Чернина – НАСТОЯЩЕГО художественного руководителя краевой филармонии. Был создан филармонический отдел, которому понадобился отдельно руководитель, и был приглашен на эту должность композитор – Юрий Владимиров, тоже одессит.

Начались серьезные подготовки тематических концертов с большим объемом работы, как творческой, так и по количеству концертов. География – весь Дальний Восток плюс Сибирь и Урал. Приходилось участвовать и в разных сборных концертах. Практически никакой аппаратуры не было. Ну, может быть, один микрофон, который помогал как-то озвучивать участников...

Сольным номером меня всегда ставили открывать концерт. (Помните анекдот? Концертный зал. Свет потушен.

Между рядами кресел пробирается опоздавший зритель. Спрашивает: «Что, концерт уже начался?» – «Да нет, еще только пианист играет».)

Постепенно я начал заниматься, подготовил программу сольного концерта, Второй концерт Рахманинова для фортепиано с симфоническим оркестром. В городе появились на афишных тумбах мои рекламы – черно-белые (цветной печати еще не было), с маленьким портретом. Мне стукнуло 24 года! Концерты прошли успешно, а на другой день я заметил, идя по центральной улице города, где и стояли круглые тумбы в большом количестве, что портреты с афиш аккуратно вырезаны. Было очень лестно (об этом сразу же сообщил маме). Так начиналась моя профессиональная работа...

...ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКИ. Это кто? Те, кто родился и живет здесь много лет? Те, кто родился и в трудные времена сумел быстренько покинуть родные края? Или те, кто приехал на Дальний Восток по воле сердца, честно трудился, оставив существенный след в культурной жизни города и края? Что-то есть особенное, притягательное в этом слове – ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКИ. И многие, став москвичами, ленинградцами, по-прежнему называют себя дальневосточниками, чувствуя все-таки разницу в психологии людей тех краев и наших, дальневосточных.

Мне, наверное, повезло «по-крупному»: за время моей работы (более 40 лет!) в краевой филармонии, в Хабаровск приезжали и оставались на долгие годы превосходные специалисты, отличные люди, талантливые и образованные.

Первым из них, с кем мне привелось сотрудничать, был выпускник Одесской консерватории Валентин Григорьевич Чернин, по предложению которого я и поехал «за запахом тайги». Энтузиаст Чернин сумел реализовать поставленную перед самим собой задачу – превратить провинциальную концертную организацию в настоящую ФИЛАРМОНИЮ, основой деятельности которой была бы пропаганда истинного классического искусства. Для этого потребовались, прежде всего, КАДРЫ, и Чернин умел их находить, заинтересовывать и приглашать в Хабаровск, на Дальний Восток. Приезжали выпускники вузов из Москвы, Ленинграда, Новосибирска и т. д. По его инициативе симфонический оркестр радиокомитета был переведен в штат краевой филармонии (хотя и не было своего концертного зала – вырубал зал ДОСА), он организовал замечательный городской хор, доведя его исполнительский уровень до уровня профессионального коллектива (старшее поколение хабаровчан помнит, каким строгим был отбор в хор).

Именно по предложению Чернина Министерство культуры направило в наши края Юрия Яковлевича Владимировича для создания Дальневосточного филиала Союза композиторов СССР, первым председателем которого он и стал. По специальности дирижер-хоровик, Чернин был эрудитом не только в вопросах музыкального искусства, и это качество, конечно же, магически действовало на людей, тянувшихся к общению с ним.

Вполне естественной по насыщенности, по обилию реализованных идей стала и вся последующая жизнь Чернина. Живя в Санкт-Петербурге, несмотря на преклонный возраст, он много работает. (Мы с ним переписываемся.) Пишет книгу воспоминаний. Ему есть что вспомнить. Судьба щедро дарила ему встречи с выдающимися людьми. Став в Ленинграде художественным руководителем Октябрьского концертного зала (около трех тысяч мест!), он наполнял его событийными мероприятиями. Такими, как международный конкурс «Майя», в преддверии юбилея Майи Плисецкой (с ней и Ро-

дионом Щедриным Чернин давно знаком, они дружат домами). Что-то задумав, Чернин всегда доводил все до победного конца. И здесь он подготовил в мастерских Кировского театра декорации по эскизам Мессерера, взял оригинальную запись сюиты «Кармен» Родиона Щедрина у Геннадия Рождественского, организовал приезд балетной труппы Большого театра во главе с Майей Михайловной и провел пять аншлаговых концертов в Большом концертном зале с грандиозным успехом... Нечто подобное было и с «Поэторией» Щедрина и А. Вознесенского (в Москве запретили поначалу ее исполнение, в Ленинграде тоже не очень-то приветствовали, но... надо знать Чернина!). Все это только на бумаге просто перечисление дел, в действительности потребовалась масса усилий для поисков спонсоров, организации международной рекламы, жюри из ведущих хореографов мира и т. д. и т. п. Частые поездки в Париж привели к знакомству с Карденом, Леграном...

Я пишу об этом человеке с мыслью о том, какие люди работали в Хабаровске(!) и как жаль (для нас), что рождаются причины, по которым они уезжают. Оставшись на Дальнем Востоке, представляю, что мог бы организовать Чернин... Он и сегодня тепло вспоминает наши края, особо выделяя смысл слова ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКИ....

Планка духовная на Дальнем Востоке была в те годы поднята очень высоко! Действительно, кадры решают все...

О заслуженном деятеле искусств Юрии Яковлевиче Владимирове писать и трудно, и легко. Трудно потому, что о нем есть масса информации. А легко – потому что еще есть что сказать, вспомнить. Еще одна незаурядная личность, приехавшая на Дальний Восток из Одессы. Работая в музыкальном училище, а затем и в институте культуры, он имел много учеников, фанатично преданных ему. В филармонии он возглавлял филармонический отдел, формируя абонементы и репертуары исполнителей, много сочинял музыки. Кстати, его Дальневосточный концерт для фортепиано с оркестром был посвящен автору этих строк (что было для меня очень лестно и исполнялся успешно не только в наших краях, но и в Москве, где получил высокую оценку специалистов. Хотя поначалу Юра не хотел писать фортепианный концерт, напирая на то, что он не пианист и не знает фортепианную фактуру. Если бы он мог послушать сегодняшних «композиторов», выступающих на центральном ТВ и не имеющих представления об истинном смысле этого слова. Юра представлял другое поколение...

Первая и вторая части концерта были написаны довольно быстро, а финал вызвал определенные затруднения. Он должен был быть истинно ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫМ, и я предложил Юре взять за основу «Рыбацкую нанайскую». Реакция Юры: «Ты что, идиот? Это же музыка Менцера!» «Но обработка-то истинной народной нанайской песни, которая в хорошем изложении звучала довольно часто и была любима и исполнителями, и слушателями!».

Позвонили Н.Н. Менцеру. Добрейшей души был человек и много полезных дел сделал для пропаганды музыки коренных народов Дальнего Востока. Менцер дал согласие и вместе с нами искренне радовался успеху Дальневосточного концерта.

Когда через год после премьеры я играл этот концерт в Москве с оркестром Вероники Дударовой, музыканты, уходя на перерыв, с удовольствием напевали-насвистывали тему финала – столь свежа она и необычна была для них. А мы радовались: Москва познакомилась с нанайской мелодией...

Великолепные дальневосточные зарисовки нашли отра-

жение и в песнях Владимиров на стихи Петра Комарова, ну а говорить о его вальсе «Хабаровские огни», ставшем своеобразным брендом, не стоит – так он популярен. Трудно перечислить все сочинения Владимиров, созданные на Дальнем Востоке, – это и музыкальные спектакли, и крупные симфонические и хоровые произведения...

Юрий Яковлевич, как и пригласивший его на работу Чернин, был необычайно щедрым к своим друзьям и подопечным. Он щедро делился своими знаниями. Его занятия с молодыми начинающими композиторами, среди которых были и известный сегодня Александр Новиков, Владимир Пороцкий (г. Благовещенск) и другие, были настолько интересны, что даже не сочинявшие музыку часто приходили к нему на встречу.

Даже в больнице, за день до своей кончины, он работал: на кровати лежала кипа нотного материала – он редактировал творения молодых (тому я был свидетель).

Юрия Яковлевича не стало в результате роковой ошибки медсестры. Было ему всего 54 года... На его похороны приехали-прилетели музыканты из разных городов Дальнего Востока.

Еще одна личность, привлекавшая внимание дальневосточников и сыгравшая существенную роль в развитии театрального искусства на Дальнем Востоке, особенно театра музыкальной комедии, – Юлий Гриншпун. Поначалу внимание, а позднее и заслуженную любовь...

Но воспоминания о нем надо начать с того, что в 1960-е годы родился спор: где логичнее открывать консерваторию и институт физкультуры – в Хабаровске или во Владивостоке? Конечно же, все музыканты и люди, имевшие отношение к искусству, были за консерваторию. У нас и старейший театр музыкальной комедии, и симфонический оркестр, один из лучших на Дальнем Востоке, и училище искусств. Но не от нас эти решения зависели, и в результате мы «поимели» институт физкультуры, а Владивосток – институт искусств. Со временем все утряслось, но еще долго работающие во Владивостоке удивлялись огорченно: база-то профессиональная была лучше в нашем городе, в Хабаровске... Ну да ладно. Постепенно мы все стали друзьями, даже на Новый год ездили в гости друг к другу. Такие вот были времена...

Юлик Гриншпун... Так его все звали и... зовут по сей день – Юлик. Выпускник Одесской консерватории, Ленинградской аспирантуры (у самого П. Серебрякова!), сын актрисы и известного театрального деятеля-режиссера и педагога И. Гриншпуна, племянник популярного ленинградского композитора И. Шварца, он рос в атмосфере преданности и поклонения истинному искусству. Поэзия, живопись, театр, музыка – все его интересовало на профессиональном уровне. За что бы он ни брался, везде достигал высокого профессионализма. Плюс ко всему великолепное чувство юмора, что потом и проявилось в его режиссерской работе в театре музыкальной комедии.

А поначалу он приехал во Владивосток по приглашению на должность заведующего фортепианным факультетом в только что открывшийся институт. Пока он работал там, наши выпускники буквально рвались к нему в класс. Там же он начал преподавать и на актерском отделении и ставить свои первые спектакли. Их успех убедил Юлика в правильности решения, которое он принял – быть режиссером...

Это редчайший случай в мире, чтобы такой музыкант-пианист классического направления увлекся режиссурой музыкально-комедийного жанра. Он понимал саму ПРИРОДУ смешного, довольно пошлые пьесы переписывал, допи-

Гастроли Грузинского театра им. Шота Руставели. Справа налево: главный художник театра Г. Месхишвили, ведущая встречи И. Соболевская, народный артист СССР Роберт Стура. Хабаровск. 1982

Юлий Гриншпун, заслуженный деятель искусств России

1970-е. Во время съемки телепередачи о заслуженном деятеле искусств Ю. Владимирове (на фото в центре). Участники передачи: музыкальный редактор П.П. Ивачев, музыковед И.П. Соболевская

сывал, вставлял свои номера, делал все, чтобы хор, статисты, балет становились **ДЕЙСТВУЮЩИМИ** лицами. Он провел и первые гастроли нашего театра музыкальной комедии в Москве. О музкомедии заговорили как о ТЕАТРЕ ГРИНШПУНА. Был настоящий успех! Но... Одесса тянула к себе. Михаил Водяной вел с ним долгие переговоры, приглашая руководить знаменитым театром. Уговорил. Юлик уехал. Однако Одесса была уже не та. Многие одесситы уехали, жизнь стала сложнее, люди несколько изменились, существовали иные взаимоотношения. Юлик создает СВОЙ театр и, написав и поставив пьесу «Тихо! Ша! Мы едем в США!», повез театр на гастроли в Америку, куда пол-Одессы перебралось на Брайтон-Бич.

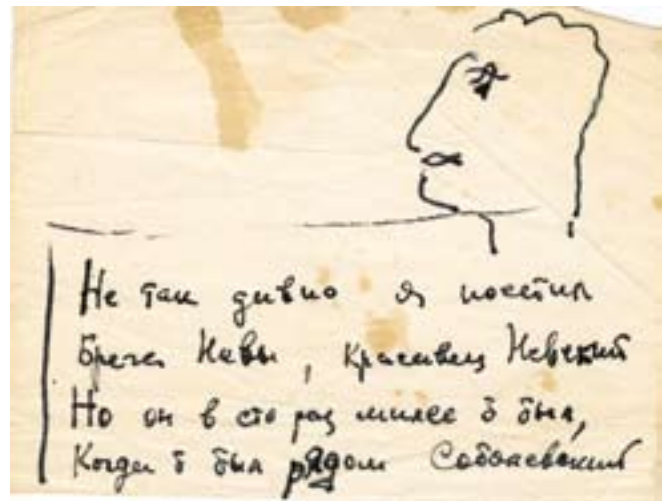
Мы с Ириной были на этом спектакле, который начинался в одиннадцать вечера и заканчивался в час тридцать ночи. Все декорации, выгородки состояли из чемоданов, каждый персонаж появлялся с чемоданом, говоря: «Вы едете в США? Ша!» Был успех, их пригласили еще раз. К сожалению, появились в коллективе невозвращенцы. А Юлик вернулся... в Хабаровск, и каждый его спектакль стал событием в жизни нашего театра.

Мы часто встречались у нас дома, музицировали. Однажды, прилетев из Ленинграда, сидя за столом, он написал на салфетке такие строки:

Не так давно я посетил
Брега Невы, красавец Невский
Но он в сто крат милее б был,
Когда б был рядом Соболевский.

Милая, шутливая записочка, случайно сохранившаяся. Она мне очень дорога...

Непросто проходил он избранный им путь режиссера: Воронеж, где не нашел понимания с руководством города,

Магадан, где став главным режиссером, объединил театр драмы и комедии, Хабаровск. Но о нем заговорили в столичной прессе. К нему стали приезжать видные театральные художники, критики. Даже мы, хабаровчане, летали на его премьерные спектакли в Магадан, а приехав в Хабаровск, старались рассказать о своих восторженных впечатлениях всем тем, от кого зависело приглашение Юлика в наш театр.

Соглашение было подписано...

Как мне кажется, лишь после ранней смерти Юлика, артисты по-настоящему осознали, что значит в театре РЕЖИССЕР. Их горе было искренним. Да и сегодня многие из них, помня уроки Юлика, пользуются его советами...

Впервые мы с ним встретились студентами Одесской консерватории, попав в один класс к прекрасному педагогу Людмиле Наумовне Гинзбург. Пройдет 40 лет (!), и на моем юбилее, устроенном друзьями, мы, сидя за двумя роялями, пели:

Юлик: Когда приходят юбилеи...
Я: Мы не становимся моложе...
Юлик: Тебе сейчас такое пели!
Я: Вот доживешь – услышишь то же...

К сожалению, он не дожил...

В тот же вечер Юлик играл по просьбе юбиляра «Ноктюрн» Шопена. Играл великолепно! Сохранилась видеозапись, и смотреть ее и слушать без слез невозможно...

Пишу и думаю о том, что встречи и дружба с хорошими, интересными, творческими людьми – подарок Бога! Листая прошлого страницы, еще и еще раз благодарю его за такие подарки. Их было много...

1960–1980-е годы были необычайно насыщены событиями, вносящими существенный вклад в духовную жизнь Дальнего Востока, прерванную в силу событий 1990-х годов и только теперь восстанавливающуюся. Будем надеяться на лучшее, не забывая о прошлом...

Практически каждый год, особенно в летние месяцы, к нам приезжали ведущие творческие коллективы страны: Большой, Малый театры, БДТ, театр на Таганке, театр на Малой Бронной, «Современник» и другие, симфонические оркестры (Большой симфонический – главный тогда оркестр страны, Казахский, Латвийский, Грузинский...) Оттого-то, может быть, и прослыли мы городом театральным, музыкальным, с прекрасной грамотной публикой. Мы не чувствовали себя оторванными от культурной атмосферы столичных городов. Более того, приезжая к ним в командировку или в гости, мы с удовлетворенным чувством дальневосточного патриотизма отмечали: а видели и слушали-то мы больше, чем они, рассчитывающие на то, что всегда успеют посмотреть-послушать.

1982 год. К нам на Дальний Восток приезжает грузинский театр им. Шота Руставели. Театр, только что всколыхнувший Лондон своим открытием, что пьесу Шекспира «Ричард III» лучше, чем англичане, ставят... грузины (по утверждению великого режиссера и актера англичанина русского происхождения Питера Устинова), в то время мало кому известный. О театре и его главном руководителе Роберте Стуруа заговорил МИР!

И вот этот театр приезжает к нам. Были сомнения, были сложности, потому что все спектакли шли на грузинском языке. Подключили к каждому креслу наушники... Но ничто не могло помешать великому воздействию подлинного искусства театра. Убежден, что даже и без переводчика все было бы понятно. Мы узнали, что такое его величество ТЕАТР! Были покорены талантами актеров, художников, режиссера, всей труппой! Целый месяц, не пропуская ни одного дня, мы ходили на эти спектакли. А труппа была покорена нашими зрителями. Они боялись (не очень-то представляя себе, что такое Дальний Восток) быть непонятыми, непосещаемыми. А вышло все наоборот. Мы признали театр, а театр признал нас. Мы подружился и... (по их просьбе) поехали еще на месяц во Владивосток. Там, уже слышанная о триумфе театра в Хабаровске, публика ждала их с нетерпением...

Прошло четверть века! Мы не теряем связи, мы – в переписке с семьей великого Рамаза Чхиквадзе. И мы, и они с большим огорчением воспринимаем все сложности взаимоотношений между нашими странами и очень надеемся, что наступят времена, когда мы вновь сможем прилетать в прекрасную Грузию – добросердечную и гостеприимную. В страну, о которой один француз восторженно сказал: «Если

Грузию с ее горами разгладить утюгом, она будет совсем как Франция!» Не надо Грузию гладить утюгом. Пусть она остается такой, какая есть – неповторимой.

Мы внимательно следим за судьбой театра, который внес такую хорошую ноту в нашу жизнь. С радостью читаем в газете «Культура» о новых работах Стуруа в московских театрах, о коротких гастролях. В одной из заметок известного театроведа Смелянского было написано о спектакле «Кавказский меловой круг» (гастроли в Москве), где главную роль играет Рамаз Чхиквадзе. Не цитирую, а вспоминаю смысл прочитанного: когда на сцену вышел Чхиквадзе, зал взорвался аплодисментами, мурашки пошли по спине – такова аура ВЕЛИКОГО АРТИСТА!

28 февраля Рамазу исполнилось 80. Прекрасно! Такие люди должны жить долго.....

В моем дневнике сохранились многочисленные воспоминания о Грузии. Они мне дороги... А на книжной полке стоит книга, подаренная Робертом Стуруа (она всегда смущала приходившего к нам Юлика, уговаривающего нас отдать-продать эту книгу с автографом Стуруа, но, любя Юлика, мы не могли этого сделать. Слишком дорог был подарок!). На титульном листе надпись: «Дорогим и любимым Ирине и Славе от старого и верного тбилисца Роберта Стуруа». А далее: «Смотрите вкладку стр. 33». Смотрим. Карта Тбилиси, а на ней все ориентиры – как, куда пройти-проехать в гости к Роберту. Прочитали, посмотрели и вновь ощутили театральное действо. У грузин театр в крови, в любом поступке, событии. Проза жизни не их удел...

...Трудно отдать предпочтение одному творческому коллективу, гастролировавшему в наших краях. Так случилось, что большинство из них были всемирно известными, в том числе и Ленинградская академическая капелла имени Глинки, старейший русский хор, история которого (с XVIII века! В 2008 году – 305 лет!) и есть история зарождения и становления всей отечественной музыкальной культуры. К нам коллектив под руководством профессора, народного артиста В. Чернушенко прилетел для совместного исполнения «Реквиема» Моцарта с Дальневосточным симфоническим оркестром. Не было предела радости истинным любителям и знатокам послушать это произведение вживую, да еще в таком исполнении! Но радостное событие чуть было не сорвалось по причине мнения одного из руководителя от искусства (не в фамилии дело, человек сам по себе был хороший, но...), решившего, что исполнение «Реквиема» станет примером... религиозной пропаганды! Пришлось специально идти на прием к высокопоставленному лицу и сказать, что во вступительном слове ведущей обязательно прозвучит важный исторический факт: в первую годовщину Октябрьской революции именно «Реквием» Моцарта звучал на торжественном собрании. В концертном зале сидели в основном матросы и рабочие – участники революции. Сидели и слушали великую музыку как реквием по погибшим товарищам. При абсолютной тишине. Такова сила воздействия ВЕЛИКОГО искусства!

Мы прощались с руководителем хора и думать не думали, что судьба нас (хабаровчан) как-то сможет еще раз связать. Ан нет, связала. С 2007 года наш Дальневосточный симфонический оркестр возглавил молодой дирижер-выпускник Санкт-Петербургской консерватории Илья Дербиллов – воспитанник хора мальчиков при академической капелле. А его учитель – профессор В. Чернушенко...

Жизнь идет по кругу... Наступает эпоха ВОЗРОЖДЕНИЯ?.. Надеюсь и жду, листая прошлого страницы...

Сюжеты путешествий

Острова в акварельных красках

Елена ГЛЕБОВА
Фото автора

Пытаюсь подобрать ключевое слово, чтобы определить свое впечатление от Швеции. Наверное, «лаконизм». Во всем: в красках ландшафта и архитектурных портретах городов, в подходах к современному искусству (да и, пожалуй, к искусству вообще) и дизайнерских проектах. Расставляю именно такие акценты, потому что знакомство с этой западноевропейской страной произошло через ее музеи и выставочные центры, что было задачей международного проекта «Журналисты, работающие в области культуры, и региональные музеи». Осуществила его автономная некоммерческая организация «Единство журналистики и культуры» при поддержке Фонда Форда и посольства Швеции в Москве, поставив вполне конкретную цель: обмен опытом и развитие контактов между российскими и шведскими региональными музеями и журналистами, а также возможное осуществление совместных проектов в будущем.

Остров Шёрн

Российскую сторону в этой поездке представляли мои коллеги-журналисты из Москвы, Великого Новгорода, Саратова, Самары, Екатеринбурга, Новосибирска и Томска. Хабаровск в нашей географической подборке оказался самым дальним городом, и когда через переводчика я объясняла, что приехала с Дальнего Востока и что от нас рукой подать до Поднебесной и Страны восходящего солнца, встречала неизменное удивление: «О! Как же это далеко от Швеции!» Совершенно верно, на краешке земли. И все же, как выяснилось, некоторые «родственные связи» у нас имеются. Речь идет о тесных торговых контактах между Швецией и Китаем, которые неплохо развивались в средние века. И потому в музейных собраниях Гётеборга (а он стал первым городом в нашем маршруте) имеются многочисленные предметы китайской культуры. Например, одно из главных направлений музея Рёёс, основанного в 1904 году неутомимыми братьями Уильямом и Августом Рёёс, – Восточная Азия. Еще в 1912-м они снарядили экспедицию в Китай, во время которой была приобретена великолепная коллекция скульптур Будды, драконов, предметов утвари, которые датируются XIV–XVII столетиями. У входа в музей, грозно оскалившись, восседают каменные львы. И хотя в XX веке Рёёс все больше становится музеем шведского и скандинавского дизайна (масштабная экспозиция, переходя из зала в зал, берет начало в восемнадцатом столетии и, шаг за шагом, уводит в далекое будущее, дизайнерские формы которого предельно лаконичны), мир Поднебесной не отступает на второй план.

Сюжеты о торговых связях Китая и Швеции встречаются и в Гётеборгском городском музее: настенные росписи, где на фоне больших кораблей изображены китайские купцы со своими экзотическими товарами, а также коллекция старинной керамики, которая вошла в отдельную экспозицию.

Гётеборгский городской музей (он построен в 1750 году) – достаточно крупный научный, исследовательский и культурно-исторический центр, где имеется солидная библиотека и архив (в нем более миллиона единиц хранения). Не случайно именно здесь, во время встречи с его директором Ингрид Ломфорс, речь шла о политике в области культуры.

Коротко это выглядит так. Культура в Швеции (мы говорим о музеях, культурных центрах, изданиях, специализирующихся на вопросах искусства и т. д.) чаще всего получает поддержку на трех уров-

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

Музей акварели

нях: государственном, региональном (или муниципальном) и частном. Таким образом, средств, поступающих из этих трех источников, вполне хватает на достойное содержание зданий, приобретение необходимого оборудования, на организацию выставок и всевозможных творческих акций. Неплохую помощь оказывает управление культуры (оно имеется в каждом городе), задача которого – донести информацию о деятель-

ности того или иного учреждения до новых «клиентов»: молодежи, эмигрантов, жителей отдаленных районов, с тем чтобы привлечь их к участию в культурной жизни. Существуют также различные негосударственные организации, среди которых, например, «Свободное искусство и культура», которая поддерживает свободных художников.

Что касается журналов, нередко они являются независимыми издания-

ми, но чаще всего получают поддержку всех трех уровней. При этом вопросами распределения финансов занимается Совет Швеции по культуре.

Деньги деньгами, но это лишь необходимое дополнение. В центре всего должна быть идея, из которой вырастает тот или иной значимый проект. С этим в Швеции тоже все в порядке.

Музей акварели на острове Шёрн вырос из мечты художников Швеции, Ис-

Настенная роспись в Гётеборгском городском музее

Будда из коллекции музея Рёёс

Новый дизайнерский музей «Вандалорум». Стокгольм

ландии, Финляндии, Норвегии создать единый центр акварели, где бы проходили не только выставки, но и школы известных мастеров, проводились исследования в этой области изобразительного искусства. Совместными усилиями мечта обрела реальные очертания, и сегодня Музей акварели стал местом настоящего творческого притяжения. И приезжают сюда не только художники. Только в прошлом году остров Шёрн посетили 170 тысяч человек (а численность его населения всего 15 тысяч).

Музей акварели расположен на самом берегу залива, и в его стеклянных стенах почти все время отражается солнце, которое купается в море. Здесь специально оборудованные мастерские для занятий акварелью (для детей и взрослых), выставочные залы, библиотека, специализированный магазинчик и ресторан, где превосходно готовят рыбу и морепродукты, поставляемые рыбаками острова Шёрн. От музея лучами расходятся деревянные мостики. Одни ведут к небольшим коттеджам-студиям (их на лето снимают художни-

ки), другие позволяют подойти к скалам и взобраться на самую вершину, и тогда открывается бесконечное Балтийское море. Кажется, протяни руку, и коснешься крыла чайки. Потрясающий по красоте остров в акварельных тонах. Наверное, идеальное место на Земле.

Впрочем, столь же сильное впечатление произвел остров Кальмар (ударение следует делать на первом слоге). Здесь расположен небольшой городок с одноименным названием, где (так и хочется употребить заезженную, но очень красивую фразу) «все дышит стариной». Но в какой-то момент это размеренное «дыхание» становится ритмичным: мы попадаем в Новый художественный музей Кальмара. Наряду с традиционными выставками здесь осуществляются интересные проекты с акцентом на современное искусство. Нашей группе представили один из них – «Смоук, или Совершенно свободна». Экспозиция предельно проста. На стенах в красных и синих рамах большие фотоколлажи из множества женских портретов. Все они разные: юные и зрелые, веселые и за-

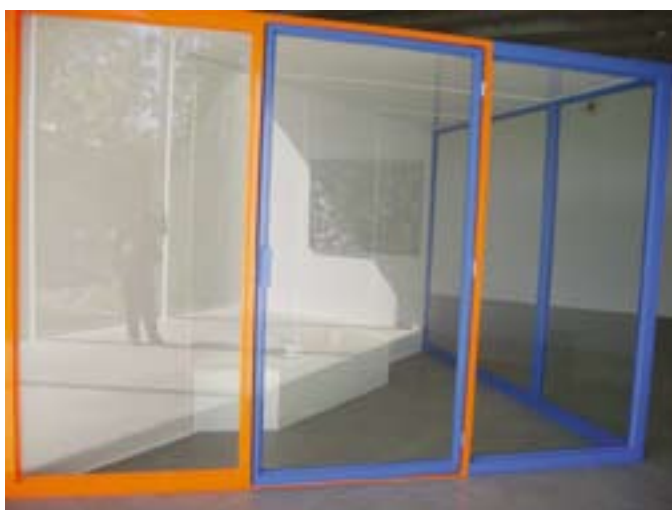

Китайские львы у входа в музей Рёёс

думчивые, но объединяет их одно – сигарета. В центре большого зала – стеклянный куб с раздвижными дверями. Туда можно войти и закурить (к слову, в Швеции в помещениях не курят вообще, по этому поводу принят закон, грозящий нарушителям серьезными штрафами). Однако выставочный проект «Смоук, или Совершенно свободна» делает исключение. И в этом суть концепции. По мнению авторов, человек, оказавшийся внутри куба (между тем условия там самые комфортные: удобная скамья, пепельница), через какое-то время начинает ощущать себя в ловушке и понимает, что далеко не свободен.

А мы движемся дальше: от современного искусства в глубь вековых традиций. В Кальмаре находится музей стекла «Оррефорс» и небольшой завод по его изготовлению (правильнее сказать, по выдуванию, поскольку стекло здесь делают по старинным технологиям).

Небольшое отступление в историю. Стекло в Швеции делают на протяжении пяти веков. Выдувать его шве-

Арт-проект «Смоук, или Совершенно свободна». Новый художественный музей Кальмара

Кальмар. Завод по изготовлению стекла

дов научили немцы. Самое первое стекольное производство располагалось в Стокгольме, в районе Старого Города. Потом оно переместилось в местечко под названием Коста, где было много леса и где его активно перерабатывали. Для изготовления стекла требовалось много дров, так как печь должна гореть непрерывно, и все отходы с лесопилок шли в дело. В 1989 году Коста стала стекольным центром: в основном делали стекла для оконных рам и упаковку. Правда, была одна проблема. По своему составу стекло на семьдесят процентов состоит из песка. В шведском песке, как оказалось, слишком много железа, и потому стекло всегда имело зеленоватый оттенок. С тех пор эту важную составляющую экспортируют из Бельгии и Голландии.

На стекольном заводе нас водили из цеха в цех, где перед нашими восхищенными взорами молодые ребята выдували из огненной массы бокалы на тонких ножках и вазы, затем огранички (уже более зрелые люди) наносили на изделия графические линии. Особые мастера завода занимаются изготовлением «штучной» продукции – воплощают самые смелые идеи шведских дизайнеров.

В столь же смелые, а порой дерзкие дизайнерские проекты мы погрузились с головой, прибыв в Стокгольм (последняя точка нашего путешествия) и посетив Новый дизайнерский музей «Вандалорум». Ну, как вам, к примеру, украшения, сплетенные из волос, пыли, сбившейся в грязные комки, проволоки, ниток и каких-то еще не слишком привлекательных материалов? На это и расчет: надевая такое «украшение», начинаешь испытывать явный диском-

форт, как и от мусора, который сопровождает нас на протяжении всей жизни. Почему бы не превращать его в предметы искусства? Или проект в направлении видеоарт: в течение пятнадцати минут в темной комнате показывают мультимедиа, в котором человек ищет смерти, а когда та приходит – страшно пугается. Изнурительная погоня, безносая уже сама перепугана до смерти, а наш герой отводит дуло от собственного виска и метким выстрелом сражает ее наповал. Такой вот жизнеутверждающий финал.

На протяжении всей поездки наша группа встречалась с журналистами, работающими в области культуры. Конечно же, вопросов к коллегам было много: каковы принципы подачи информации, какое место в газетном пространстве отводится событиям культуры, насколько свободен корреспондент в подаче материала и собственных оценках. Некоторые ответы вызвали откровенное удивление. Например, такой «кадровый» штрих: в утренней газете «Гётеборгпост» (вторая по величине в Швеции, тираж – 280 тысяч экземпляров) в отделе культуры работают 12 человек, не считая привлеченных авторов. Их задача – ежедневно готовить два разворота. И это при том, что формат газеты А-4, а сами полосы изобилуют фотографиями, соответственно текстовой информации не так много. В наших газетах, как правило, «культурные» страницы тянет один человек да еще пара-тройка его помощников. В шведских СМИ иначе. Да и привычных гонораров там нет: журналист работает за твердое вознаграждение. Судя по тому, как люди держатся за свои кресла, оно довольно приличное. Что каса-

ется подачи материала, сотрудники отдела культуры «Гётеборгпост» не ограничены какими-либо рамками и могут высказывать собственную точку зрения на события. Подобная картина и в городской газете Кальмара, где сложился симбиоз между журналистами, сотрудниками музеев и людьми искусства. Причем журналистика постепенно уходит от тяжелых критических материалов и старается подавать информацию таким образом, чтобы она была понятна и интересна всем читателям, даже тем, кто далек от искусства.

Но так не везде. Одна из самых крупных и старейших в Швеции ежедневных газет «Svenska Dagbladet» («Шведский ежедневный листок»), основанная в 1884 году, имеет три основных раздела, среди которых культура. На многочисленных полосах (а общий объем газеты приближается к ста страницам) публикуются не только репортажи и заметки с выставок и фестивалей, но и масштабные дебаты на ту или иную тему в сфере искусства, серьезные театральные и литературные рецензии. Помимо основного штата здесь активно работают фрилансеры, критики, ученые, специалисты в самых разных областях культуры.

В последние годы все острее ощущается конкуренция со стороны электронных СМИ, и потому издания имеют собственные сайты. Но как бы ни убистрялось время, диктуя новые правила, наши шведские коллеги уверены, что газеты в их бумажном варианте не исчезнут. Это ведь традиция: за чашкой утреннего кофе развернуть пахнущие свежей типографской краской страницы и узнать самые свежие новости. Например, о том, что происходит на островах в акварельных красках.

Хроника событий-2008

В Хабаровском крае прошли Дни славянской письменности и культуры

Главная цель события, организованного правительством Хабаровского края, – содействие развитию и укреплению традиций русского языка и культуры.

В рамках Дней славянской письменности и культуры состоялась научно-практическая конференция «Роль славянской письменности и культуры в укреплении российской государственности на Дальнем Востоке», фестиваль русской духовной и классической музыки «Россия-Русь, храни себя!», крупномасштабный выставочный проект «Книжная культура древней Руси» в Дальневосточной государственной научной библиотеке и др.

Во многих районах Хабаровского края в течение года организованы праздники и фестивали, посвященные славянской письменности и культуре.

Завершился краевой фестиваль народного творчества «Россия начинается с Востока», посвященный 70-летию образования Хабаровского края

Учредитель фестиваля – министерство культуры Хабаровского края, организаторы – Краевое научно-образовательное творческое объединение культуры, управление культуры администрации Бикинского района.

Фестиваль проводился на протяжении двух лет и осуществлялся в три этапа. Первый прошел в городских и сельских поселениях Хабаровского края, второй – в течение 2007 года в Комсомольске-на-Амуре, Николаевске-на-Амуре и Бикине. Во время второго этапа специалисты Краевого научно-образовательного творческого объединения культуры отбирали лучшие творческие коллективы и отдельных исполнителей.

В фестивале приняли участие солисты и вокальные, хореографические, инструментальные, фольклорные коллективы из шести районов Хабаровского края: им. Сергея Лазо, Полины Осипенко, Тугуро-Чумиканского, Хабаровского, Вяземского, Бикинского – всего более 200 человек. Заключительный этап состоялся в краевой столице в мае – июне 2008 года и проходил на всех площадках города, где лучшие коллективы показывали свое искусство. Завершение фестиваля «Россия начинается с Востока» совпало с открытием культурно-спортивного комплекса КНОТОК (бывший ДК судостроителей).

Дни Москвы, посвященные 150-летию Хабаровска, прошли в дальневосточной столице

В состав московской делегации, которую возглавлял заместитель мэра российской столицы Юрий Росляк, входило свыше 130 человек. Это официальные лица, известные артисты и творческие коллективы, приехавшие на юбилей города.

Церемония открытия Дней Москвы в Хабаровске состоялась в спортивно-зрелищном комплексе «Платинум Арена», где гости показали для хабаровчан большой гала-концерт.

Москвичи познакомились с промышленными, культурными и социальными объектами краевого центра, посетили Дальневосточный художественный музей, Хабаровский краевой краеведческий музей имени Н.И. Гродекова, встретились с ветеранами – защитниками Москвы. В рамках мероприятий, посвященных Дням Москвы, состоялись «круглые столы», международная научно-практическая конференция.

Завершили Дни Москвы в Хабаровске спектаклем «Город», который представили на сцене краевого музыкального театра артисты московского театра «Школа современной пьесы».

В Хабаровске прошел Первый международный фестиваль художественных ремесел коренных народов Дальнего Востока «Живая нить времен»

Фестиваль объединил мастеров России и стран АТР, в том числе Кореи, Японии, Китая. Здесь были представлены плотницкое ремесло, художественная обработка дерева и бересты, роспись по шелку, дереву, металлу, народная игрушка, сувенирная продукция и многое другое.

В рамках фестиваля состоялись выставки работ ведущих художников, демонстрационные показы национальной одежды, мастер-классы, конкурсы мастерства.

В столице Дальневосточного федерального округа прошли гастроли Приморского краевого драматического театра молодежи

Этот театр, названный московскими критиками «одним из самых культурных театров России, уровень художественных притязаний которого уникален», возник в 1946 году как театр юного зрителя.

Самый яркий период в истории театра связан с именем заслуженного деятеля искусств России Леонида Анисимова, который в середине 1980-х возглавил труппу. Смелый режиссер, обладающий своим видением и ярким творческим почерком, он стал легендой театра. При нем в репертуаре появилась классика. На фестивальных орбитах ТЮЗ представлял свои сенсационные постановки, о которых говорили во всех театральных кругах страны. В январе 1992 года ТЮЗ им. Ленинского комсомола был переименован в Камерный театр драмы, а в 2000 году стал называться Приморским краевым драматическим театром молодежи.

За этот промежуток времени на его сцене было поставлено около 50 спектаклей, театр принимал участие в пяти международных биеннале визуальных искусств во Владивостоке, а также в различных фестивалях как в России, так и в странах ближнего и дальнего зарубежья – в Армении, Китае, Японии, Франции, США.

Сегодня труппа, поддерживая традиции, заложенные теми, кто стоял у истоков, по-прежнему продолжает поиск и эксперимент. В гастрольной афише спектакли, поставленные по драматургии Григория Горина, Василия Шукшина, Славомира Мрожека, Людмилы Разумовской, Нила Саймона.

В Хабаровском ТЮЗе после долгого ремонта открылась новая сцена

К этому событию театр подготовил премьеру спектакля по пьесе Михаила Роцина «Валентин и Валентина».

Новое прочтение пьесы, которая на заре 1970-х считалась культовой (ей довелось уви-

деть свет ramпы многих российских театров), представил режиссер Константин Кучикин, который «поселил» участников спектакля в вагон (художник Андрей Непомнящий), трансформирующий по ходу действия то в улицу, то в квартиру, то в подъезд дома.

В спектакле звучат музыкальные шлягеры 70-х годов XX века, а также вальс композитора Александра Новикова. В ролях современных Ромео и Джульетты актеры Наталья Маркова и Александр Молчанов.

«История и культура Приамурья» – так называется новый научно-практический журнал, который вышел в свет при поддержке министерства культуры Хабаровского края, Хабаровского научного центра ДВО РАН и Дальневосточной государственной научной библиотеки

Это единственное на Дальнем Востоке региональное историко-культурологическое издание, которое призвано сыграть заметную роль в культурном и образовательном пространстве региона. Создатели надеются, что журнал «История и культу-

ра Приамурья» внесет свой вклад в поддержку краеведения: на его страницах можно познакомиться с уникальными материалами по археологии, истории, социологии, политологии, этнографии и культуре народов Приамурья и Дальнего Востока.

Сборник документов Государственного архива Хабаровского края «Мастера кисти и резца», посвященный истории дальневосточного изобразительного искусства, выпустил издательский дом «Частная коллекция»

Сборник состоит из трех основных разделов: изобразительное искусство на Дальнем Востоке (1920–1945), изобразительное искусство Хабаровского края (вторая половина XX века), документы из личных фондов художников. Он содержит не только документы по истории изобразительного искусства Хабаровского края, но и частично Дальневосточного региона и Забайкалья. Впервые в научный оборот вводятся малоизвестные и ранее не публиковавшиеся документы, которые хранятся в фондах Государственного архива Хабаровского края.

Издание помогает заново открыть историко-культурное пространство времен советской эпохи, эту уникальную документальную летопись почти столетнего развития изобразительного искусства одного из ведущих регионов Дальнего Востока – Хабаровского края.

Вышел в свет альбом Дмитрия Ефремова «Лес и люди. История познания»

Дмитрий Федорович Ефремов – ученый, кандидат сельскохозяйственных наук, заслуженный лесовод России, автор более 200 научных работ, почти полвека посвятивший изучению лесов. Размышления о людях, оставивших яркий след в душе, жизнь в науке, а также впечатления, навеянные красотой дальневосточной природы, нашли отражение в живописи и графике ученого.

В альбоме представлено более трехсот работ, созданных в разные годы, которые сопровождаются лирическими, полными юмора и теплоты комментариями автора.

Издание осуществлено при содействии Хабаровского краевого благотворительного общественного фонда культуры в рамках программы «Наше наследие».

В Дальневосточной государственной научной библиотеке осуществлен выставочный проект «Почетные граждане города Хабаровска»

В экспозиции, которая охватывает три столетия (конец XIX – начало XXI веков) представлено более двухсот изданий и архивных фотографий, посвященных почетным гражданам Хабаровска.

До революции это звание было присвоено 22 жителям Хабаровска – купцам, чиновникам, военным, которые вносили весомый вклад в развитие стратегически важного для России восточного города. В списке почетных граждан – генерал-губернаторы Приамурского края Н.Л. Гондатти, Н.И. Гродеков, П.Ф. Унтербергер, купцы Плюснины и Богдановы, жертвовавшие немало средств на развитие Хабаровска. На выставке представлен ряд интересных изданий, посвященных этим историческим личностям, в том числе книги известного дальневосточного историка, доктора наук, профессора Нины Дубининой «Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти», «Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков». Среди книжных раритетов – прижизненные издания генерал-губернатора Приамурского края П.Ф. Унтербергера «Приморская область. 1856–1898 гг.», вышедшая в свет в 1900 году, «Приамурский край. 1906–1910».

В советский период тема почетных граждан Хабаровска была забыта, и лишь в год 125-летия Хабаровска, в 1983-м, городской Совет народных депутатов принял решение возобновить процедуру присвоения звания «Почетный граж-

данин города Хабаровска». Более чем за двадцать лет почетными гражданами города стали 52 человека. Среди них государственные и общественные деятели, ветераны Великой Отечественной войны, герои труда, ученые, работники культуры и искусства, писатели и краеведы.

Выставочный проект посвящен 150-летию Хабаровска.

Живописное полотно итальянского мастера эпохи Возрождения Бенвенуто Тизи да Гарофало «Чудесное насыщение хлебами» из собрания Дальневосточного художественного музея вернулось из путешествия на родину в город Феррара, где было написано 500 лет назад

Путь протяженностью в 15 тысяч километров картина Гарофало проделала для того, чтобы стать участницей необычной выставки. Впервые за пять веков в рыцарском старинном замке были собраны 39 полотен «феррарского Рафаэля» из музеев всего мира.

Известно, что «Чудесное насыщение хлебами» (или «Чудо с хлебами и рыбами») – одна из серии картин, над которыми мастер трудился в течение многих лет бесплатно «исключительно из человеколюбия». Слепший на один глаз, Гарофало работал не зная праздников в монастыре Сан-Бернардино и молил Бога, чтобы не ослепнуть окончательно, пока не закончит работу. 150 лет назад полотно ушло из Италии, его приобрел для Эрмитажа Николай I, откуда в 1931

году картина была передана в Дальневосточный художественный музей.

«Гарофало из Сибири» – так называли картину из фондов ДВХМ итальянцы на открытии выставки в далекой Ферраре. «Букет из 39 гвоздик» (известно, что художник вместо подписи ставил в углу полотна свой фирменный знак – гвоздику) ежедневно посещали до 1000 зрителей, приехавших из разных стран, чтобы увидеть полотно знаменитого итальянца, собранные в едином пространстве.

Дальневосточный художественный музей представил выставку графики «Карнавалы Санкт-Петербурга, или Россия Михаила Шемякина»

Литографии и автолитографии из серии

«Карнавалы Санкт-Петербурга», «Метафизическая голова», из циклов «Стравинский» и «Высоцкий», а также несколько натюрмортов – часть обширной коллекции современного искусства, собранной ДВХМ в 1980–1990 годах. В этой коллекции также произведения Эрнста Неизвестного, Оскара Рабина, Владимира Немухина, Евгения Кропивницкого и др. Работы Шемякина дополнили музейную коллекцию в 1997 году, когда по приглашению самого художника сотрудники музея посетили его мастерскую в Нью-Йорке. Тогда Михаил Шемякин передал в дар дальневосточникам ряд графических произведений, а также книги по искусству для музейной библиотеки. Но еще за три года до этого события в Хабаровске, в рамках программы «Русское зарубежье» состоялась выставка работ Михаила Шемякина из собрания Александра Глезера. Организаторами выступили ДВХМ и Центр современной русской культуры (Москва – Париж – Нью-Джерси).

Выставочный проект «Неделя с Шагалом» осуществлен в Дальневосточном художественном музее

Его главным акцентом стала работа Марка Шагала «Портрет брата Давида с мандолиной» (1914). Произведение «русского француза» Марка Шагала в Хабаровске демонстрировалось впервые и было предоставлено Приморской государственной картинной галереей. «Портрет брата Давида с мандолиной» поступил во Владивосток в 1930 году из Государственной Третьяковской галереи. До 1966 года он находился в собрании Приморского музея им. В.К. Арсеньева, а затем был передан в картинную галерею. Портрет не раз экспонировался в России, а также в лучших музейных залах Европы, Азии и Америки в рамках выставочных проектов, посвященных творчеству Марка Шагала.

В Хабаровске «Портрет брата Давида с мандолиной» был представлен вместе с произведениями русского авангарда 1910–1920 годов из собрания Дальневосточного художественного музея. Это работы Кончаловского, Добужинского, Врубеля, Коровина, Крымова, Машкова и др. С ними Шагала роднит не только время, но и переплетения в судьбе и творчестве.

ВЫСОКОКАЧЕСТВЕННАЯ ПОЛНОЦВЕТНАЯ ПЕЧАТЬ

ЭТИКЕТКИ,
НАКЛЕЙКИ,
ПЛАКАТЫ,
ФИРМЕННЫЕ ПАПКИ,
УПАКОВКА ИЗ КАРТОНА,
ЛАМИНИРОВАНИЕ ФОРМАТА А2,
ЛАКИРОВАНИЕ,
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДИЗАЙН,
ФОТОВЫВОД ФОРМАТА А2+,
ДОПЕЧАТНАЯ ПОДГОТОВКА,
УФ-ЛАКИРОВАНИЕ,
И МНОГОЕ, МНОГОЕ ДРУГОЕ...

Россия, 680014, г. Хабаровск,
ул. Промышленная, 8^Б
E-mail: omega@omega.kht.ru
WEB: <http://omega.kht.ru>
Тел./факс: /4212/ 27-12-42,
Тел.: /4212/ 27-12-43,
27-12-44

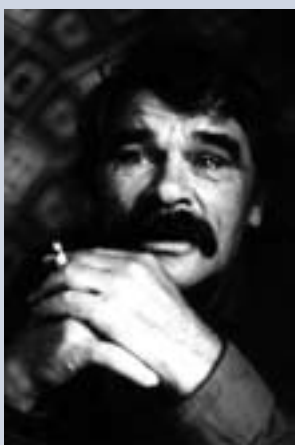
ПОЛИГРАФИЯ
ОМЕГА · ПРЕСС

Бабье лето. 1994. Х., м. 80x60

Торжок. 1994. Х., м. 108x117

Валентин СТЕПАНОВ (1931–1995) – один из самых ярких дальневосточных живописцев. Родился в селе Летняя Золотица на Белом море, куда в 1930 году были сосланы его родители после раскулачивания.

В 1946 году Валентин Степанов поступает в Ярославское художественное училище. В 1948 году, когда закончился срок вынужденного поселения, родители вернулись в родной Сталинград. Чтобы быть ближе к дому, Валентин переводится в Саратовское художественное училище. В 1951 году призывается в армию, в войска ПВО под Москвой. В 1956 году окончил Саратовское училище и спустя два года поступил на живописный факультет Ленинградской академии художеств (мастерская народного художника СССР Б.В. Иогансона). Несмотря на возможность остаться в Москве, приглашения из Саратова, Челябинска, Кирова, Валентин Степанов выбирает Хабаровск.

Здесь им созданы историко-эпические полотна «Годы легендарные» (1967), «Запись в колхоз» (1969), «Сталинград» (1985), лирические картины «Черемуха цветет» (1972), «Весна» (1974), «Письмо родным» (1981), а также множество пейзажей, натюрмортов, портретов.

Работы находятся в собраниях Дальневосточного художественного музея, галереи им. А.М. Федотова (Хабаровск), Комсомольского-на-Амуре музея изобразительных искусств, Биробиджанского художественного музея, в частных коллекциях.

Валентин Степанов был неизменным участником всех зональных и тематических выставок на Дальнем Востоке, всероссийских в Москве. Первая и единственная персональная выставка художника состоялась в Хабаровске через год после его смерти.

«...по первым же работам, написанным Валентином на дальневосточной земле, стало ясно, что хабаровчане приобрели неповторимого по силе цвета и чувства художника – живописца милостью Божией. Будь то историческая композиция «Годы легендарные» или скромный этюд «Черемуха», источающий аромат свежего утра, или освещенные мартовским солнцем гнедые лошади на подтаявшем снегу с голубыми тенями – везде своя неповторимая гармония цвета, которая заставляет нас видеть так, как видит лишь в момент душевного подъема, восторга или потрясения автор картины».

Валентина СТАРИКОВА, искусствовед

«Степанов – та Россия, которой природа подарила синие глаза, открытую доверчивую душу, незлобивость, любовь к жизни и талант».

Утро Победы. 1975. Х., м. 200x126

Рыжие лошади. 1991. Х., м. 70x48,5. ДВХМ

Татьяна ДАВЫДОВА, искусствовед